

А. Г. ГОЛИКОВ, Т. А. КРУГЛОВА

МЕТОДИКА РАБОТЫ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

Под редакцией
профессора А. Г. ГОЛИКОВА

Допущено

Учебно-методическим объединением

по классическому университетскому образованию

*в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению подготовки 030600 «История»*

Москва
Издательский центр «Академия»
2014

УДК 930(075.8)
ББК 63.2я73
Г604

Рецензенты:

зав. кафедрой истории России Московского педагогического государственного университета, профессор, доктор исторических наук *М. Ю. Лачаева*;
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
руководитель центра «Россия в международных отношениях»,
доктор исторических наук *Г. А. Санин*

Голиков А. Г.

Г604 Методика работы с историческими источниками : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова; под ред. А. Г. Голикова. — М. : Издательский центр «Академия», 2014. — 224 с. — (Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-4468-0233-3

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 030600 — История (квалификация «бакалавр»).

Книга знакомит читателя с особенностями фиксирования информации в основных видах письменных источников и в политической карикатуре, синтезирующей изображение и текст. Авторы на конкретных примерах показывают методические приемы источниковедческого изучения для решения задач исторического исследования. Предлагаются задания для самостоятельной работы студентов. К каждой главе составлен краткий список дополнительно рекомендуемой литературы.

Пособие служит дополнением к учебнику «Источниковедение отечественной истории».

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 930(075.8)
ББК 63.2я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым
способом без согласия правообладателя запрещается*

© Голиков А. Г., Круглова Т. А., 2014
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2014
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2014

ISBN 978-5-4468-0233-3

РАЗДЕЛ I

ИСТОЧНИКИ

X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Глава 1

ЛЕТОПИСИ

1.1. Общая характеристика

Летописи являются важнейшим историческим источником по отечественной средневековой истории. Дошедшие до настоящего времени списки летописных сочинений датируются XIII—XIX вв., хотя истоки летописания на Руси восходят к XI в.

Летописи обладают специфическими социальными функциями, содержательными и композиционными чертами, которые позволяют выделить их в особый вид исторических источников. Их социальной функцией следует считать сохранение в письменном варианте исторической памяти. Информация о тех или иных сторонах исторического процесса вносилась в летописи в форме погодных (годовых) статей.

Научное изучение русских летописей началось почти три столетия тому назад и непрерывно продолжается до настоящего времени. Постоянное внимание в науке к этому виду письменных исторических источников обусловлено их насыщенностью известиями о событиях, имевших место в жизни древней и средневековой Руси на протяжении многих столетий. Подобной информации, собранной в одном тексте и в столь значительном объеме, другие исторические источники не несут.

Продолжительное изучение летописей выявило ряд их особенностей, из которых главным признается компилятивное происхождение текстов. Еще в XIX в. было установлено, что летописи — это своды сообщений, взятых авторами из многих летописных (и не только) сочинений. «Летописи велики по объему, они развивались одна из другой, непрерывно, путем переработок и составления сводов предшествующего материала», — так кратко охарактеризовал принцип создания этих источников академик Д. С. Лихачев¹.

¹ *Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы XI—XVII веков). Л., 1983. С. 355.

Поскольку летописи «развивались одна из другой», то они часто обнаруживают сходство между собой. Учитывая компилятивный характер летописей, ученые создавали для изучения этого вида исторических источников частные методики, в основе которых лежит такой метод познания, как сравнение. У истоков сравнительного изучения летописей стоял государственный деятель, географ, историк В. Н. Татищев (1686 — 1750). Проводя сличение текстов разных летописей, он обнаруживал в погодных статьях совпадение или различие состава известий, отмечал разные датировки одних и тех же событий, выявлял полноту или краткость повествования об одних и тех же событиях и т. д.

Следующие поколения ученых совершенствовали сравнительный метод изучения летописей. Современные принципы подхода к применению этого метода наиболее основательно разработал А. А. Шахматов (1864 — 1920). Сравнительный метод, применяемый для изучения летописей как исторического источника, называется историко-сравнительным или историко-текстологическим (иногда просто — сравнительным или текстологическим).

Прежде чем применить сравнительно-текстологический метод изучения летописей необходимо, во-первых, отобрать для исследования сходные по содержанию летописи; во-вторых, определить время создания, происхождение и состав каждой из них. Далее проводится сравнение летописей с целью выявить в их погодных записях разночтения, т. е. различные варианты изложения об одном и том же событии.

Основные разночтения при работе с летописями можно свести к следующим группам: 1) неполное совпадение состава событий в погодной статье; 2) нарушение последовательности одних и тех же событий в одной и той же погодной записи; 3) различные детали в изложении одних и тех же событий; 4) различная эмоциональная окраска в повествовании об одном и том же событии; 5) разные стили изложения об одном и том же событии; 6) расположение одного и того же события в соседних погодных статьях.

Анализ разночтений между списками и редакциями одного и того же летописного памятника — *главный прием* в изучении самих летописей и восстановлении истории русского летописания XI — XVI вв. Этот анализ позволяет установить утраченные протографы, восстановить генеалогию летописных текстов, охарактеризовать процесс обработки разными летописцами одного и того же ранее созданного сочинения и т. д. Автор первого фундаментального исследования о хронологии русских летописей XI — XIV вв. Н. Г. Бережков писал о методике своего труда: «Приемы хронологического обследования летописей сводились к длинному ряду сопоставлений»¹.

¹ *Бережков Н. Г.* О хронологии русских летописей по XIV век включительно // Исторические записки. Т. 23. М., 1947. С. 332.

Самостоятельными элементами летописи, на которые обращается внимание при сравнительном анализе, являются дата погодной статьи, объединяющая все события одного года, и даты отдельных событий, внесенных в данную погодную статью.

Изучение этих хронологических элементов летописей представляет собой особое направление в источниковедении. Иногда это направление называют летописной хронологией. Оно появилось сравнительно недавно — в начале XX в. — и развивается в содружестве с исторической хронологией, с одной стороны, используя ее методики, а с другой стороны, предоставляя ей материал для изучения систем летосчисления. Летописная хронология помогает решать разнообразные вопросы, связанные с достоверностью и датировкой отдельных событий, уточнением источниковой основы летописного памятника, изучением работы летописцев над своими текстами и т. д.

1.2. Методика изучения

Первым этапом анализа хронологии какой-либо летописи является анализ датировок известий, помещенных в каждой погодной статье.

Началом любой погодной статьи являлся краткий однотипный заголовок — «В лето (такое-то)». «Лето», т. е. год, указывалось в летосчислении от Сотворения мира. Например, «В лето 6540. Ярослав поча ставити городы по Ръси»¹. После заголовка иногда вводился еще один хронологический элемент — индикт. *Индиктом* называется порядковый номер года, указанного по эре от Сотворения мира, в 15-летнем цикле. Например, индикт 6540 года был равен 15-ти². Вместе с тем византийский счет времени 15-летними периодами не был широко распространен на Руси, поэтому в летописных погодных статьях он встречается нечасто. Показательный пример использования индикта в летописи дает первая датированная статья в «Повести временных лет»: «В лето 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречьстемь <...>»³. В этом фрагменте летописец ссылался на греческий источник, которым он воспользовался для отыскания времени первого упоминания Руси и в котором счет лет был приведен наверняка индиктами.

¹ Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 66.

² О способах расчета индикта см.: *Круглова Т. А.* Историческая хронология // *Абрамова Н. Г., Круглова Т. А.* Вспомогательные исторические дисциплины. 2-е изд., испр. М., 2011. С. 293—294. Табл. 9.

³ Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 12.

После заголовка годовой статьи следовали известия об одном или нескольких событиях, совершившихся, по мнению летописца, в указанный год, и о которых он считал необходимым упомянуть в тексте. Если в статье повествовалось о нескольких событиях, то известия о них были, как правило, тематически независимы друг от друга. Внутри погодной статьи известие об одном событии отделялось от другого события хронологическими оборотами типа «Того же лета...», «В то лето...», «Той же зимы...», а затем передавалось содержание события. Также внутри погодной записи могли быть упомянуты события с так называемыми абсолютными датировками, т. е. с указанием числа и месяца, изредка уточнялось время суток: «Того же лета (6980) месяца июля в 20 в 3 часть ночи загореся на Москве на посаде у Вьскресения на рве...»¹. Таким образом, степень подробности и точности датировки каждого события, помещенного вместе с другими событиями под единой годовой датой, была различной.

Конкретный пример хронологических сведений одной погодной статьи возьмем из летописи Авраамки. Эта летописная компиляция была составлена или переписана Авраамкой в 1495 г. в Смоленске. Так, в данной летописи в записи 6897 года собраны известия о ряде событий, имевших место в Москве, Пскове и Новгороде: «В лето 6897. Преставися князь великы Дмитрий Ивановичь, на Москве, месяца Мая въ 9, на память святого пророка Исаия. Той же весне морь бысть великъ въ Пьскове, а знамение желозою. Той же весне ездилъ владыка Иоанъ въ Пьсковъ, и молитвою его преста морь въ Пьскове; и приеха Иоанъ владыка в Новьгородъ, и о немь тогда вси быша здрави. Того же лета посадникъ Григорей Якуновичь постави церковь камену Покровь святых Богородици, на воротехъ. Того лета приеха в Новьгородъ князь Семень Олгердовичь, на Успенье святых Богородица, и приаша его Новгородчи въ честь. Той же зиме преставися архиепископъ Новгородчкы Алексей, Февраля въ 3, память Семеона богоприимца»².

Внутри погодной статьи приведены семь известий о событиях, каждое из которых датируется разными способами (как, впрочем, это наблюдается и во многих других годовых статьях этой и других летописей). Два события имеют полные точные хронологические указания — число и месяц (9 мая; 3 февраля). Эти указания дополнены событиями церковного календаря: пророка Исаию православная церковь поминает 9 мая, а Симеона Богоприимца — 3 февраля. Календарную дату еще одного события — 15 августа — дает указание на великий церковный праздник («на Успенье святых Богородица»): праздник Успения Богородицы из года в год отмечается в один и тот

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. 242 (далее — ПСРЛ).

² ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стлб. 134.

же календарный день. Три события в погодной статье однозначно датированы сезонами (дважды «той же весне» и единожды «той же зиме»). Зимнее событие уточняется также указанием на число, месяц и церковный праздник.

Еще два события датированы, возможно, летними месяцами («того же лета», «того лета»). Сомнения в таком предположении усиливаются, если учесть многозначность слова «лето»¹. Оно могло быть использовано летописцем для включения события не в узкий временной отрезок летнего сезона, а в пространство всего календарного года. Во всяком случае выделительную частичку «же» в обороте «того же лета» логично соотносить не с сезоном, упомянутым в погодной записи выше, а «летом» в обозначении номера года («В лето 6897»).

В приведенной погодной статье есть также события, время совершения которых вообще дано без каких-либо хронологических уточнений: во-первых, это известие о возвращении владыки Иоанна в Новгород из Пскова, куда он отправился по случаю начавшегося там «мора»; во-вторых, известие о строительстве церкви Покрова. Датировка этих событий может быть расширена благодаря наблюдениям над их месторасположением внутри статьи относительно других событий. В Новгород владыка вернулся (сразу весной? летом?) из Пскова, куда он отправился, как сообщает предыдущее известие, весной; каменная церковь была поставлена, возможно, до 15 августа, так как известие помещено перед другим известием с упоминанием Успения Богородицы.

Все перечисленные события, с одной стороны, собраны летописцем под единым годом — 6897, а с другой — они относительны по отношению к тем событиям, которые имеют полные календарные даты. Такие относительные датировки должны считаться предположительными, хотя в ряде случаев при сличении разных летописей отдельные относительные датировки событий одной летописи могут быть уточнены: например, в одной из летописей будет приведена полная дата события.

Из проведенного анализа датировок событий одной летописной статьи видно, что летописец не всегда был современником и тем более очевидцем событий, но информацию о них он черпал из других летописей. Это говорит о сводном характере летописей.

В летописях с заполненными погодными статьями комбинируются статьи, которые вообще не содержат какой-либо информации. При этом летописец, не желая прерывать течение лет, сохранял заголовки с очередным порядковым номером «пустого» года. Обычно «пустых» статей много в начальных частях летописных текстов, где повествуется о древнем периоде отечественной истории. Например, порядковые номера «пустых» лет отмечены в одном из ранних лето-

¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8: Крада — Лящина. М., 1981. С. 217—218.

писных сводов — «Повести временных лет»: «В лето 6407. В лето 6408. В лето 6409. В лето 6410. Леон царь на угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарьску пленоваху. Семионъ же уведевъ, на угры възвратися, и угре противу поидоша и победиша болгары, яко одва Семионъ въ Деръстеръ убежа. В лето 6411. Игореви же възрастъшо, и хожаше по Олзе и слушааша его, и приведоша ему жену от Пьскова, именемъ Олгу. В лето 6412. В лето 6413. В лето 6414. В лето 6415. Иде Олегъ на Грекы...»¹.

Вместе с тем «пустые» статьи имеются и в сочинениях, освещающих более поздние периоды отечественной истории. Сошлемся на Рогожский летописец. Его единственный сохранившийся список датируется концом 1440-х гг. Текст этого летописного источника охватывает события от образования Древнерусского государства до 6920 (1411/1412) г. Одной из особенностей Рогожского летописца считается большое количество пропусков годовых статей, порядковые номера которых даже не воспроизводились. Лакуна из нескольких пропущенных годовых статей находится, например, перед последней погодной записью Рогожского летописца — перед 1411/1412 г.

Для проверки дат, которые в любой летописи приводились по эре от Сотворения мира, необходимы определенные условия. К ним относится наличие в погодной статье известий с полной календарной датой (число, месяц, день недели). Возьмем, к примеру, известие о смерти московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского, приведенное в Симеоновской летописи конца XV в.: «В лето 6897 месяца маиа в 19, на память святого мученика Патрекиа, на 5 недели по велице дни в среду долго вечера въ часъ ночи, преставися благоверныйи и христолюбивыйи и благородныйи князь великийи Дмитриий Ивановичъ Московский...»². По сравнению с летописью Авраамки (см. выше), Симеоновская летопись описывает известие о смерти Дмитрия Донского с большим числом хронологических элементов. Здесь к числу, месяцу и памяти святого добавлен день недели («среда») и соответствие его церковному календарю (среда пятой недели после Великого дня, т. е. Пасхи). Кроме того, указан час суток, когда скончался Дмитрий Донской.

Наличие в статье полной даты события (года, числа, месяца и дня недели) позволяет проверить соответствие этой даты названию дня недели, указанному в той же статье. Иначе говоря, мы проверяем, действительно ли 19 мая 6897 г. было средой.

Все хронологические элементы описания смерти Дмитрия Донского, приведенные в Симеоновской летописи, согласуются между собой. Их соответствие установлено, с одной стороны, по специальной таблице распределения числа и месяца любого года по эре от Сотворения мира или по эре от Рождества Христова по дням недели,

¹ Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 16.

² ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. 138.

а с другой — проверкой соответствия 19 мая 6897 г. указанию церковного календаря. Справочные материалы для подобных проверок помещены во многих пособиях по исторической хронологии¹.

Подобные проверки необходимы из-за того, что при объединении известий из разных летописных сочинений в одной погодной статье летописец мог внести в нее ошибочные уточнения хронологического характера.

Во многих случаях надежным средством для проверки дат погодных статей служат астрономические явления (лунные и солнечные затмения, прохождение комет, звездопады и т. д.), зафиксированные летописью. К явлениям такого рода летописцы были внимательны и достаточно подробно их описывали, поскольку по представлениям средневекового человека астрономические явления были предзнаменованиями несчастий. В «Повести временных лет» в статье 6573 г. летописец сообщил о нескольких известных ему необычных астрономических явлениях, которые явились, с его точки зрения, предвестниками разного рода неприятных событий. В конце статьи летописец подвел черту под своими рассуждениями следующим образом: «Знаменья бо въ небеси, или звездахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чимь, не [на] благо бывають; но знаменья сиця на зло бывають, ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ»².

При проверке датировок летописной статьи сведения о «знаменьях» выступают как независимые данные. Эта независимость обеспечивается тем, что любые явления, связанные с движением светил в пространстве, происходят с определенной регулярностью, подчиненной закону, позволяющему вычислять моменты их наступления в прошлом, настоящем и будущем. Еще в XIX в. астрономы рассчитали по своим методикам солнечные и лунные затмения и описали их элементы. С конца XIX в. стали создаваться так называемые каноны (каталоги) солнечных и лунных затмений. В частности, в 1887 г. был издан «Канон затмений» профессора Венского университета Теодора Оппольцера (1841 — 1886). Ученый представил в нем описания 8 000 солнечных затмений за период с 1207 г. до н. э. до 2161 г. н. э., а также 5 200 лунных затмений за период с 1206 г. до н. э. до 2163 г. н. э. В начале XX в. российский астроном М. А. Вильев (1893 — 1919) рассчитал 283 солнечных затмения, наблюдавшихся на территории России с 1060 по 1715 г. В его «Каноне русских солнечных затмений» указывались год, число, месяц каждого затмения, а также данные об условиях его видимости по отношению к географической широте Смоленска. Появление новых астрономических теорий в XX в., совершенствование методов астрономии, использование современных

¹ См.: *Круглова Т. А.* Историческая хронология // *Абрамова Н. Г., Круглова Т. А.* Вспомогательные исторические дисциплины. 2-е изд., испр. М., 2011. С. 285, 295 — 304.

² Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 72.

компьютерных программ для многочисленных вычислений показали, что каталоги Т. Опольцера и М. А. Вильева, рассчитанные вручную, содержат ряд неточностей и ошибок. В настоящее время зарубежные и отечественные астрономы подготовили более точные каталоги. Среди новейших трудов российских астрономов назовем «Канон солнечных затмений для России: 1000 — 2050 г.» М. В. Лукашовой и Л. Н. Румянцевой, а также канон М. Л. Городецкого.

Описания солнечных и лунных затмений, приведенных в кано-нах, помогают историкам решать ряд источниковедческих задач.

Во-первых, они дают возможность установить большее количество точных календарных дат событий, упомянутых в погодной записи без хронологических элементов. И такими точными датами становятся даты затмений, определяемые по каталогам.

Во-вторых, современные астрономические данные о произошедших в древности солнечных затмениях иногда служат доказательством достоверности летописных известий. Так, в историографии давно отмечено, что ряд известий о событиях, имевших место в глубокой древности, читается только в Никоновской летописи — источнике позднего происхождения: летопись была создана в конце 1520-х гг. Отсутствие чтений об этих событиях в других, более ранних, летописях порождало недоверие исследователей к Никоновской летописи. В ней, например, под 6487 г. впервые в русских летописях зафиксировано солнечное затмение: «Знамение. Того же лета быша знамения в луне, и в солнце и в звездах, и быша громи велицы и страшни, и ветри силни с вихром, и много пакости бываху человеком, и скотом, и зверем лестным и полским»¹. В «Каноне русских солнечных затмений» М. А. Вильева это солнечное затмение не было учтено, так как оно выходило за взятые астрономом хронологические рамки. Современные же астрономические расчеты свидетельствуют о том, что такое затмение действительно произошло 29 июня 979 г. (соответствует 6487 г. по эре от Сотворения мира). Расчеты позволяют достаточно подробно его охарактеризовать: «... в 979 году в Киве можно было видеть самое сильное более чем на 20-летнем интервале с[олнечное] з[атмение] с максимальной фазой 0.89. Затмение происходило незадолго до заката, когда Солнце было низко над горизонтом и поэтому должно было быть при хорошей погоде хорошо заметно»².

В-третьих, иногда описания солнечных затмений позволяют определить территорию, где летописец мог наблюдать затмение. Обратимся к Рогожскому летописцу, где имеется краткая погодная статья, включающая два известия: «Въ лето 6744 бысть знамение въ солнци

¹ Цит. по: *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси: с Каталогом астрономических известий в Русских летописях, составленным М. Л. Городецким. М., 2007. С. 94. Сноска 23 (комментарий М. Л. Городецкого).

² Там же.

августа 3 въ неделю по обеде и видеша вси яко месяц 4 днии. Тое же осени Татарове взяша Българы»¹. Известие о солнечном затмении содержит немало хронологических элементов: календарные указания — число (3-е), месяц (август), день недели — воскресенье («неделя») и даже указание на дневное время суток («по обеде»). Проверим, было ли 3 августа 6744 г. воскресным днем. Согласно таблице распределения чисел и месяцев определенных лет по дням недели противоречий между этими элементами нет. По канонам солнечных затмений это событие действительно имело место 3 августа 1236 года (соответствует 6744 г. по эре от Сотворения мира).

Сообщение о солнечном затмении 1236 г. встречается не только в Рогожском летописце. Оно отмечено и в других летописях: Новгородской первой летописи младшего и старшего изводов, Новгородской четвертой летописи XV в., Никоновской летописи XVI в., Софийской первой летописи XV в., Тверском сборнике XVI в. Приведем известие об этом затмении по Синодальному списку Новгородской первой летописи старшего извода: «Въ лето 6745. Бысть знамение въ солнци месяца августа въ 3 день, на память святых отец Далмата, Фауста, Исакия, въ уденье; бысть таково знамение: тма бысть въ солнци съ запада, акы месяц бысть въ 5 ночки, а съ востока светло, и опять со востока тма бысть такоже, акы месяц 5 ночки, а с запада светло, и тако исполнися опять»².

Как видим, хронологические характеристики сообщения о затмении 1236 г. в Рогожском летописце и в Синодальном списке Новгородской первой летописи совпадают лишь частично. В них одинаковы указания на число и месяц затмения, а также на то, что оно произошло днем («по обеде» или «в уденье»). Одновременно обнаруживаются и серьезные разночтения: с одной стороны, в Синодальном списке отсутствует указание на день недели, но в то же время в этом списке датировка дополнена указаниями памяти святых, взятых из церковного месяцеслова.

В обеих летописях их составители привели важнейшую характеристику затмения: они указали фазу видимости солнца. Иначе говоря, летописцы сообщили о том, как солнце выглядело в момент затмения. Но в каждой из двух летописей состояние светила описано по-разному. В Рогожском летописце сказано, что солнце было размером, «яко месяц 4 днии», т.е. как луна на четвертый день после своего появления на ночном небе. В Синодальном списке фаза затмения другая — «яко месяц в 5 ночей».

Установленное разночтение не может быть объяснено ошибочной заменой одной цифры другой. Это расхождение в фазах видимости

¹ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стлб. 28—29.

² ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 74.

солнечного затмения говорит о том, что наблюдение и запись о затмениях проводились в разных местах. Из указания видимости солнца «яко месяц 4 днии» можно предположить, что затмение наблюдалось южнее Смоленска, а видимость солнца «якы месяц 5 ночей» — в районе Чернигова или Новгород-Северского¹. Таким образом, на основании сведений о различных фазах одного и того же солнечного затмения могут быть выделены две группы летописей, которые, по-видимому, восходят к протографам, созданным в разных летописных центрах.

Еще одно из существенных различий, обнаруживаемое при сравнении описания этого солнечного затмения, требует объяснения. Дело в том, что известие о затмении включено в Рогожском летописце в погодную запись 6744 г., а в Синодальном списке — в погодную запись 6745 г. Возникает вопрос: разночтение появилось как неосознанная ошибка одного из летописцев на каком-то этапе сведения разных источников или в этом разночтении проявилась особенность одного из ранних протографов, с которым позднее работал сводчик?

В поисках ответа на поставленный вопрос следует иметь в виду, что до конца XV в. на Руси пользовались разными стилями летоисчисления, т. е. исходной точкой очередного нового года. Новый год мог начинаться и 1 марта и 1 сентября. Кроме того, существовал вариант мартовского стиля — так называемый ультрамартовский стиль. Отсчет продолжительности очередного года согласно этому стилю начинался на один год позже, чем год мартовского стиля. С учетом многообразия стилей можно ответить на поставленный выше вопрос так: летописцы, наблюдавшие одно и то же затмение на разных территориях, использовали для датировки этого события, внесенного в их погодные статьи, разные стили.

Проверим эту гипотезу, для чего переведем летописные даты обоих источников на современную шкалу счета времени (табл. 1.1), в которой начало года относится к 1 января и счет лет ведется по эре от Рождества Христова. Поскольку мы не знаем стиля каждой из двух анализируемых погодных записей, переведем обе даты на современный счет лет по правилам перевода дат, указанных по эре от Сотворения мира, на даты по эре от Рождества Христова².

Из таблицы следует, что обе даты, зафиксировавшие в летописях одно и то же затмение, в современной системе счета лет согласуются при следующих условиях. Первое — если в Рогожском летописце

¹ См.: *Гришина Н. Г.* Полные календарные даты Рогожского летописца // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. памяти В. И. Буганова. М., 2001. С. 69.

² Правила перевода см.: *Круглова Т. А.* Историческая хронология // *Абрамова Н. Г., Круглова Т. А.* Вспомогательные исторические дисциплины. 2-е изд., испр. М., 2011. С. 292. Табл. 8.

Таблица 1.1. Варианты перевода летописной даты на современное летосчисление

Стили летосчисления \ Дата	3 августа 6744 г. (Рогожский летописец)	3 августа 6745 г. (Синодальный список Новгородской первой летописи)
Мартовский	(6744 г. – 5508) = 1236 г.	(6745 г. – 5508) = 1237 г.
Сентябрьский	(6744 г. – 5508) = 1236 г.	(6745 г. – 5508) = 1237 г.
Ультрамартовский	(6744 г. – 5509) = 1235 г.	(6745 г. – 5509) = 1236 г.

было использовано мартовское или сентябрьское начало года. Однако заметим, что составитель Рогожского летописца именно в эту погодную запись, границы которой должна быть обозначены с 1 марта текущего года до 28 или 29 февраля будущего года, внес и осеннее известие «Тое же осени Татарове взяша Българы». Это означает, что сентябрьское новогодие исключается: составитель Рогожского летописца ориентировался на мартовское начало года. Если бы он пользовался сентябрьским новогодием, он отнес бы осеннее событие к следующему году — 6745. Второе — если в Синодальном списке Новгородской первой летописи использовано ультрамартовское начало года. Таким образом, различие в годовой датировке одного и того же события здесь вполне допустимо объяснить разными системами счета лет, к которым прибегали летописцы, зафиксировавшие затмение.

Важной стадией работы с хронологическими данными погодной статьи является сопоставление исследуемой статьи со смежными статьями, ей предшествующими и следующими за ней.

Продемонстрируем необходимость изучения окружения погодной записи на примере тех же погодных записей о затмении 1236 г. Их сопоставление с предшествующими и последующими статьями показывает, что в ряде летописей известие о затмении 1236 г. повторяется. Дублирование отмечено в Новгородской четвертой летописи, Никоновской летописи, Московском летописном своде 1479 г. Приведем пример с повтором известия в Новгородской четвертой летописи, где в конце погодной записи 6744 г. кратко сообщено: «В се же лето солнце погибе по всеи земли»¹. В этой же летописи вслед за кратким известием начинается новая годовая статья, в которой известие о затмении почти во всем совпадает с текстом Синодального списка Новгородской первой летописи: «Въ лето 6745. Бысть знаме-

¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 214.

ние въ солнци августа 3 в полудни; бысть таково знамение: и тма бысть въ солнци съ запада, аки месяцъ 5 ношии, а со востока светло, и опять съ востока тма бысть такожде, аки месяцъ 5 ношии, и съ запада светло, и тако исполнися опять»¹.

Итак, в Новгородской четвертой летописи сообщение помещено, во-первых, под датой 6744 г., как в Рогожском летописце, и, как уже установлено выше, эта дата указывает на использование летописцем мартовского новогодия. Во-вторых, в следующей статье 6745 г. это событие датировано, как установлено выше, по ультрамартовскому стилю. Подобное дублирование указывает на то, что на каком-то этапе истории Новгородской четвертой летописи один из ее составителей соединил в едином летописном тексте известия о событии, датированном с помощью разных календарных систем. В этих источниках рассказывалось о затмении по-разному: в одном случае предельно кратко, а в другом — весьма подробно. Тексты были столь не похожи друг на друга, что летописец не сумел их отождествить и воспринял в качестве самостоятельных известий о разных астрономических событиях, которые могли повторяться часто.

Надо заметить, что аналогичная краткая запись о солнечном затмении 6744 г. (по мартовскому стилю) сохранилась в ряде летописей. Так, в летописи Авраамки в записи 6744 г. так же, как и в Новгородской четвертой летописи, затмение описано предельно кратко: «В лето 6744. Солнце погыбе по всей земли»². Так же кратко описано затмение в Симеоновской летописи в погодной статье 6744 г. При этом в обеих летописях в следующей статье 6745 г. сообщение о затмении не дублировалось.

Исходя из приведенных выше сопоставлений, можно предположить, что Новгородская четвертая летопись и Синодальный список Новгородской первой летописи имели общий протограф. Из него обе летописи получили одинаковое пространное чтение о затмении. В настоящее время установлено, что этим протографом явилась так называемая Новгородская владычная летопись XII—XIV вв., которая лежит в основе многих новгородских летописей. В то же время летописцы, создававшие текст Новгородской четвертой летописи, пользовались летописями, происходившими из других летописных центров. Это подтверждается наличием в Новгородской четвертой летописи известия, аналогичного известиям о затмении из летописи Авраамки 1495 г. и Симеоновской летописи конца XV в. Так, по наблюдениям ученых, в своей ранней части известий Симеоновская летопись близка к Троицкой летописи начала XV в., созданной в Москве, и содержит Тверскую редакцию 1412 г. общерусского свода конца XIV в. или начала XV в. — протографа Тверской летописи.

¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 214.

² ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стлб. 50—51.

Таким образом, системы летосчисления служат объективным показателем компилятивного характера летописей и могут использоваться при выделении в составе летописи фрагментов предшествовавших ей сводов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000; Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000; Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000; Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000; Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бережков Н. Г. О хронологии русских летописей по XIV век включительно // Исторические записки. Т. 23. М., 1947.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV — XV вв. // История СССР. 1983. № 4.

Гимон Т. В. Историческое описание раннесредневековой Англии и Древней Руси. М., 2012.

Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII—XV вв.: разночтения между списками Новгородской первой летописи // Труды отдела древнерусской литературы / ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Т. 57. СПб., 2006.

Гришина Н. Г. Полные календарные даты Рогожского летописца // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. памяти В. И. Буганова. М., 2001.

Данилевский И. Н. Нерешенные вопросы хронологии русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 15. Л., 1983.

Иванова Н. П. Месяцеслов как система календарного датирования в летописях // Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009.

Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы XI—XVII веков). Л., 1983.

Лукашова М. В., Румянцева Л. Н. Канон солнечных затмений для России: 1000—2050 гг. // Труды Института прикладной астрономии РАН. Вып. 7. СПб., 2002.

Святский Д. О. Астрономия Древней Руси: с Каталогом астрономических известий в Русских летописях, составленным М. Л. Городецким. М., 2007.

Цыб С. В. Методика историко-хронологического исследования (на примере древнерусской хронологии) // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул, 1996.

ЗАДАНИЯ

1. Определите абсолютные и относительные даты помещенных ниже погодных записей из свода начала XII в. «Повести временных лет» и Софийской второй летописи начала XVI в. Для этого обратитесь к учебному пособию А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории».
2. Выделите в статьях самостоятельные известия о событиях и проанализируйте способы их датирования внутри погодной записи.
3. Можно ли на основе этих датировок говорить о том, что летописец вел записи синхронично событиям?
4. Там, где возможно, проверьте в полных датах соответствие друг другу их хронологических элементов.
5. Проанализируйте содержание и датировки приведенных статей на стыке погодных записей. Что можно сказать о границах погодных статей? Каким стилем летосчисления пользовался летописец?
6. Сопоставьте приемы датирования событий в каждой из летописей и выскажите свое мнение о том, существует ли зависимость способа датировки от характера датируемого события.

Повесть временных лет (фрагмент)

«В лето 6609. Преставися Всеславъ, полоцкий князь, месяца априля въ 14 день, въ 9 час дне, въ среду. В то же лето заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестьи и иде на нь Святополкъ, и заста и в граде, и емь и, и окова, и приведе и Киеву. И молися о нем митрополить и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша и у раку святою Бориса и Глеба, и сняша с него оковы, и пустиша и. Томъ же лете совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимерь, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, братъ ею, на Золотьчи. И прислаша половци слы от всехъ князий ко всей братьи, просяще мира. И реша имъ рускыи князи: “Да аще хочете мира, да совокупимся у Сакова” И послаша по половце, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, месяца семтября въ 15 день, и разидошася разно.

В лето 6610. Выбежа Ярославъ Ярополчичъ ис Киева, месяца октября въ 1. Того же месяца на исходе, прелстивъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, и ять и на Нуре, и приведе и къ отцу Святополку, и оковаша и. Том же лете, месяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимерь, съ новгородци; бе бо Святополкъ с Володимером рядъ имель, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немь а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери. И приде Мстиславъ Киеву, и седоша в-ызде, и реша мужи Володимери: “Се прислашь Володимерь сына своего, да се седят новгородци, да поимше сына твоего и идуць Новугороду, а Мьстиславъ да

БИБЛИОТЕКА

ФГБОУ ВПО «ТГУИ имени А.П. Чехова»

идеть Володимерю». И реша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тебе, и ркли ны тако: 'Не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главе имееть сынъ твой, то пошли `и; а сего ны даль Всеволодь, а въскормили есмы собе князь, а ты еси шель отъ насъ'». И Святополкъ же многу прю имевъ с ними, онем же не хотевшим, поимше Мстислава, придоша Новугороду. В то же лето бысть знаменье на небеси, месяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря от вѣстока и уга и запада и севера, и бысть тако светъ всю ночь, акы от луны полны светящъся. В то же лето бысть знаменье в луне, месяца февраля въ 5 день. Того же месяца въ 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дугы, и быша другыя дугы хребты к себе. И сия видяще знаменья благовернии человеци со въздыханьем моляхуся к Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лето вложи Богъ мысль добру в русьские князи: умыслиша дерзнути на половце и пойти в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послече в пришедшее лето. В се же лето преставися Ярослав Ярополчичъ, месяца августа в 11 день. В се же лето ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, месяца ноября въ 16 день.

В лето 6611. Богъ вложи в сердце княземъ рускым Святополку и Володимеру, и снястася думати на Долобьске. И седе Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомъ шатре. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «Негодно ныне весне ити, хотим погубити смерды и ролью ихъ». И рече Володимеръ: «Дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и приехав половчинъ ударить и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехавъ иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?». И не могоша отвещати дружина Святополча. И рече Святополкъ: «Се язъ готовъ уже». И вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши земле Русской». И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: «Поидита на половци, да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхоте сего, вину река: «Не сдравлю». Володимеръ же целовавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по нем, и Давыдъ Святославичъ, и Давыдъ Всеславичъ, и Мстислаъ, Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ. И поидоша на конихъ и в лодьяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчих в Хортичем острове. И всдоша на коне, и пешци из лодей выседше, идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутень. Половцы же, слышавше, яко идеть Русь, собращася бе-щисла, и начаша думати. И рече Урусоба: «Просим мира у Руси, яко крепко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русской земли». И реша унейшии Урусобе: «Аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ. Сия бо избивше, поидем в землю ихъ, и примемъ грады ихъ, и кто избавить и от насъ?». Русские же князи и вои вси моляхуть Бога, и обеты вздаяху Богу и матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогым, инии же монастырем требованья. И сице молящимся, поидоша половци и послаша пред собою в стороже Алтунопу, иже словяше в них мужеством. Тако же русские князи послаша стороже свое. И устерегоша русские сторожеве Олтунопу, и обиступивше и, и уби-

ша Алтунопу и сушая с ним, и не избыть ни единъ, но вся избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бе презрети ихъ: и Русь поидоша противу имъ. И Богъ великий вложи ужасъ велику в половце, и страх нападе на ня и трепеть от лица русских вой, и дремаху сами, и конем ихъ не бе спеха в ногах. Наши же с весельем на конех и пеши поидоша к ним. Половцы же, видевшее устремленье руское на ся, не достигнувше, побегоша пред русскими полки. Наши же погнаша, секуще я. Дни 4 апреля месяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть победу велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кчия, Арьсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочая князий их, а Белдюзя яша. Посем же седоша братья, победивше врагы своя, и приведоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собе злато, и серебро, и коне, и скоть. Святополкъ же посла и к Володимеру. И пришедшю ему, нача впрошати его Володимеръ: «То веде яла вы рота. Многожды бо ходивше роте, воевасте Русскую землю. То чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь хрестьянску? Да се буди кровь твоя на главе твоей». И повеле убити и, и тако расекоша и на уды. И посем сняшася братья вся, и рече Володимеръ: «Съ день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся во нь; яко Господь избавил ны есть от врагъ наших, и покори врагы наша, и “скруши главы змиевыя, и далъ еси сих брашно людем” русьскимъ». Взяша бо тогда скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью, и заяша печенегы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великим, и с славою и с победою великою. Сем же лете придоша пружи, августа в 1 день. Того же месяца въ 18 день иде Святополкъ, и срубил городъ Гюргевъ, его же беша пожгли половци. Того же лета бися Ярославъ с мордовою, месяца марта въ 4 день, и побежень бысть Ярославъ».

Софийская вторая летопись (фрагмент)

В лет(о) 6980, ноября 8 поставиша еп(и)с(ко)па Перми Филофея, бывши игумен Ферапонтова монастыря.

Тое ж(е) зимы поставиша вл(а)д(ы)ку на Рязан(ь) Феодосиа архимандрита чудовског(о).

Тое ж(е) зимы постави вл(а)д(ы)ку Сараю Прохора.

Тое ж(е) зимы прииде Феофил, нареч(е)ннии вл(а)д(ы)ка ноугородскии, на Москву ставитис(ь) на вл(а)д(ы)чество. И поставлен быс(ть) м(е)с(я)ца декаврия 15 в н(е)д(е)лю прао(те)цьскую. Ту ж(е) пленных всех, испроси у великог(о) кн(я)зя, и княз(ь) велики отпусти ноугородцевъ, а намесники посла.

Тое ж(е) зимы вятчене совокупльшес(я) шед, взяша Сарай Великии, татар всех изсекоша, а сущее все разграбиша, а инии м(е)ртвых раскапывающии грабяху.

Тое ж(е) зимы явис(ь) на н(е)б(е)си звезда копейным образом, юж(е) зовяху ч(е)л(о)в(е)ци хвостата, на востоце, простираема луча от нея на запад, бывши дни многи погибе. И другая явис(ь) на западе, простирая луча на восток.

Тое ж(е) зимы послал кн(я)зь велики кн(я)зя Федора Пестрога на Великую Пермь воевати за их неисправление. Июня 26 прииде вестъ къ великому кн(я)зю, яко Пермь взял, а грубников переимал да и прислал, а землю за него привел.

Тое ж(е) весны по Велице дни выступи миро от иконы с(вя)т(о)го Николы над гробом с(вя)таг(о) Петра митрополита.

О создании ц(е)ркви на Москве соборныя с(вя)тыя Б(огоро)д(и)ща.
Тое ж(е) весны помысли Филипп митрополит ц(е)рк(о)вь соборную воздвигнути с(вя)тую Б(огоро)д(и)цю во граде Москве, понеж(е) та бе обещала, юж(е) Петръ митрополит и чудотворецъ своимъ руками заложил каменную, идеж(е) тело ег(о) лежаше, яко ж(е) в житии ег(о) написано Киприяном митрополитом. И блюд(ь)шис(я) падения, уж(е) деревии толстыми комары подпираху, минувши ж(е) составлении ея лет 150. Сие помысливы сотворив, призва мастеры Ивашка Кривцова да Мышкина и нача им г(лаго)лати, аще имутся делати, хотяше бо велику и высокую ц(е)рк(о)вь сотворити, подобну владимерской с(вя)тои Б(огороди)ци. Мастери ж(е) изымашес(ь) ему таковую ц(е)рк(о)в(ь) воздвигнути. Сотвори ж(е) митрополит тягину велику, со всех попов и монастырей сбирати сребро на ц(е)рковное создание сил(ь)но, яко ж(е) собра многа сребра. Тогда бояре и гости своею волею части своя имени даша митрополиту на ц(е)рковное создание. Яко ж(е) собра мног(о) сребра, нача разрушати ц(е)рк(о)вь и делател(ь) множество сведе, и въскоре до земли разрушиша. Мощи ж(е) с(вя)таго с(вя)т(ите)ля Петра не ископаше, но создания стены пръвые оставиша над ним. Ц(е)рк(о)вь ж(е) обложив круг тое ц(е)ркви боле тое, а володимерской шире и доле полторою сажен(ь)ю. И рвы копаша, и колия биша по обычаю своему, но не разумеша силы в том деле, известъ житка растворяху с песком, ино не клеевито, а внутрь того ж(е) малог(о) камня сбираху да внутрь СТЕНЫ сыплюще, да известию поливаху, яко ж(е) раствором тестеным, потому ж(е) не крепко дело, яко ж(е) тяги на тог(о) камня погнетет в место и правила стены извихляется.

Того ж(е) лета июл(я) 20 загорес(я) посад на Москве, и мног(о) дворов погорело от Голутвиньскаг(о) двора.

Того ж(е) лет(а) м(е)с(я)ца июл(я) 29 приходилъ ц(а)рь Охмут Кичиахметевич ордынскыи со всею силою великою ордынскою, и подшед близ Руси, остави у ц(а)р(и)ци старых и болных, и малых и поиде с проводники не пут(ь)ма, и прииде к реце Оке под город под Олексин с литовскаго рубежа. Кн(я)зь ж(е) велики воеводе своему олексинскому Семену Беклемишеву, понеж(е) не успеха запастис(ь) чим битис(ь) с татары. Он же захоте у них посула, и гражане даша ему пят(ь) рублев, и захоте жене своей шестаг(о) рубля. И се ему гл(аголю)щую: “Приидоша татарове”; и Семен побеже за Оку реку и с женою и с слугами, и татарове за ним в реку. В то время приспе кн(я)зь Василей Михайлович Вереиский не со многими люд(ь)ми нача с татары битис(ь), не пусти их через реку. По мале прииде князь(ь) Юрии, ис Серпохова с вои и брат ег(о) кн(я)зь Борис с Козлова броду, и приспе воевода Петръ Федорович Челяднинъ с полком. Не мога ничто ж(е) ц(а)рь сотворити и к городу приступи, и мног(о) татар побии под Олексиным, изнемогоша, нечим битис(ь), ни пушек, ни пищалей. И татарове зажгоша

град, граждане ж(е) изволиша згорети, неж(е) предатис(ь) татаром. Воеводы ж(е) с силами стоят, не бе им куды пособити, реки великия Оки, и видевши множ(е)ство вои русских, наипач(е) бояхус(ь) кн(я)зь Юрьи Васил(ь)евич, понеж(е) имени ег(о) трепетахус(ь) страны. И спросивше татар, иж(е) с нашей стороны, которые кн(я)зю великому служат, яко не вся сила вместе, кн(я)зь ж(е) велики под Ростисловлем стоит, а ц(а)р(е)вич Даньярь Каисымович на Коломне стоит с татары, а кн(я)зь Ондрей Бол(ь)шой в Серпохове, а с ним Муртаза ц(а)р(е)вич Мустофин с(ы)нъ ц(а)ря казаньскаг(о), и слышав то, побеж(е) проч(ь), а вода пред собою посла великаг(о) кн(я)зя киличя Волнина, блюдучис(ь) тог(о), егда кн(я)зя великаг(о) ц(а)р(е)вичи шед воз(ь)мут Орду и ц(а)р(и)цю ег(о).

Тогда княгиня великая ехала в Ростов и разболес(я) в Ростове, и кн(я)зь велики прииде к Москве, и кн(я)зь Юрьи с ним, и слышав м(а)т(е)рьню болезнь, погони навещати м(а)т(е)ри с мен(ь)шею брат(ь)ею.

А кн(я)зь Юрии разболес(я) и умре м(е)с(я)ца сентевриа 13, и положиша ег(о) во ц(е)ркви Архаанг(е)ла Михаила на плащадии.

Тогда ж(е) того ж(е) лет(а) изведоша делатели и ц(е)ркви с(вя)тыя Б(огороди)ца до порога и гробници на тех жо сторонах еп(и)с(ко)пом доспеша, Кипреяна да Фотей митрополитавъ на праваи староне в ряд, а Фегнаста митрополита в приделе в Петре с(вя)том у Петра митрополита об одну стену.

На другое лето мало мосту изведоша и гробници митрополитом заложиса. Тогда Иону цела суша обретоша мая 29, Фотей ж(е) цела суша не всего, едины ноги толика в теле, а Кипреяна всег(о) истлевша, едины мощи. Иона ж(е) исцели отрока шти лет, попова с(ы)на Петрова Ивановскаг(о) под колоколы, храма суша. Множ(е)ство ж(е) людий Ионину телу прикладывающе, сребра наметаше, яко ж(е) в газофулакию, митрополит же все то отнявъ у поповъ на создание ц(е)рк(о)вное. Тогда же Иона и Селивача исцели Рязанца, внутри болячку имуща. Петра ж(е) великаг(о) нощию ископаша и обретоша мощи ег(о), и людем не явиша, но ларець поставиша возле Ионинъ гроб, идеж(е) н(ы)не Филиппъ митрополит лежит. И лобзаша ег(о) вси приходящии, не вем же, мощи ег(о) беша ту или ни, дивихся велими, тол(ь)ко будет в правду тут, яко такова чудотворца ту положиша бесчестно, не изнесоша в ыной храм, делатель бо делающе, поверхъ его ходят, а что ни ес(ть) отесков каменных, то все на гробъ тои падаше, и Иону митрополита боле жребяху, но инии гл(агола)ху, яко в полате митрополит Петра чудотворца мощи положи, но народа рады яви, яко ту подле и онъ гробъ в ларце лежит, кобы в полату не ходили. Нимало ж(е) делатели изведоша ц(е)ркви тоя и столповъ, донележ(е) олтаря надделали и место чудотворцю також(е) близъ жертвеника сотвориша. Тогда кн(я)зь велики хотяше и митрополит сотворити опричной д(е)нь и пренести на то место, где ему быти, и праздник ему доспети и впрок паки д(е)нь тьи празновати. Но и княгиня великая Мариа, м(а)ти кн(я)зя великаг(о) Ивана Васил(ь)евич(а), захотела в Ростов ехати, и здумаша, и пренесоша мощи ег(о) июл(я) 1, и праздникъ велик учиниша, и канон принесению мошем учинити и слово доспети о ц(е)рковном замышлении и о обретении чудотворцове, и о обретении Ионине Пахом(ь)ю Сербину, мниху Сергиеву монастыря, иже сотвори два канона.

А въ слове том написа, яко в теле обрели чудотворца, невериа ради люд(ь) скаг(о), занеж(е) кои тол(ь)ко не в теле лежит, тот у них не с(вя)тъ, а тог(о) не помянут, яко кости наги истачают исцеления. И повеле кн(я)зь велики по всеи земле празновати пренесение мощем чудотворца м(е)с(я)ца июля 1 д(е)нь. В той ж(е) ц(е)ркви, идеж(е) олтарь, ту, доколе свершат ц(е)рк(о)вь, повелеша древену поставити, и свещаша еа во имя тоя ж(е) ц(е)ркви Успения с(вя)тыя б(огороди)ца, и приградиша к ней и гробъ Петра чудотворца.

Того ж(е) лет(а) послаша кн(я)зь велики Фрязина в Рим к папе свататис(ь), занеж(е) сказалъ ему ц(а)р(е)вну греческаг(о) ц(а)ря аморейскаг(о) именем Зинаиду, а папе во племени, и родителем еа умершим, и папа взя еа к себе и хотяше еа выдати. И посла пана Юргу с ним въ проводатех, что знает тот пут(ь) итти на Новъгород, и оттуду на Немци и на Венецию город, и оттуду к Риму, занеж(е) близок пут(ь) к Риму туда. Онъ ж(е) прииде в Венецию и сказася бол(ь)шии боярин у великаг(о) кн(я)зя, и был в Риме, и тамо с папою сговорил, и папа восхоте дати еа на Рус(ь), а и сама деи, рекши, хр(и)стьяньства ради за великаг(о) кн(я)зя похотела. Г(лаго)лють ж(е), рекши корол(ь) присылался, хотя еа за с(ы)на взяти, она ж(е) не восхотела латыньства ради. И иде Фрязинъ тем же путем на Венецию, кн(я)зь же венецииский здума з бояры своими, ХОТЬ ити на турскаг(о) ц(а)ря, что во Ц(а)реграде сидит, взяв за собою хр(и)стьяньский град и ц(е)рк(о)вь великую Софею в мизгит учини, юж(е) созда Устиянъ великий ц(а)рь, и не можаше единъ, и восхоте Орду поднати с собою, но не знааху граждане ег(о), куды послу дойти до Орды. И слыша, что от Руси ес(тъ) пут(ь), и нача чтити Фрязина, и дарити, и говорити ему, чтобы посла его взял с собою на Рус(ь) да велел проводити до Орды. Фрязинъ ж(е) обещас(ь), взем посла ег(о) и прииде к великому кн(я)зю, и речи вси папины сказа, а посла тог(о) гостем назва, а ц(а)р(е)вну на иконе написану принесе, кн(я)зь ж(е) велики, здумавъ с матерю своею великою княжинею, посла еа взяти. Тот же Фрязин толмача добывъ и посла тог(о) отпусти, Тривизана зовома, на Рязан(ь) да и к Орде втаи великаг(о) кн(я)зя. Яко Фрязин от(ъ)иде в Рим, тогда прииде к великому кн(я)зю, яко посла приведши венециискаг(о) Фрязин да отпустил к Орде. Тогда посла повеле изымати на Резани и с толмачем и повеле ег(о) всадить в тюрьму. Фрязин же еха в Рим, ц(а)р(е)вну взя и приведе. Тогда папа с нею посла людеи мног(о) добрых греков да посла с нею летатоса своеа ц(е)ркви божници, тех деи у себя держит 70, а гардиналов 12 противу 12 ап(о)с(то)лъ, а сам имя б(о)жиа держит въ службе. Егда ж(е) приехаша со ц(а)р(е)вною Фрязин, посла кн(я)зь велики боярина своег(о) Федора Д(а)в(ы)довича противу и повеле крыж у легатоса отнявши да в сани положити, а Фрязина поимати да и пограбити, то ж(е) все сотвори Федоръ, за 15 верьсть въстрел еа. Тогда же убояся летатос, мног(о) был митрополит Филиппъ изучил, от книгъ словес емлючи, и книжника Никиту попович(а) призва, ово сам емля у нег(о) речи, гл(агола)ше легатосу, иное ж(е) повеле самому с ним гл(агола)ти. Он же ни единому слову ответа не дасть, но реч(е): “Нет книгъ со мною”

Тое ж(е) зимы женис(ь) кн(я)зь велики тою ц(а)р(е)вною и венчася во ц(е)ркви с(вя)тыя Б(огороди)ца древенои, иж(е) у гроба с(вя)таг(о) Пе-

тра, венча ж(е) протопоп коломеньский Осея, занеж(е) здешним протопопом и д(у)ховнику своему не повеле, занеж(е) вдовци. Тогда ж(е) не бе вести кн(я)зю веницеискому, дошел ли посол его до Орды, не дошел ли. Тогда посла Фрязинова брата к нему в Венецию и поношаа ему, что тако сотвори, “с меня ч(е)сть снявъ, а таи через мою землю шлеш(ь) посла отаи, меня не доложа”. Брат же Фрязинов Онтон еха, то ему сказа все, и посоль его сидит пойман в тюрьме. Кн(я)зь ж(е) тьи с ним наказа к великому кн(я)зю, чтобы князь(ь) велики нелюбие отдал, а посла бы ег(о) отпустил к Орде, а что будет на подкруту бы еси ему даль, “а яз сам платежник”. Тогда кн(я)зь велики по Онтоновым речем отпусти ег(о), а с ним толмача и дьяка отпусти и седьмдесят рублевъ дасть ему, тогда седьсот сказа ему и посла все взят(ь). И доиде тьи посол до Орды, зва ц(а)ря, он же не обещас(ь), но проводити ег(о) повеле татаром к мюрю.

Того ж(е) лета загореся митрополич(ь) дворъ и около ег(о) иные дворы. Тогда ж(е) Филиппъ митрополит здрав быс(ть), напрасно болезнь его изыма, тогда митрополию остави и, в тои болезни немног(о) поживъ, преставис(я). Обрете на нем сам кн(я)зь велики железа на всем теле ег(о). И положен быс(ть) в заложенной от нег(о) ц(е)ркви с(вя)т(ь)я Б(о)городица посторон(ь) Ионы митрополита, и железа ег(о) над гробом повесиша, еж(е) и н(ы)не лежат. К нему ж(е) вси прикладываются исцеления ради. По преставлении ег(о) нача пытати кн(я)зь велики, кто ему сотворил, и кузнецъ избрася един, его ж(е) искупил митрополит ис полону у татар къ ц(е)ркви тои ковати на потребу, таж(е) пустит(ь) его повеле, тои реч(е), яко един жеребеи приковах к тем железом, занеж(е) сказывает, тесны ему, и не повеле никому ж(е) сказывати. Потом тои ж(е) мастер сказа: “На другои день, яко видех, — реч(е), — во сне идуща Филиппа митрополита во всем своем сану на свои дворъ ис ц(е)ркви и вериги на руце несуща свои. И яз въстретив, хотех поклонитис(ь) ему, тои ж(е) Филиппъ митрополит реч(е) ми, яко сказал еси великому кн(я)зю, кое приковал еси жеребеи к сем веригам, аз тебе не повеле сказати, аз же, рех, согреших, он же рече, спустит(ь) ми тебе, и тебе иным сказыват(ь). И възем вериги, поча мя бити, аз же пробудихся и обритох все тело ранено, и н(ы)не немощен, и лежа м(е)с(я)ць от тех язвъ, и помолис(я) с(вя)тому, и исцеле”

Того ж(е) лет(а) поставиша митрополитом вл(а)д(ы)ку коломенског(о) Геронтия м(е)с(я)ця июл(я) 29.

Того ж(е) лет(а) поставиша вл(а)д(ы)ку на Коломну Микиту Семежкова.

Того ж(е) лет(а) м(е)с(я)ця июл(я) обретоша во ц(е)ркви с(вя)таг(о) Сп(а)са княиню Марию великаг(о) кн(я)зя Семена Иванович(а), нареч(е)нною во мнишеском чину Фетинию, в теле не врежену ничем же, толика риза истле. И посла кн(я)зь велики по игумению олексеевскую и повеле ея облещи во все новые ризы мнишескые, и облече ея.

Того ж(е) лет(а) м(е)с(я)ця август(а) 15 сотворис(я) чюдо у гроба с(вя)таг(о) Ионы митрополита, отрок некий 18 лет в Переславли Резанском имеяше левую руку суху и персти тоя руки къ длани пригбени и во время литургия исцеле».

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

2.1. Общая характеристика

Атрибутом любого государства, начиная с первых шагов его существования, является законотворческая деятельность. Ею занимаются глава государства и специально созданные временные или постоянные учреждения. Подготовленные законы, или правовые нормы, утверждаются верховной властью, и после этого они имеют высшую юридическую силу в пределах определенной территории, составляя основу правовой системы данного государства.

В отдельные исторические периоды законотворчество осуществлялось в разном объеме и в разных формах, что было обусловлено уровнем развития государственности, экономики, социальной жизни. С помощью законов каждый законодатель стремится проводить внутреннюю политику, регулировать различные стороны жизни подданных, их отношения между собой и с государством. Результаты этой деятельности власти как выразителя интересов определенных социальных слоев общества сохранились в разнообразных по форме письменных материалах: уставах, грамотах, указах, судебныхниках, уложениях и т. д. В их правовых установлениях заключено главное содержание законодательных исторических источников.

Законодательные источники позволяют изучать внутреннюю политику правительства, формы и методы, которыми она осуществлялась, а также социальные и экономические отношения, сложившиеся в различные исторические периоды.

В источниковедении каждый законодательный источник рассматривается как итог определенной ступени общественного развития. Изучая законодательные источники в таком ракурсе, исследователи связывают их происхождение и значение с политическими и социально-экономическими явлениями прошлого. Чтобы показать связь любого законодательного источника с реальностью, его породившей, и сделать заключение о его месте в русской истории, необходимо выявить особенности дошедших до нас законодательных источников как материальных объектов прошлого; изучить содержание и форму законодательных норм источника на фоне предшествующего и последующего законодательства; установить обстоятельства и условия, в которых создавался законодательный источник и которые повлияли на классовое, политическое и социальное содержание его узаконений.

Исторически выработано несколько форм действующих законов. Одной из них являлся указ с правовыми нормами, возникшими как результат урегулирования какой-либо конкретной ситуации (прецедента). Время от времени у государства появлялась потребность обработать указы, возникшие ранее на основе отдельных прецедентов, и представить их в виде сборника законодательных норм — кодекса. Такими значительными кодексами являются Русская Правда краткой (XI в.) и пространной (XII в.) редакций, Уставы церковные князя Владимира и князя Ярослава, уставы новгородских князей, Псковская и Новгородская судные грамоты XV в., Судебники конца XV — начала XVII вв. По мере накопления текущего действующего законодательства, отражавшего развитие политической, социальной и экономической жизни страны, и в связи с потребностями в новых правовых нормах стали создаваться своды — сборники с законодательными нормами, расположенными в хронологически или тематически систематизированном порядке. Сводом было Соборное уложение 1649 г., где законы систематизированы тематически по главам.

Особенностью средневековых законодательных источников является то, что они дошли до нас, как правило, в виде позднейших копий в составе рукописных сборников.

В связи с этим необходимым предварительным условием анализа законодательных источников является палеографическое и филигранологическое, археографическое и текстологическое изучение рукописных сборников, в составе которых данные источники находятся.

Методы палеографии и филигранологии позволяют по почерку писца (писцов) и по филиграммам на бумаге сборника (если сборник написан на бумаге) определить примерное время его возникновения как материального объекта. Если недатированный законодательный источник известен в составе единственного сборника, то датировка сборника по палеографическим и филигранологическим признакам укажет временной рубеж, не позже которого возник внесенный в сборник законодательный источник. Если же текст источника сохранился во многих сборниках, то время составления самого раннего из них укажет и на верхний рубеж, когда текст уже, несомненно, существовал.

Археографическое описание содержания сборника создает условия для рассмотрения законодательного источника в определенной системе, элементами которой выступает каждое произведение сборника. При таком подходе внутренняя связь законодательного источника и его окружения может дать основания для первоначальных предположений о происхождении сборника: где, когда, с какой целью он мог быть составлен; кто был возможным инициатором его написания; среда, в которой мог возникнуть сборник, а вместе с ним и изучаемый источник.

Состав рукописных сборников, в которые входят законодательные источники, помогает также решать ряд иных источниковедческих задач. Например, при изучении законодательного источника, текст которого сохранился в нескольких сборниках, их состав может свидетельствовать о соотношении списков источника. Так, Псковская судная грамота середины XV в. дошла до нас в составе Воронцовского и Синодального сборников, сформированных в XVI в. Определив состав каждого из сборников, исследователи обнаружили, что в них наличествует индивидуальный набор произведений, окружавших Псковскую судную грамоту. Различия в составе сборников, включающих Псковскую судную грамоту, позволили отказаться от выдвинутой ранее гипотезы о зависимости Синодального списка от Воронцовского списка. На самом деле эти списки не связаны друг с другом, каждый из них имел разные протографы, которые в свою очередь независимо один от другого восходили к общему протографу Псковской судной грамоты. Независимость списков Псковской судной грамоты друг от друга предполагает достаточно сложную историю бытования этого законодательного источника.

Текстологические наблюдения над каждым, в том числе и законодательным, источником, входящим в систему текстов какого-либо сборника, помогают выдвигать гипотезы относительно происхождения и сборника в целом, и изучаемого источника. Так, известный сегодня в единственном списке памятник церковного права Правосудие митрополичье находится в сборнике середины XVI в., имеющем самоназвание «Цветник»¹. Сборник содержит разноплановые тексты. В него входят летописные и литературные сочинения (отрывки из «Краткого летописца», «Киево-Печерского патерика», «Сказание об отреченных книгах»), статьи канонического содержания, извлеченные в основном из памятников новгородского происхождения (выписки из поучения Кирика Новгородца, «О новгородских суждех митрополичьих»), а также Церковный устав Ярослава в оригинальной редакции. Текстологический анализ позволил одному из исследователей этого сборника, В. Н. Автократову, обнаружить общность в приемах обработки статей Церковного устава Ярослава, породивших его особую редакцию, и в приемах составления статей Правосудия митрополичьего. На основании такого сходства исследователь предположил, что и составителем сборника, и редактором устава, и автором Правосудия митрополичьего является одно лицо. Исходя из этого предположения, он датировал Правосудие митропо-

¹ Книжники Средневековья называли «цветником» рукописный сборник произведений, разных по жанрам и темам. «Цветник» характеризуется неустойчивым составом, поскольку, формируя его, составитель преследовал свои конкретные цели и проявлял личные предпочтения в отборе текстов. Состав сборника с текстом Правосудия митрополичьего приведен М. Н. Тихомировым (см.: *Тихомиров М. Н. Правосудье митрополичье // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 33 — 41).*

лишь временем составления сборника — рубежом XV—XVI вв. Вообще у исследователей нет единого мнения относительно времени создания Правосудия митрополичьего, поэтому в большом временном интервале они называют разные даты: XIII в. (Б. Д. Греков); вторая половина XIII — первая четверть XIV в. (С. В. Юшков); XIV в. (Г. В. Семенченко); конец XIV в. (Л. В. Черепнин); до конца XIV в. (А. А. Зимин).

2.2. Методика изучения

Важный этап в источниковедческом анализе средневекового кодифицированного законодательного памятника заключается в определении его структуры. В отношении многих средневековых законодательных источников эта задача может быть сформулирована и как определение границы текста отдельной статьи, закреплявшей ту или иную норму. Впервые средневековый законодатель четко разграничил статьи в Судебнике 1550 г., пронумеровав их. Выделенные таким образом статьи помогают более аргументированно вникнуть в замысел законодателя. Этот прием впоследствии стал использоваться для структурирования норм в кодексах и сводах, используется он и в современных законодательных материалах. Но в ряде средневековых кодексов, составленных до середины XVI в., границы статей, глав или разделов не всегда определяются без сомнения. В основу разделения законодательного текста на статьи исследователи кладут принцип выделения более-менее логически завершенных грамматических конструкций. К одной статье может быть отнесено либо одно законченное по мысли предложение, либо несколько предложений, логически и грамматически связанных между собой.

При реализации этого принципа в исследовании необходимо, однако, учитывать и границы отдельной статьи, установленные составителями кодексов. Границы они обозначали крупными и мелкими киноварными инициалами, которые встречаются в списках источника. Именно эти написанные красной краской буквы демонстрируют понимание структуры текста самими средневековыми законодателями. Переписывая текст и повторяя киноварные инициалы, позднейшие копиисты воспроизводили членение текста более ранних списков, а может быть, и оригиналов.

О несовпадении выделения статей законодателями и исследователями свидетельствует изучение Воронцовского списка Псковской судной грамоты. В нем по крупным и мелким киноварным буквам, точкам и особым разделительным знакам вычленяется 120 статей. Именно эта структура, возможно, восходит к первоначальному варианту памятника. Но постатейное разбиение этого текста по логическим основаниям, принятое в изданиях памятника, начиная с

Таблица 2.1. Соотношение границ статей в Псковской судной грамоте, выделенных по разным основаниям

Статьи, выделенные по палеографическим признакам	Статьи, выделенные по логическим основаниям
[1] Се суд княжей...	[1, 2]
[2] А которому посаднику...	[3, 4]
[3] А которому княжому человеку...	[5]
[4] А которой посадник...	[6]
[5] А кримскому татю...	[7, 8]
[6] А коли будет с ким суд о земли...	[9, 10, 11]
[7] и т. д. А который истецъ... и т. д.	[12] и т. д.

XIX в., иное. Хотя сохраняется общее количество статей, границы некоторых статей внутри текста не совпадают¹ (табл. 2.1).

Другим важным этапом в изучении законодательного источника является рассмотрение его в кругу других законодательных источников, что позволяет установить его значение для своей эпохи. Методом изучения места законодательного источника среди других является сравнительный анализ содержания и формы статей, их терминологии. Изучаемый источник может быть сопоставлен, во-первых, с ранее возникшими законодательными источниками; во-вторых, с действовавшими одновременно с ним; в-третьих, с возникшими впоследствии.

Вообще отбор источников для сопоставительного анализа проводится в соответствии, с одной стороны, с теми конкретными задачами, которые ставит перед собой исследователь, а с другой — с тем корпусом законодательных материалов, которыми располагает историческая наука в тот или иной момент.

Для сравнительного анализа могут быть привлечены русские и иностранные законодательные источники. Среди последних для понимания начальной истории русского законодательства важны византийские источники — законодательный свод VIII в. Эклога, свод законов конца IX в. Прохирон, сборник правил церковных соборов IV—VII вв. Номоканон и т. д. Для изучения законодательства более позднего периода, например первой четверти XVIII в., необходимо привлекать шведские, польские законодательные своды.

¹ См.: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980. С. 8—9.

Статьи законодательных памятников периода феодальной раздробленности принято сопоставлять со статьями законодательного кодекса периода Киевской Руси — Русской Правдой. С ней же сравниваются уставные грамоты новгородских, смоленских князей, Псковская и Новгородская судные грамоты, созданные в период независимости Пскова и Великого Новгорода, Правосудие митрополичье и т. д.

Статьи первого общерусского Судебника 1497 г., созданного в условиях образования Русского централизованного государства, сличаются прежде всего с Псковской судной грамотой, Двинской (1397/1398 гг.) и Белозерской (1488 г.) уставными грамотами и др.

В условиях Русского централизованного государства и в период становления абсолютизма законодательная деятельность государства значительно интенсифицировалась, что отразилось в возросшем объеме материалов законодательного характера. В XVI—XVII вв. в качестве текущего законодательства функционировали указы, наказания, уложения, статейные списки и т. д. В XVIII в. узаконения издавались в виде манифестов, регламентов, инструкций и т. д. Многие законодательные нормы, содержащиеся в этих документах, впоследствии также обрабатывались и включались в кодексы и своды. Поэтому одной из задач источниковедческого изучения законодательных источников периода существования сословно-представительной монархии и становления абсолютизма является поиск текущего законодательства, предшествовавшего созданию кодексов и сводов законов. Следует заметить, что оно сохранилось фрагментарно, не полностью.

При сравнительном изучении законодательных источников обычно ставится несколько задач. Во-первых, определить преемственность изучаемого источника с предыдущим законодательством. Во-вторых, выявить в анализируемом источнике степень новизны тех или иных правовых норм. В-третьих, обнаружить источники, которые послужили основой для развития тех или иных норм. В-четвертых, выяснить эволюцию государства как института власти, а также политических и социально-экономических отношений в обществе на момент разработки тех или иных новых правовых установлений.

Для того чтобы понять законодательный памятник, необходимо вписать его в общеисторический контекст. Этот контекст устанавливается на основе широкого круга разнообразных источников, которые дают конкретное представление о соотношении классовых сил в стране и борьбе отдельных группировок за проведение в жизнь того или иного законодательного акта или его отмену.

Восстановление общей обстановки, в которой был принят закон, рассмотрение всех стадий процедуры его разработки важны для понимания классовой и политической сути законодательных установлений. Обычно тексты самих законодательных источников об этом не сообщают или сообщают декларативно. Например, подробное

предисловие в Соборном уложении 1649 г. не раскрывает конкретных причин, которые привели к созыву Земского собора и разработке на нем новой уложенной книги. В предисловии, правда, царь Алексей Михайлович обозначил цель составления нового законодательства — «чтобы Московского государства всяких чинов людем от болшаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем равна»¹. Как видим, здесь провозглашено равенство всех людей перед законом. Однако сама структура Соборного уложения демонстрировала то, что в понимании законодателя «суд и росправа» не будут проводиться для всех подданных на одинаковых законодательных основах. Законы создавались для представителей разных чинов², поэтому в качестве самостоятельных глав выделены, к примеру, «Суд о крестьянех» (глава 11), «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян» (глава 12), «Суд о холопех» (глава 20). Соборное уложение 1649 г. было, таким образом, законодательным памятником определенной стадии развития социально-экономических отношений, политического строя, судоустройства и судопроизводства Русского государства. Оно подводило итог предыдущего развития государственности России — сословно-представительной монархии, т. е. формы государства, которое осуществляло политику более или менее четкого разграничения населения по сословиям, предоставляя каждому из них особые права и привилегии.

На примере Соборного уложения 1649 г. покажем влияние обстановки, в которой создавался свод законов Русского государства середины XVII в., на содержание ряда его нормативных актов.

Еще до составления Соборного уложения, в 1640-х гг., представители разных социальных групп обращались к царю Алексею Михайловичу с челобитными, содержащими разнообразные требования. Посадские низы требовали положить конец злоупотреблениям, грабёжам и насилию приказных чиновников и воевод, упорядочить систему управления. Дворянство добивалось укрепления своих земельных прав и права крепостного владения крестьянами, а посадские верхи вместе с дворянами стремились к ликвидации в городах «беломестных слобод»³ и «закладничества»⁴

По отдельным челобитным правительство принимало меры, о чем свидетельствует предшествующее Соборному уложению так называемое указное, т. е. текущее, законодательство 1630-х — 1648 гг. Но не-

¹ Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 17.

² Чин — название, обозначавшее звание или положение определенных категорий населения.

³ Беломестные слободы — слободы, в которых дворы и дворовые участки были освобождены от государственных налогов и повинностей.

⁴ Закладничество — явление, отражавшее социально-экономическую зависимость людей, заложивших движимое и недвижимое имущество и вышедших из посадского тягла.

довольство политикой правительства вылилось в 1648 г. в восстания в Москве и ряде других городов. Вопрос о движущих силах этих восстаний, по словам М. Н. Тихомирова, является главнейшим: от ответа на него «зависит и характеристика Соборного уложения 1649 г. как памятника определенной эпохи и определенной классовой среды»¹. В исторических трудах, посвященных народным движениям середины XVII в., установлено, что движущей силой восстаний были дворяне и посадские люди, независимо от их имущественного положения. На Земском соборе, который обсуждал и утверждал Уложение, представлялись выборные разных категорий, кроме крестьян и посадских низов. Количество участников Земского собора и их сословная принадлежность были определены специальным указом. Согласно ему, «из столников, и из стряпчих, и из дворян московских, и из жильцов ис чину по два человека, также всех городов из дворян и из детей боярских взяти из больших городов, опричь Новагорода, по два человека, а из новгородцов с пятины по человеку, а из меньших городов по человеку, а из гостей трех человек, а из гостиные и из суконные сотен по два человека, а ис черных сотен, и из слобод, и из городов с посадов по человеку добрых и смышленных людей»².

Как известно, Соборное уложение 1649 г. юридически закрепило крепостное право и пути образования единой формы феодальной земельной собственности, что отвечало требованиям дворян.

Под давлением конкретной ситуации правительство в период составления Соборного уложения 1649 г. попыталось разрешить некоторые назревшие проблемы русских посадов. Так, в своде имеется самостоятельная глава 19 «О посадских людех», состоящая из 40 статей. Отметим, что ни в Судебнике 1497 г., ни в Судебнике 1550 г. не было ни одной специальной статьи, касавшейся этой категории населения. В пристальном внимании законодателя середины XVII в. к посадским людям проявилось большое значение, которое приобрело в Русском государстве социально-экономическое развитие городов как центров промышленности, ремесла и торговли. Главной движущей силой этого развития были посадские люди — часть торгово-промышленного населения городов, проживавшая на государевых землях, облагавшаяся государевыми податями и повинностями и прикрепленная к посаду и посадской общине. Они платили в государственную казну крупные суммы не только прямых, но и косвенных налогов, выполняли разнообразные повинности. Осознавая значительную экономическую роль посадских людей, правительство пошло навстречу их требованиям. Оно законодательно упорядочило прикрепление посадского населения к тяглу и посадской общине;

¹ Тихомиров М. Н. Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. // Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 г.: учеб. пособие для высшей школы. М., 1961. С. 15.

² Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 17.

увеличило территории посадов, ликвидировав беломестные слободы; более четко обособило посадских людей от других категорий городского и сельского населения; закрепило за посадскими людьми торгово-промышленную деятельность в черте города.

В главе 19 Соборного уложения 1649 г. есть статьи, посвященные возвращению в посады добровольно покинувших их посадских тяглецов. Среди них были и люди, служившие «по прибору»: стрельцы, псари, затинщики (особый разряд ратных людей, стрелявших из пищалей, размещенных за крепостной стеной), пушкари, ямщики и т. д. Так, ст. 26 и 27 этой главы регулировали возвращение в посад бывших посадских тяглецов из числа стрельцов. Вместе со стрельцами возвращались в тягло их сыновья, кроме третьего сына. Содержание этих статей нельзя оценить как новое, разработанное специально для Соборного уложения, поскольку в них сохранялся ранее принятый правительством принцип посадского строения — возвращение в посадское тягло «по посадской старине». Возвращение стрельцов в их прежнее сословное состояние правительство провозглашало и в прежнем законодательстве, которое представлено, к примеру, Наказом свозчикам 1642/1643 гг., т. е. людям, которые занимались поимкой и возвращением беглых крестьян и посадских тяглецов. Этот Наказ сохранился в указных книгах Сысского приказа. Полностью соответствуя смыслу законодательных норм Наказа относительно стрельцов, ст. 26 и 27 Соборного уложения подверглись лишь небольшой стилистической и композиционной правке:

Наказ свозчикам 1642/1643 г.	Соборное уложение, гл. 19
<p>«О стрельцах государь указал: самих, которые были на тягле, и с ними дву сынов взять в тягло, где хто жил, а третьева сына оставить в стрельцах; а которые дети от тяглых людей и писались в стрелецкую службу у отца один сын или два, и тех имать в тягло, и будет три сына, а третий написался стрельцом, и 3-го сына не имать, а быть в стрельцах»¹.</p>	<p>«Ст. 26. А которые московские и городовые тяглые люди сами на тягле жили и тяглых отцов дети, а стали в стрелцы своею охотою, а не неволею, и тех людей, которые были на тягле и с ними дву сынов из стрелцов взяти в тягло, кто где жил, а третьяго сына будет есть оставити в стрельцах. Ст. 27. А которые московских и городовых посадских людей дети отходили от тяглых людей и писались в стрелецкую службу, а у отца только один сын или два, и тех имати в тягло, а будет у отца три сыны, а третей написан в стрельцы, и третьяго сына не имать, быти ему в стрельцах»².</p>

¹ Цит. по: Дьяконов М. А. Источники девятнадцатой главы Соборного уложения 1649 г. // Исторический архив. Кн.1. Пг., 1919. С. 234.

² Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 102.

Постатейный анализ источников главы 19 Соборного уложения 1649 г. показывает, что она строилась по преимуществу на основе прежнего указного законодательства с конца 1630-х гг. до 1648 гг. Но указное законодательство по сути своей являлось прецедентным. Это точечное прецедентное законодательство было отобрано, отредактировано и систематизировано при подготовке нового свода законов, которые приобретали силу для населения посадов всех русских городов.

Рассмотрим методику изучения *юридических терминов*, связанных с регулированием отношений найма на разных исторических этапах.

Прежде всего следует выявить круг законодательных источников, в которых имеются термины, передающие отношения найма. К этим источникам относятся Русская Правда пространной редакции (XII в.), Правосудие митрополичье, Псковская судная грамота середины XV в. и Судебники конца XV—XVI вв.

Самое раннее употребление термина «наймит» в законодательном источнике встречается в ст. 61-й Русской Правды пространной редакции по Троицкому списку, датируемому второй половиной XIV в. В ней читается следующий текст: «Продасть ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже»¹. В данной синтаксической конструкции термины «закуп» и «наймит», без сомнения, рассматривались законодателем как синонимы.

Для подтверждения этого лингвистического наблюдения обратимся к тексту этой же статьи, находящемуся в других списках Пространной Русской Правды. Действительно, в одном из списков второй половины XIV в. имеется подтверждение синонимичности терминов: «наймит» заменен на «закупа».

Для того чтобы объяснить социально-экономическое содержание термина «наймит», упомянутого в ст. 61, следует посмотреть, что собой представлял закуп как юридическое и хозяйственное лицо по другим статьям Пространной Русской Правды. В ней имеется ряд статей, посвященных закупам (ст. 56—62).

Прежде, однако, проведем терминологический анализ слов «закуп» и «наймит». Первый термин происходил от слова «купа». Смысловый анализ этого слова в контексте статей о закупе показал, что оно обозначало ссуду, которую брал закуп и которую он должен был выплатить или отработать. Второй термин происходил от слова «найм». Учитывая вывод о том, что термины «закуп» и «наймит» синонимы, можно предположить и синонимичность слов, производящих оба термина. Получается, таким образом, что «найм» также обозначал ссуду, задаток. Во времена действия норм Пространной Рус-

¹ Русская Правда // Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 68.

ской Правды между этими вариантами ссуды были, по всей видимости, какие-то отличия. В чем они выражались конкретно в этот период, сказать невозможно, поскольку слово «найм» в Русской Правде не использовано.

По всей видимости, термин «наймит» был новым и для второй половины XIV в. Хотя принято считать, что к архетипу Пространной Русской Правды наиболее близок упомянутый Троицкий список второй половины XIV в., именно он демонстрирует тенденцию к обновлению юридической терминологии. Так, в ст. 62 читаем: «Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же в свободнемь платеж, тако же и в закупе». Новизна проявляется здесь в употреблении термина «платеж», тогда как в других списках того же времени вместо него стоит более древний термин «продажа», обозначавший еще в Русской Правде краткой редакции штраф «за обиду».

Вернемся к вопросу о социальном облике закупа. Статьи Русской Правды определяют его как человека, обладавшего элементами личной свободы, но юридически неполноправного, зависимого от феодала, по крайней мере, до окончания отработок за ссуду или до ее выплаты. Вместе с тем ст. 61 свидетельствует о том, что в действительности существовала опасность оказаться закупу в полном холопстве, ибо «господин» мог продать «закупа обѣль», т. е. в полные холопы. Подобные действия хозяина были противоправными, но они, по-видимому, приобретали распространение, поэтому законодательная норма, запрещающая продажу закупа в холопы, была включена в Русскую Правду.

В то же время в нескольких статьях Пространной Русской Правды прямо говорится о случаях, когда закуп становился полным холопом. Один случай указан в ст. 56: «Аже закуп бежить от господы, то обель...», другой — в ст. 64: «Аже закуп выведеть что, то господин в немь; но оже кде и налезуть, то преди заплатитъ господин его конь или что будеть ино взял, (а) ему холоп обелный...». Если, согласно Пространной Русской Правде, закуп и наймит — это одна и та же социальная категория, то наймит так же, как и закуп, в определенных ситуациях мог потерять личную свободу и оказаться в зависимости от феодала.

Из содержательного анализа статьей следует, что закупы были крестьянами и занимались сельскохозяйственным трудом. Купу как ссуду они получали, скорее всего, в натуральном виде: в виде орудий производства («плуг и борона»), скота («конь»), необмолоченных снопов для посева («копы»).

Единичное употребление в списках Русской Правды термина «наймит» говорит о том, что отношения найма только зарождались и в основном они были похожи на отношения закупа и господина. Поэтому можно предположить, что новым термином были обозначены какие-то давние отношения.

Правосудие митрополичье — это источник, который, как уже указывалось, датируется исследователями по-разному. Несмотря на это, его необходимо привлечь для изучения понятий «наймит» и «найм». В ст. 29 упоминается понятие «челядин-наймит»: «А се стоит в суде челядин-наймит, не похочет быти у осподаря — несть ему вины, но дати ему въдвое задаток; а побежит от осподаря — выдати его осподарю в полницу». Некоторые исследователи отождествляют челядина с закупом. Действительно, вторая часть ст. 29 почти текстуально совпадает с нормой, изложенной в начале ст. 56 Пространной Русской Правды. Кроме того, в ст. 30 имеется термин «закупной наймит»: «Аще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога. А закупнаго ли наймита, то есть душегубство»¹.

Ст. 30 по разному трактуёт наказание господаря по отношению к челядину полному и закупному наймиту. За убийство первого господарь не нес наказания, в то время как «душегубство» второго определялось как убийство, за которое, как правило, следовало наказание. Таким образом, закупной наймит был социальной категорией лично свободных людей и по своему юридическому статусу отличался от челядина полного и челядина-наймита.

Следующим по времени составления законодательным источником, в котором упоминаются наймит, а также найм, является Псковская судная грамота середины XV в. — законодательный кодекс Псковской феодальной республики периода ее независимости. Термин «найм» законодатель использовал активно. В Псковской судной грамоте имеются три самостоятельные статьи о разрешении ситуаций, порожденных нарушением условий договора о найме. Приведем эти статьи². Ст. 39: «А которой мастер плотник или наймит отстоит свой урок и плотник или наймит... (утрата текста. — Т. К.) свое дело отделает ... (утрата текста. — Т. К.) на государех и взакличь сочит своего найма». Ст. 40: «А которой наймит дворной поидет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему найму взяти по счету, а сочит ему найма своего за год, чтобы 5 годов, или 10 год стоявши, и всех тых ему год стоявши найма сочить как отиде за год сочить, толко будет найма неймал у государя, а толко поидет болши года, ино им не сочити на государех». Ст. 41: «А которой наймит плотник, а почнет сочить найма своего на государи, а дела его не отделает, а поидет прочь, а ркучи так государю, у тебе есми отделал дело свое все, и государь молвит: не отделал еси всего дела своего, ино государю у креста положыть чего сочить, или государь сам поцелует, аже у них записи не будет».

¹ Ст. 29—30 Правосудия Митрополичьего приведены здесь по изданию: Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 428.

² Цит. по: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 335.

В ст. 39—41 многократно употреблен термин «найм» без его объяснения. Его значение выясняем, исходя из содержания этих статей.

Текст ст. 39 полностью не сохранился, однако она, скорее всего, рассматривала ситуацию, когда хозяин нарушил договоренность о плате за выполненную по договору работу («наймит» «отстоит свой урок», «свое дело отделеает»). Для получения этих денег наймит «взакличь сочит своего найма», т. е. публично на торгу объявлял иск к хозяину с требованием «найма». Процедура ведения судебного процесса «взакличь» была известна еще в Древней Руси.

В ст. 41 узаконено разрешение конфликтной ситуации, когда наймит-плотник покинул хозяина, не выполнив до конца «дело», при этом заявляя, что он его закончил. Хозяин, напротив, считал, что работа не завершена. В этой статье конкретно показан процесс «сочения найма», т. е. расследования вопроса. Иск на господаря подавал наймит. При рассмотрении спора обе стороны выступали как равноправные. В этой статье имеется важное замечание, которое показывает, что в практику оформления договорных отношений наймита, с одной стороны, и его нанимателя, с другой стороны, уже входили письменные договоры, в которых более или менее точно должны были фиксироваться характер работы, ее объем и плата за нее. Наличие письменного договора о «найме» за работу, возможно, подразумевало другую процедуру разрешения данного конфликта, не описанную в Псковской судной грамоте, и возможность других результатов для каждой из спорящих сторон. По мнению исследователя Псковской судной грамоты Ю. Г. Алексеева, в ст. 39 и 41 отражены нормы, созданные в разное время, но они попали в нее одновременно на каком-то последующем этапе кодификации Псковской судной грамоты¹.

Исходя из проведенного анализа содержания статей Псковской судной грамоты, можно сделать вывод о том, что найм — «вознаграждение, обусловленное заранее и следующее наймиту после выполнения взятых им на себя обязательств»².

Что касается термина «наймит», то в Псковской судной грамоте он стоит в одном ряду с «мастером» (ст. 39) и «плотником» (ст. 39 и 41), «наймитом дворным» (ст. 40). Разнообразие наименований лиц, получавших найм, говорит о том, что они были членами городской общины, а не сельской, как закуп из Пространной Русской Правды. И вообще отношения зародились в городах. Интересно, что в Новгороде найдено несколько берестяных грамот, в которых встречается слово «наймит» (грамота № 403 — «у наймита»; грамота № 481 — «наймиту»).

¹ См.: *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980. С. 142. Сноска 22.

² Там же. С. 136.

От закупов Русской Правды наймиты Псковской судной грамоты отличаются также тем, что нарушение ими договоренностей не влечет за собой изменения в их социальном положении. Как видим, даже досрочный уход от хозяина не ставил наймитов в зависимость от хозяина. Более того, «наймит дворной», уйдя раньше срока от своего нанимателя, при определенных условиях мог «найму взяти по счету».

Таким образом, в трех статьях Псковской судной грамоты наймит представлен юридически свободным человеком, равным по своим правам с «государем». Он имел право, в частности, подать иск на своего «господаря». Неравенство между наймитом и хозяином проявлялось в имущественном положении, о чем свидетельствовал пример «наймита дворного», который, согласно ст. 40, мог проживать во дворе хозяина много лет и, следовательно, быть оторванным от собственного хозяйства, если оно у него было.

Наблюдения над содержанием ст. 39—41 позволяют предположить, что при кодификации местного псковского законодательства в Псковскую судную грамоту попали разновременные нормы местного законодательства, касавшиеся разных категорий наймитов. Об этом также свидетельствуют и указания на традиционное устное судопроизводство (ст. 39) и на возможность новой практики с использованием письменной документации (ст. 41).

В историографии давно высказано мнение о том, что ст. 40 и 41 Псковской судной грамоты явились источником для ст. 54 Судебника 1497 г. Однако использование этих статей не было механическим, они были существенно отредактированы в Судебниках XVI в., основанных в свою очередь на Судебнике 1497 г. (табл. 2.2).

В предельно краткой ст. 54 Судебника 1497 г. использованы, как и в статьях Псковской судной грамоты, термины «наймит», «урок» («дело», задание, работа), «найм». Но здесь нет перечислений категорий наймитов. В термине «наймит» законодатель обобщил все категории людей, кто договаривался о найме за выполненную работу. Слово «найм» употреблено в значении платы за выполненное договорное задание. С точки зрения ответственности договаривавшихся сторон обозначена единственная ситуация, в которой виновником нарушения договора выступал наймит, и наказанием за это нарушение было лишение его найма. Как видим, в ст. 54 узаконение изложено лаконично и обобщенно, без каких-либо дополнений.

В Судебниках XVI в. в статьях о найме также присутствует аналогичная законодательная норма, но она дополнена рядом других. Например, законодатель учел, что нарушителем договора мог быть не только наймит, но и наниматель, поэтому уже в Судебнике 1550 г. появилась новая, по сравнению с Судебником 1497 г., норма, связанная с наказанием нанимателя за несоблюдение им договора. В ст. 83 Судебника 1550 г. описано только одно его нарушение — отказ платить за выполненную работу. Если нанимателя в ходе судеб-

Таблица 2.2. Сравнение текстов статей судебныхников в целях терминологического анализа

Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Судебник 1589 г. (краткая редакция)	Судебник 1589 г. (пространная редакция)
Ст. 54. «А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен»	Ст. 83. «А наймит у государя у своего не дослужит уроку да пойдет прочь, ино найму лишен. А которой государь наймиту не захочет дати найму, и уличат его в том, и наймиту на том доправить наем вдвое»	Ст. 16. «А наймит до сроку не доживет у государя своего а пойдет прочь, а вины не сказав на своего государя, и он найму своего лишен; а будет государь его до сроку учнет отсылати, и ему наем мзду по розчету; а кой государь не захочет найму дати наймиту, и уличат его в том найму, и на том наем доправить вдвое. А иное писано а 83 главе»	Ст. 148. «А наймит не доживет до сроку у государя своего и пойдет прочь, а вины на государя не скажет, и он найму лишен; а будет государь учнет его до сроку отсылати, и ему дати наем по розчету; а кой государь не захочет найму дати наймиту, уличат его в том, и наймит уличит, на том доправить наем втрое ¹ »

¹ В других списках этой редакции — «вдвое».

ного процесса уличат в неоплате работы наймита, то он должен заплатить наем в двойном размере. Ст. 16 в краткой редакции Судебника 1589 г. пополнена еще одной законодательной нормой в связи с отказом нанимателя от услуг наймита раньше договорного срока. При расторжении договора до окончания срока его действия наниматель должен выплатить «наем мзду по розшету». Эта норма перекликается с нормой ст. 40 Псковской судной грамоты, согласно которой наниматель также выплачивал «наймиту дворному» некоторую долю «найма». Как видим, наймит мог получить найм в тех случаях, когда он подавал иск на нанимателя и сумел доказать его вину в судебном порядке.

Рассмотрение одного и того же термина в контексте законодательных источников разного времени и разных исторических эпох показало, что под одинаковым термином могли скрываться разные отношения. В период действия законов Русской Правды это были отношения, которые могли привести наймита к полной зависимости от господаря, поскольку отношения найма не были закреплены законодательно. В период феодальной раздробленности и в период Русского централизованного государства отношения найма оформлялись законодательно как экономические отношения лично свободных людей, ответственных за нарушение устного или письменного договора.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987.

Судебники // Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 54—62 (Судебник 1497 г.); с. 97—120 (Судебник 1550 г.).

Русская Правда // Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 47—49 (краткая редакция), 64—73 (пространная редакция).

Псковская судная грамота // Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 331—342.

Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской судной грамоты // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978.

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980.

Дьяконов М. А. Источники девятнадцатой главы Соборного уложения 1649 г. // Исторический архив. Кн. 1. Пг., 1919.

Тихомиров М. Н. Правосудие митрополичье // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.

Тихомиров М. Н. Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. // *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 г.: учеб. пособие для высшей школы. М., 1961.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1—2. М.; Л., 1948—1951.

Юшков С. В. Правосудие митрополичье // *Серафим Владимирович Юшков.* М., 1989. (Труды выдающихся юристов).

ЗАДАНИЕ

На основе приведенных ниже материалов, а также материалов, приведенных в разделе «Задание» в гл. 4. «Делопроизводство», охарактеризуйте «дворника», а также его хозяина как социальную категорию населения. Объясните, почему власти пристально следили за дворниками. В чем состояла законодательная политика в отношении дворников? В чьих интересах разрешалась проблема дворничества в Соборном уложении 1649 г.?

1. Наказ дозорщику 1618/1619 гг.

«<...> А которые люди в тех городех живут в избылых по посадким по черным местам иных городов и называются боярскими и дворяньскими крестьяны или дворники, а торгуют розными товары многими и рукодельем промышляют многими ж, а никакова тягла с посадкими людьми не тянут и (далее пустое место) и (далее пустое место) тех людей потому ж писати дворы их и в дворех людеи по имяном и братю и племянников и соседов и подсоседников и захребетников в книги с посадкими людьми в ряд и по них имати поручные записи, что им вперед в тех городех на посадах жит и всякие государевы подати платит с посадкими людьми в ряд <...>».

2. Указ в Переславль Рязанский воеводе И. М. Сабурову

«От царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии в Переславль Резанской воеводе нашему Ивану Микифоровичю Сабурову:

Писал <...> к нам, что велено тебе в Переславле Резанском переписат(ь) чернослободцев, которые вышли ис Черной слободы во дворники и во крестьяне, хто именем и в котором году и на каких мест(ех) ныне живут и торговых всяких людей, котор(ые) в Переславле живучи торгуют, а наших никаких податей не платят, а переписав переписи <...> имянной список велено прислати к нам к Моск(ве); и ты писал к нам и прислал роспись Черной слободы и чернослободцем, которые вышли ис Черной слободы во дворники и в крестьяне, и торговым людем, которые живут в Переславле, а тягла не тянут.

И по твоей росписи указали есмя дворников и крестьян, которые живали в Черной слободе и прихожих людей, которые живут во дворникех за бояры наши и за дворяны, а торгуют всякими розными товары отдати в Черную слободу и тягло платити с чернослободцы в тех людей место, которых чернослободцов ж черкасы пожгли и побили, а иные от той черкаской войны разбежались безвесно. А за бояры нашими и за дворяны указали

есмя в дворниках быти на дворничестве по одному человеку, которые б были молотчие, хотя и прихожие люди, а не торговые.

А ково именем прихожих людей и дворников из за дворян торговых людей, которые в Переславле живучи торгуют, а тягла не платят, отдати в Черную слободу в тягло, и тому с твоей росписи послана к тебе роспис за дьячею припису под сею нашею грамотою.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по той росписи тех людей, которые живут за дворяны и за детми боярскими и на монастырских дворах во дворниках, а торгуют всякими розными товары, а податей не платят, велел подавати на поруки з записми в том, что им дворы себе поставити в Черной слободе и жити и тягло всякое платити с чернослободцы, а ис Черной слободы никуды не выходити; а подав их на поруки велел им жити и тягло платити с чернослободцы, а покаместа они дворы себе в Черной слободе поставят и ты б до тех мест велел им жити, где хто наперед сего жил, да те поручные записи за поруччиковыми руками прислал к нам к Москве и велел отдат в Володимерской чети дьяку нашему Петру Микулину; а о закладчихех, которые живут за бояры нашими и за дворяны наш указ будет от Приказных дел от околничего нашего Федора Васильевича Головина.

Писан на Москве лета 7130 декабря в 24 ден».

3. Фрагмент из указа 1635/1636 гг.

«<...> в городах на осадных дворах властем и боярам и всяких чинов людем на дворах держать дворников человека по 2 и по 3, а больши 4 человек дворников держать не велено».

4. Соборное уложение 1649 г.

Глава 19 «О посадских людех а в ней четыредесять статей»

«[Статья] 14. «А которым людем по государеву указу на Москве и в городех даны загородные дворы и огороды, и тем людем на тех своих дворах и огородах держать в дворниках людей своих. А будет у кого людей нет, и тем на тех своих дворах и огородах держать в дворниках крестьян своих или бобылей по одному человеку на дворе или на огороде. А будет кто после нынешняго государева указу на тех своих дворах и огородах учнут держать многих своих крестьян и бобылей, и тех их крестьян и бобылей по тому же всех взяти за государя в тягло, хотя те люди за ними и в писцовых книгах написаны.

А впредь чьи крестьяне учнут к кому приходити из их вотчин и поместей на их загородныя дворы на время для ремесленного дела на вотчинников и помещиков, и тех людей по сыску в тягло не имать, и к Москве им приходити не заказывати».

3.1. Общая характеристика

Акты представляют собой вид письменных исторических источников, в которых «в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры между “частными лицами”; “частным” (юридическим или физическим) лицом и государством (или церковью); между церковью и государством; между государствами»¹.

В изучении средневековых актов как исторических источников существуют два взаимодополняющих подхода. Первый подход обеспечивает изучение единичного акта, второй — изучение некоторого множества актов, относящихся к одной разновидности.

Изучение единичного акта начинается с анализа его как материального объекта. Для этого изучаются внешние характеристики источника: графика, материал, на котором написан акт, печать (если она наличествует). Задачи, возникающие на данной стадии анализа, решаются методами ряда вспомогательных исторических дисциплин. К их числу относятся *палеография*, предметом которой является графика письменных источников в ее развитии; *филигранология*, изучающая водяные знаки на бумаге; *сфрагистика*, изучающая печати, и т. д. В результате применения методов этих дисциплин по внешним особенностям источника устанавливается, соответствует ли содержание акта тому времени, когда договор был оформлен в письменном виде. Иначе говоря, мы можем сказать, перед нами оригинал или список, снятый с оригинала позднее.

Как явление социально-экономической и политической истории любой акт органически связан с породившей его конкретной исторической обстановкой. Выяснение его происхождения, т. е. совокупности конкретных условий и причин создания источника, является центральной задачей источниковедческого изучения акта, как, впрочем, и других видов исторических источников.

Происхождение единичного акта раскрывается при сравнении его содержания с содержанием дополнительно привлеченных источников по линиям историко-юридического, историко-географического, историко-политического, историко-экономического анализа.

Историко-юридический анализ сводится к сопоставлению содержания акта с источниками, которые в ином свете и разрезе пред-

¹ *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 9.

ставляют нормы права, зафиксированные в акте. Этими источниками могут быть законодательные, делопроизводственные и другие материалы. Сравнение информации источников разного назначения помогает уяснить существование юридической нормы, на основании которой заключался договор.

При *историко-географическом анализе* акта географические объекты, фигурирующие в нем, идентифицируются с известными географическими пунктами, и, когда возможно, их место устанавливается на карте.

В ходе *историко-политического анализа* восстанавливаются основные черты политической борьбы и ее движущие силы в том центре, где был заключен договор и выдан акт, а также в том районе, где находился объект действия юридических норм акта, роль контрагентов в этой борьбе. Для проведения историко-политического анализа используются источники, раскрывающие перипетии политической борьбы, семейные и служебные связи ее участников. К таким источникам относятся летописи, специальное делопроизводство государственных учреждений — разрядные, родословные книги и др.

Историко-экономический анализ предполагает сравнение сведений акта с данными источников, характеризующих экономическую конъюнктуру в районе действия норм акта: писцовых, переписных, приходо-расходных книг и т. д.

Каждый единичный документ договорного характера строится по определенной схеме — формуляру. Однако формуляр отдельного акта может дать источниковедческую информацию в тех случаях, когда он рассматривается на фоне некоторого множества актов той же самой разновидности, к которой принадлежит сам. Изучение формы, т. е. формуляра, как отдельного акта, так и совокупности актов той же разновидности передает их содержание, которое можно рассматривать как скрытую информацию об объективной реальности. Формуляр, таким образом, — важная характеристика акта, нуждающаяся в расшифровке.

3.2. Методика изучения

3.2.1. Датирование

В источниковедческом анализе многих средневековых актов ключевое место занимает проблема их датирования. Дело в том, что до начала XVI в. акты не имели прямых указаний на время их составления, да и впоследствии даты проставлялись не всегда. Вместе с тем только обоснованная дата акта, как, подчеркнем, и источников других видов, позволяет исследователю рассуждать о причинах и конкретных обстоятельствах его создания, т. е. о его происхождении. В то же время невозможно предложить единую методику датирования

какого-либо актового источника, но, опираясь на опыт предшественников, можно выделить основные этапы решения данной задачи.

В современном источниковедении применяется методика поэтапного датирования акта. На *начальном этапе* исследователь определяет более или менее широкий хронологический период, когда акт мог возникнуть. Полученная датировка формулируется оборотами: «от ... до...», «между», «нижняя хронологическая граница... верхняя хронологическая граница...», «*terminus post quem... terminus ad quem...*». Временные рубежи выводятся из дат некоторых реальных событий, сообщение о которых извлекается из текста самого акта. К этим событиям предъявляется на начальной стадии анализа одно требование: они должны быть «привязаны» к какой-то дате, желательно бесспорной. К подобным реалиям прошлого относятся прежде всего некоторые события в жизни упомянутых в акте лиц: даты рождения или смерти, свадьбы, получение титула или сана и т. д. Чаще всего именно они помогают обозначить хронологические рамки составления текста.

Широкие временные рамки, однако, не устраивают современных исследователей, поскольку подобные датировки источника не раскрывают многие аспекты его происхождения и не позволяют включить его в конкретно-исторический контекст. Поэтому на *последующих этапах* датирования какого-либо акта ставится задача предельно сузить его первоначальную датировку. Возможность решения этой задачи исследователи видят в обнаружении таких конкретных исторических событий, которые, с одной стороны, имели бы место в пределах уже установленной датировки, а с другой — могли бы считаться поводом или причиной для создания акта. Таким образом, на всех последующих этапах исследователь обращается к анализу общеисторического контекста и использует, кроме актов, и другие виды исторических источников.

Поэтапная методика датирования актов разрабатывалась историками на протяжении более чем двух столетий. Проиллюстрируем ее развитие и применение на конкретном примере — датировании одной из двух духовных грамот московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1363—1389), сохранившихся в подлинниках. Известно, что подлинники и списки духовных грамот московских великих князей не датированы, поэтому проблема определения времени составления каждой из них возникла в науке давно.

Вопрос о датировке встает применительно и к обоим завещаниям московского великого князя Дмитрия Донского. Правда, время написания второго из них не вызывает у историков разногласий. В достаточно узких хронологических пределах датировка устанавливается на основе сведений из самого завещания¹. Ее принято ограничи-

¹ См.: Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 119—123.

вать интервалом после 13 апреля 1389 г., но до 16 мая 1389 г. Верхняя граница этой датировки аргументируется отсутствием в духовной грамоте печати митрополита Пимена, который 13 апреля 1389 г. выехал из Москвы, а нижняя — датой рождения у московского великого князя сына Константина, в грамоте не упомянутого.

Что же касается датировки первого завещания московского великого князя Дмитрия Донского, то она является предметом длительной дискуссии¹. Дискуссия вызвана отчасти и плохой сохранностью оригинала, от которого уцелел только конец. Впервые дата грамоты была названа Н. Н. Бантыш-Каменским в XVIII в. Историк вывел ее из летописных известий. В описании грамоты он отметил: «году не показано, а по летописцам следует быть между 6877/1369 и 6896/1378 годами»². Таким образом, Н. Н. Бантыш-Каменский отнес составление духовной грамоты к довольно широкому интервалу между 1369 и 1378 гг.

В XIX в. Н. М. Карамзин сделал следующий шаг в разработке правил датирования актов: он указал, в отличие от Н. Н. Бантыш-Каменского, на конкретные события, которыми, по его мнению, ограничивался хронологический период составления первой духовной грамоты. Она была написана «еще при Алексии митрополите между годами 1371 и 1377 (ибо в ней уже говорится о Василии Димитриевиче)»³. Иначе говоря, грамота составлена в период между рождением 30 декабря 1371 г. первого сына Дмитрия Донского Василия и кончиной митрополита Алексея, случившейся, как ошибочно считал Н. М. Карамзин, в 1377 г. Датировка духовной грамоты, данная Н. М. Карамзиным, просуществовала в науке в течение последующих почти полутора столетий. В середине XX в. она стала отправной точкой для поиска более точной даты завещания.

Первым ее попытался уточнить Л. В. Черепнин. Он признал существовавшие в науке широкие пределы периода, когда грамота была составлена, и согласился с теми событиями, которые были предложены Н. М. Карамзиным для обоснования границ даты. Поэтому Л. В. Черепнин вслед за Н. М. Карамзиным отметил: «духовная была написана в период с 1372 г. по 1378 г., когда умер митрополит Алексей»⁴. Как видим, Л. В. Черепнин немного расширил период, когда могло быть составлено завещание, и сделал это за счет перенесения даты кончины митрополита на 12 февраля 1378 г. Точный

¹ О разных точках зрения на датировку грамоты см.: *Кучкин В. А.* Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // *Средневековая Русь*. Вып. 2. М., 1999. С. 57—67.

² Цит. по: Там же. С. 57.

³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Примечания к тому V, главе I. Стб. 40. Примеч. 116.

⁴ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 58.

год этого события историки определили, соблюдая правила перевода летописных дат, приводимых часто в различных стилях, на современную шкалу летосчисления.

Внутри новых хронологических рамок Л. В. Черепнин искал события, которые могли подвести московского великого князя Дмитрия Ивановича к мысли написать завещание. Этим событием, по мнению историка, стала угроза объединения врагов московского князя: Твери, Литвы и Орды. Отношения между ними и Москвой достигли наибольшего напряжения к 1375 г. В этой политической обстановке Дмитрий Иванович, как считал исследователь, и должен был написать завещание. Поэтому Л. В. Черепнин соотнес составление первой духовной грамоты Дмитрия Донского к 1375 г.

Вслед за Л. В. Черепниным свой взгляд на датирование этой грамоты высказал А. А. Зимин.

Так же, как и его предшественник, он согласился с традиционным обоснованием широких пределов ее датировки, но не принял суженную датировку, установленную Л. В. Черепниным. А. А. Зимин счел эту дату всего лишь догадкой историка, ибо повод для составления завещания Л. В. Черепнин увидел в событиях, о которых повествуют другие разнообразие исторические материалы, но на них текст завещания не указывал ни прямо, ни косвенно. Эта негативная оценка аргументации датировки 1375 годом, в течение которого могло быть написано первое завещание московского великого князя Дмитрия Ивановича, позволяет сформулировать требование методического характера, которое подразумевал А. А. Зимин. Оно состоит в том, чтобы при поиске конкретно-исторического контекста для ограничения широкой датировки акта историк ориентировался в первую очередь на содержание и особенности его изложения в изучаемом источнике. В свете этого требования при датировке любого источника его содержание и форма должны быть подвергнуты углубленному анализу.

Сам А. А. Зимин попытался найти в духовной грамоте московского великого князя Дмитрия Ивановича информацию, которая помогла бы сузить традиционные широкие пределы возникновения завещания. И такую информацию он обнаружил, отвечая на вопрос о том, кто подразумевался под «детьми», упомянутыми в тексте: «...те села и починки сыну моему, князю Василью, и моеи княгини и моим детям». Для А. А. Зимина «дети» в грамоте — это еще не рожденные дети князя. Поэтому историк считал, что грамота была написана в тот период, когда Василий был единственным сыном Дмитрия Ивановича. Датировка грамоты интервалом между рождением у Дмитрия Ивановича первого сына Василия 30 декабря 1371 г. и появлением на свет второго сына Юрия 26 ноября 1374 г. обладала, по мнению А. А. Зимина, очень высокой степенью вероятности.

Других оснований для уточнения датировки в тексте А. А. Зимин не нашел. Поэтому дальнейшее сужение даты он считал необязатель-

ным, ибо увязывание датировки и каких-либо конкретных исторических событий не будет подтверждено текстом грамоты. Однако свою догадку он все же выдвинул и предположил, что грамота могла возникнуть в 1373 г., когда литовский великий князь Ольгерд в третий раз предпринял поход против Москвы.

Сравнительно недавно новую датировку первой духовной грамоты Дмитрия Ивановича предложил В. А. Кучкин. Как и его предшественники, он согласился с идущей от Н. М. Карамзина традиционной датировкой, назвав ее обоснования бесспорными. Он признал также доказанность суженной датировки грамоты периодом между 30 декабря 1371 г. и 26 ноября 1374 г. Именно в этих временных рамках В. А. Кучкин продолжил уточнение даты.

Следуя за методическими рекомендациями А. А. Зимина, исследователь выявлял в завещании содержательные особенности текста, требовавшие объяснений. Первая особенность, им обнаруженная, связана с тем, что в момент написания грамоты «территорией Владимирского великого княжества как своей вотчиной Дмитрий Московский не распоряжался или, во всяком случае, не мог распорядиться»¹, несмотря на то, что еще в 1362 г. вся территория Владимирского великого княжества была признана вотчиной московского великого князя. В. А. Кучкин объяснил эту необычную ситуацию тем, что в Северо-Восточной Руси с осени 1371 г. установилось двоевластие. Оно выражалось в том, что одновременно ярлыки на великое княжение были получены от хана двумя князьями: московским великим князем Дмитрием Ивановичем и тверским князем Михаилом Александровичем. Двоевластие продержалось до 16 января 1374 г., когда тверской князь отказался от своего ярлыка в пользу московского князя. В период двоевластия Дмитрий Иванович не мог рассматривать земли великого княжества как свою вотчину. Время написания духовной грамоты, таким образом, сужалось до периода с 30 декабря 1371 г. по 16 января 1374 г. Эта датировка почти на год сокращала хронологический интервал, предложенный А. А. Зиминим.

Второй особенностью текста завещания В. А. Кучкин посчитал отсутствие среди послухов имени человека, занимавшего в годы правления московского великого князя Дмитрия Ивановича высокие военные и дипломатические посты — князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. В то же время его имя открывало перечень послухов во второй духовной грамоте Дмитрия Ивановича. Выяснив по летописям некоторые факты биографии этого человека, В. А. Кучкин пришел к выводу, что в период с 30 декабря 1371 г. по 16 января 1374 г. князь Дмитрий Михайлович Волынский мог отсутствовать среди послухов первой духовной грамоты только по одной причине — его не

¹ Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 62.

было в Москве. Отсутствие князя Волынского в Москве В. А. Кучкин объясняет тем, что на рубеже 1371 и 1372 гг. он находился на поле брани под Скорнищевым, где московское войско, во главе которого стоял князь Волынский, нанесло поражение войску рязанского князя Олега Ивановича. После победы он занимался посадением на рязанский стол Владимира Пронского. Что касается всего периода с конца 1371 г. и до января 1374 г., внутри него никаких других событий, которые вызвали бы отсутствие князя Дмитрия Михайловича Волынского в Москве, В. А. Кучкин не обнаружил. Как видим, объясняя и эту особенность текста первой духовной грамоты, историк все более приближал нижнюю границу интервала составления грамоты к верхней границе, т. е. к 30 декабря 1371 г. Таким образом, на этом этапе датирования историком также дата завещания была заметно сужена: 30 декабря 1371 г. — первые месяцы 1372 г.

На завершающем этапе датирования акта В. А. Кучкин обратился не к его тексту, а к летописям для того, чтобы определить, какие события, произошедшие в начале 1372 г., могли стать поводом для составления духовной. Никаких значительных событий в летописях в этот период В. А. Кучкин не обнаружил, за исключением сообщения о женитьбе князя Владимира Андреевича Серпуховского — двоюродного брата московского великого князя Дмитрия — на дочери литовского великого князя Ольгерда. Именно эта свадьба, по мнению исследователя, стала важнейшим событием в жизни московского княжеского дома, способным изменить политическую ситуацию в Московском княжестве. Она послужила поводом для появления духовной грамоты, поскольку московский великий князь Дмитрий Иванович «составлением завещательного распоряжения оградил права свои и своего потомства на московский великокняжеский стол и великокняжеские земли и доходы»¹.

Таким образом, окончательную датировку первого завещания князя Дмитрия Ивановича В. А. Кучкин обозначает в предельно узком временном диапазоне: после рождения первого сына 30 декабря 1371 г. и в канун или вскоре после свадьбы Владимира Андреевича, которая состоялась, по расчетам историка, в начале 1372 г., но до 29 февраля 1372 г.

Заметим, что на всех этапах датирования первой духовной историк обращался к летописям и искал в них факты, способные объяснить те содержательные особенности духовной грамоты, которые он обнаруживал при углубленном изучении текста источника. И только тогда, когда была установлена предельно узкая дата источника, В. А. Кучкин в поисках причины и повода для составления духовной грамоты опирался не на ее текст, а на общеисторическую ситуацию, существовавшую в этот период.

¹ Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 67.

Итак, на первый взгляд методика датирования акта выглядит сложной исследовательской операцией. На самом деле для получения выверенной точной датировки, близкой к реальному времени составления акта, требуются глубокие познания в русской истории, умение работать с разнообразными историческими источниками, владение методами ряда вспомогательных исторических дисциплин, и в первую очередь — исторической хронологии. Процедура датирования акта может состоять из многих стадий, количество которых определяется глубиной проникновения исследователем в содержание источника. Степень вероятности даты, получаемой на каждом из этапов датирования, бывает разной. Наиболее вероятные — это датировки с широкими границами. Степень вероятности даты снижается, если процедура сужения широких рамок проводилась без учета содержания и особенностей его изложения в датируемом акте.

3.2.2. Дипломатический анализ

В течение нескольких столетий в западноевропейской и отечественной науке разрабатывается методика дипломатического анализа документов договорного характера. Целью дипломатического анализа является изучение *внутренней формы*, т. е. структуры и стилистических особенностей актов определенной разновидности. Иначе говоря, изучается внутренняя структура и стилистика не отдельного акта, а некоей их совокупности.

В основе современной методики дипломатического анализа лежит учение о четырех видах формуляров: 1) условном; 2) индивидуальном; 3) конкретном; 4) абстрактном. Это учение, а также подробная схема дипломатического анализа отечественных актов были разработаны С. М. Каштановым.

Условный формуляр является схемой построения акта, которого в реальности не существует. Это идеальная модель акта.

Условный формуляр делится на три крупные части: 1) начальный протокол; 2) основную часть; 3) конечный протокол. Каждая из частей состоит из определенных компонентов. В отечественной источниковедческой литературе для обозначения компонентов используется латинская терминология, принятая в западноевропейской дипломатике, а также русские эквиваленты латинских названий. В начальный протокол включаются такие компоненты, как *invocatio* (инвокация = богословие); *intitulatio* (интитуляция = адресант); *inscriptio* (инскрипция = адресат); *salutatio* (салютация = приветствие). В основной текст — *arenga* (аренга = преамбула); *promulgatio* (промульгация = объявление); *narratio* (наррация = повествование); *dispositio* (диспозиция = распоряжение); *sanctio* (санкция = запрещение); *corroboratio* (корроборация = удостоверение). В конечный протокол —

datum (датум = выходные данные); *apprecatio* (аппрекация = благопожелание).

За компонентами нет реального текста. Связь компонентов с реальными текстами просматривается в их наименованиях, в которых переданы назначение и функции крупных частей реальных актов текстов. Например, фрагмент, необходимый в конкретном акте для обозначения имени лица, от которого исходит акт, «скрывается» в условном формуляре под наименованием «интитуляция». Таким образом, условный формуляр в целом, его части и их компоненты используются как инструменты для формализации смысловых частей, из которых состоит текст акта. Подобная формализация необходима при изучении многих разновидностей актов, общее и особенное в которых обнаруживается при сравнении больших совокупностей их текстов. В связи с этим условный формуляр как модель построения актов документов играет большую роль в обработке единичного акта с целью вывести его индивидуальный формуляр, а затем — формуляры определенных групп актов источников (конкретного и абстрактного).

Индивидуальный формуляр — это схема построения единичного реального текста. Внутренняя форма единичного акта изучается *грамматически-дипломатическим* методом.

Метод предусматривает поэтапное деление текста акта на составные части.

На первом этапе применения грамматически-дипломатического метода осуществляется членение текста акта на *статьи* — «законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями»¹. Каждая статья, выделяемая в акте, имеет свою специальную тему и определенную функцию. По функциям статьи делятся на сакральные; мотивировочные; содержащие обращение; уведомительные; описательные; договорные; указные; просительные; процессуальные, удостоверительные. Некоторые статьи могут носить смешанный характер. Единичный текст акта представляет собой сочетание не всех перечисленных статей — он включает в себя только некоторые из них. Заметим, однако, что для любого акта как договорного документа обязательно наличие договорной статьи с условиями сделки между контрагентами.

Грамматически-дипломатический метод предусматривает дальнейшее членение каждой статьи акта на *предложения*. Некоторые статьи представляют собой сложные предложения, часто периоды, главная и придаточная части которых, образуя законченную мысль только в совокупности, имеют, тем не менее, свою специальную тему. Формулировка отдельной мысли в предложении подчас состоит из ряда обстоятельственных, определительных и других придаточных

¹ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 28.

предложений. Кроме того, в предложении нередко к одному подлежащему-действию относится несколько сказуемых, носящих характер описания юридических действий и состояний, поэтому сложные предложения подразделяются на *обороты*. Обороты, в свою очередь, делятся на *элементы*, представляющие собой отдельные понятия, образованные из одного или нескольких слов. Простые статьи делятся на элементы непосредственно, т. е. без деления на предложения и обороты. Объектом дипломатического анализа акта служат именно элементы какой-либо статьи.

Далее могут выделяться более мелкие единицы — *характеристики*. Среди характеристик различаются реалии (имена лиц и названия географических объектов), формулы (устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой) и описания (более или менее индивидуальные выражения, отступающие от формул и появившиеся для особых понятий, не встречающихся в других текстах).

При грамматически-дипломатическом методе поэтапное выделение указанных единиц, из которых состоит текст акта, может быть представлено следующей схемой: *текст акта* → *статьи* → *предложения* → *обороты* → *элементы* → *характеристики* → *реалии* → *формулы* → *описания*.

Приведем текст одной из купчих грамот XVI в. и разобьем ее на статьи, а одну из статей — на более мелкие подразделения. Это частный акт, зафиксировавший в 1530/1531 гг. покупку Г. М. Валуевым четверти деревни Сущево в Вяткинском стану Старицкого уезда: «Се яз, Григорей Михайлович Валуев, купил есми у Федосьи у Семеновской жены Софича да у ее детей, у Фомкы да у Ларивонка, четверть деревни Сушова в Старицком уезде в Вяткине стану, со всем с тем, что х той четверти изстари потягло, с лесом, и с луги и со всем угольем, куды топор, коса ходила и соха. А дал есми на той четверти шестьнацать рублей да пополнка вол. Купил есми себе и своим детем впрок без выкупа. А где будет та земля в закупи или в закладе, или будет на ту четверть кабалы, — и мне, Федосье, и моим детем Фомке да Ларивонке да моему брату Ивану Степанову сыну Красного та четверть очищать, а Григорью Михайловичю нам к той четверти убытка не привести ничего. А на то послуси: Иван Степанов сын Красного, да Серко Яковлев сын, да Олексей Муханов Григорьев сын, да Ондрей Петров сын Потресов. А купчюю писал Гриша Иванов сын Угримов лета 7000 трицать девятого. [На обороте находятся подписи, сделанные разными почерками: к сей купчей грамоте Серко Лысцов, послух, руку приложил. К сей купчей грамоте Алексей Григорьев сын Муханов руку приложил. К сей купчей яз, Ондрюша, послух, руку приложил. По сей грамоте купчей яз, Иванець, послух, и в очищенное руку приложил]»¹.

¹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. № 121. С. 113.

Анализируемая купчая была опубликована в научном издании, где уже дан вариант членения ее текста на статьи, т.е. законченные по мысли предложения. Но если грамматически-дипломатическому анализу подвергается средневековый акт, еще не изученный, исследователь должен специально рассмотреть вопрос о выделении в нем законченных по мысли выражений, состоящих из грамматически самостоятельных простых или сложных предложений. Дело в том, что в Средневековье знаки пунктуационной системы еще не выполняли функцию смыслового членения текста, и поэтому не следует ориентироваться на точки и запяты, встречаемые в подлиннике акта или его копии.

Начальная статья, т.е. первое предложение в купчей грамоте 1530/1531 гг., выполняло уведомительную функцию: в ней названы имена контрагентов; уточнено, кто из них в какой роли выступает; обозначен характер сделки между ними; указан объект сделки. Далее следует статья договорная. Она состоит из трех предложений, в которых подробно описаны условия сделки. Обратим внимание на то, что эти условия записаны так, как будто они были устно произнесены покупателем («Купил есми себе и своим детем...») и продавцом («...и мне, Федосье, и моим детем ... да моему брату ... а нам ... убытка не привести ничего») и сразу же внесены Гришей Ивановым сыном Угримовым в текст. Далее в купчей грамоте следует статья удостоверительная. Она состоит из одного предложения, которое перечисляет свидетелей («послухов») данной сделки. Следующая статья может быть названа выходной. Она представлена одним предложением, в котором указываются писец купчей и дата ее составления. Таким образом, индивидуальный формуляр купчей грамоты 1530/1531 гг. состоит из статей уведомительной, договорной, удостоверительной и выходной. Подлинные подписи послухов на обороте грамоты не принадлежат формуляру грамоты и поэтому не считаются самостоятельной статьей, как, впрочем, и всякие другие пометы на документе (например, позднейшие письменные подтверждения льгот и привилегий на ранее выданных жалованных грамотах).

В купчей грамоте 1530/1531 гг. отсутствуют многие статьи, которые встречаются в других разновидностях актов. К примеру, в ряде разновидностей древнерусских актов имеются статьи, запрещающие нарушать условия конкретной сделки. В древнейшей дошедшей до нас жалованной грамоте великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода, выданной в 1125—1132 гг. новгородскому Юрьеву монастырю, находятся две запретительные статьи: 1) «Даже который князь по моем княжении почьнеть хотети отъяти у святаго Георгия, а бог буди за темь и святая богородица, и ть святыи Георгии у него то отимаеть». <...> 2) «Да же кто запъртити или ту дань и се блюдо, да судит ему бог в день пришьствия своего и ть святыи Георгиеви». Подобного назначения статьи встречаются в духовных грамотах: «Аже кто вступить на сю грамоту, да не со мною с однимь

станеть пре богом, с всимь моимь племенемъ» (духовная Климента, до 1270 г.); «А хто сю грамоту мою порушит, судит ему бог, а не будет на нем милости божиин, ни моего благословенья ни в сии век, не в будущий» (вторая духовная грамота московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского, 1389 г.). В текстах многих духовных, а также жалованных грамот присутствует начальная статья, сакральная по своей функции: «Во имя отца и сына и святого духа» (варианты: «Во имя святых живоначальные троицы, отца и сына и святого духа»; «Во имя отца и сына и святого духа святых и живоначальные троицы, и ныне и присно и во веки веков, аминь»).

Возвратимся к тексту купчей грамоты 1530/1531 гг. и на ее примере проиллюстрируем операцию, направленную на выявление более мелких частей, входящих в предложение. В первом предложении акта выделим обороты и их составляющие. Результаты этой операции представлены ниже:

Оборот № 1: *Се яз, Григорей Михайлович Валуев* = элемент «се яз» + реалии «Григорей Михайлович Валуев».

Оборот № 2: *купил есми* = элемент «купил есми».

Оборот № 3: *у Федосьи у Семеновской жены Софича* = элемент «у <...> жены» + реалии «Федосьи у Семеновской... Софича».

Оборот № 4: *да у ее детей, у Фомкы да у Ларивонка* = элемент «у <...> детей» + реалии «у Фомкы да у Ларивонка».

Оборот № 5: *четверть деревни Суцова в Старицком уезде в Вяткине стану, со всем с тем, что х той четверти изстари потягло, с лесом, и с луги и со всем угодьем, куды топор, коса ходила и соха* = элемент «четверть деревни» + реалии «Суцова в Старицком уезде в Вяткине стану» + формула «со всем с тем, что х той четверти изстари потягло, с лесом, и с луги и со всем угодьем, куды топор, коса ходила и соха».

Если из оборотов анализируемого предложения изъять реалии и формулу, то в них останутся элементы, как раз и являющиеся предметом дипломатического анализа индивидуального формуляра купчей грамоты 1530/1531 гг.: «Се яз <...> купил есми у <...> жены <...> у <...> детей <...> четверть деревни <...>».

Таким образом, разделение текста единичного акта на статьи и более мелкие подразделения каждой из выделенных статей — результат толкования его буквального смысла, а также грамматической и дипломатической структуры. При этом такому членению должны быть подвергнуты все статьи, из которых состоит реальный индивидуальный текст.

Для продолжения изучения внутренней структуры актов определенной разновидности необходимо, обратившись к условному формуляру, формализовать информацию индивидуального акта, относящегося к этой разновидности. Другими словами, предполагается членение текста акта на части и компоненты условного формуляра. Метод такого членения называется *условно-документоведческим*.

Соотношение, с одной стороны, компонентов условного формуляра, а с другой — статьи индивидуального формуляра может быть различным. Во-первых, компонент может относиться к статье как часть к целому. К примеру, компоненты инвокация, интитуляция, инскрипция и салютация могут входить в состав статьи-обращения, т. е. целого. В данном случае компонент условного формуляра равнозначен определенному элементу или элементам статьи. Пример статьи, состоящей из нескольких компонентов, входящих в начальный протокол условного формуляра, находим в договорной грамоте Новгорода с князем Ярославом 60-х гг. XIII в.: «Благословение от владыки поклон от посадника Михаила и от тысяцкого Кондрата и от всех соцьких и от всех старейших и от всего Новагорода к князю Ярославу»¹. Здесь элементы «благословение <...> поклон <...>» соответствуют салютации; элементы «от владыки <...> от посадника <...> от тысяцкого <...> от соцьких <...> от <...> старейших <...> от <...> Новагорода <...>» соответствуют интитуляции, «князю...» — инскрипции. Во-вторых, компонент может быть тождественен статье. Совпадают, к примеру, инвокация и сакральная статья: «Во имя отца и сына и святого духа». В-третьих, компонент может быть целым по отношению к части: в диспозицию (целое) входит, например, несколько статей (частей). Так, в купчей грамоте 1530/1531 гг. диспозиция соответствует договорным статьям, представленным тремя предложениями.

Элементы, выделенные в первой статье купчей 1530/1531 гг., относятся со следующими компонентами условного формуляра: интитуляцией («се яз»), краткой диспозицией («купил есми <...> четверть деревни») и инскрипцией («у <...> жены <...> да у <...> детей <...>»). Таким образом, первая статья купчей носит уведомительно-договорной характер.

Результаты сопряжения индивидуального формуляра купчей 1530/1531 гг. с условным формуляром отражены в помещенной ниже схеме:

Протокольно-диспозитивная часть

Се яз <...> купил есми <...> у <...> жены <...> да у <...> детей <...> четверть деревни.

Основной текст

[dispositio]

Дал есми <...> рублей да пополонка <...>.

Купил есми <...> впрок без выкупа.

Мне <...> детем <...> брату <...> очищать.

<...> убытка не привести ничего.

[corroboratio]

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 1.

А на то послуши <...>

Конечный протокол
[datum]

А купчую писал <...> лета <...>».

На основе некоторого числа индивидуальных формуляров актов определенной разновидности составляется так называемый **конкретный формуляр**. Его назначение заключается в выявлении внутренней формы группы актов какой-либо разновидности, а также ее эволюции.

Для построения конкретного формуляра требуется разработка типической схемы каждой статьи реального текста. В схему статьи обычно входят несколько рубрик одного или разного порядка. Рубрики отражают деление статьи на предложения, обороты, элементы и характеристики.

Конкретный формуляр выводится путем прямого сличения реальных текстов, поэтому на стадии определения групповых формуляров применяется *текстологический метод*. Текстологический анализ выявляет совпадение схем тех или иных статей индивидуальных текстов или их изменение во времени и пространстве. Изменения свидетельствуют о том, что тексты ранее созданных актов перерабатывались в новых конкретно-исторических условиях. Таким образом, текстологический анализ позволяет проследить развитие текста акта определенной разновидности и соотнести это развитие с эволюцией смежных формуляров, а также установить степень новизны формуляра каждого конкретного акта. В результате текстологического сравнения устанавливаются формуляры отдельных групп источников, из которых состоит та или иная разновидность. Таким образом, конкретный формуляр передает схему построения небольших групп актов внутри разновидности (например, несудимые или тарханские грамоты как группы жалованных грамот). Воссоздание истории конкретных формуляров — главная задача дипломатического анализа внутренней формы актов.

Абстрактный формуляр выявляется на основе изучения большого количества индивидуальных формуляров. Поэтому он отражает построение определенных разновидностей актов (например, жалованных грамот).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. II / сост. А. В. Антонов. — М., 1998.

Акты феодального землевладения и хозяйства: в 3 ч. М., 1952—1961.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., 1950.

Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот XIV — XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958.

Каштанов С. М. Богословская преамбула жалованных грамот // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. Л., 1973.

Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.

Каштанов С. М. Жалованные грамоты на Руси XII—XIV вв. // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999.

Каштанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV (Опыт первичной классификации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 8. М., 1976.

Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.

Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1—2. М.; Л., 1948—1951.

ЗАДАНИЯ

1. Обратившись к разделу об актах в учебном пособии А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории», познакомьтесь с существующими в источниковедении систематизациями актов. Какие разновидности актов принято выделять в источниковедении? Определите разновидности помещенных ниже актов.
2. Самостоятельно проведите грамматически-дипломатический и условно-документоведческий анализ этих актов. Результаты своей работы обсудите с преподавателем.
3. Проверьте датировку каждого помещенного ниже акта и найдите среди них один фальсифицированный акт, т. е. подделку. Опишите свои рассуждения.
4. Дайте каждому акту заголовок, в котором укажите разновидность акта, имена контрагентов, объект сделки, дату.

I.

«Яз, княгини великая Аньна, пожаловала есми игумена Арсения Солодышенского: шьто придал Оксен Бесков куплю свою село Чешюевское Пречистой Солодышенской, и игумен Арсений людей к себе зовет на то место, а кого призовет к себе люди и на то место с иных сторон, и тим людем тягость им моя некоторая не надобе на 5 лет. А волостели мои в околицю его не въезжают, ни ямщик, ни боровщик, ни бобровник, а резанка, 60, вина и поличное из околицы его к волостелю моему не идет, ни татин рубль, шьто учинитьца татьба в его околицы промежи его люди.

А пожаловала есмь его казначеем своим Вельямином Васильевичем».

II.

«Се аз, князь великий Иван Васильевич всея Руссии, пожаловал есми Семена Александрова сына Волжина до его сына Андроса в Новем городке в Северьском в поместье селом Лямоноги, что было за Левонтьем за Терпигоревым, к старому поместью со всем с тем, что х тому селу изьстари потягло, опричь ухожьев борьтных. И хто у них в том селе учнут жити людей, и намесницы Новгородка Северского и их тиуны у них тех их людей не судят ни в чом, опричь душегубства и розбоя с поличным, и корьмов своих у них не берут и не въезжают к ним ни по что, а ведают и судят тех своих людей Семен да сын ево Андрос сами во всем или кому прикажет.

А случитца суд смесной тем их людям с городскими людьми или с волостными, и намесницы наши новгородские и их тиуны у них тех их людей судят, а Семен Волжин и сын ево Андрос или их прикащик с ними ж судят, а присудам делятца наполю. Кому будет чево искать на Семене и на его сыне на Аньдаре или на их прикащике, ино их сужу аз, князь великий, или наш боярин въведенной.

Писана на Москве, лета 7048, декабря 3 дня.

На подлинной подписано тако:

Князь Иван Васильевич всея Руссии.

На оной грамоте печать красного сургуча».

III.

«Се яз, Федор Григорьев сын Рокитина, променил есми в дом пречистые богородицы успения Иосифову монастырю игумену Нифонту и всей братье свою вотчину сельцо Чюприно да деревню Сорокино в Волоцком уезде в Староволоцком стану с луги и с лесы, и с пожнями, и со всеми угоды, что к тому сельцу и к деревне истарины потягло, куды ходил топор и коса и соха. А выменил есми у игумена Нифонта и у всее братьи Иосифова монастыря их земли монастырские, что им дал в дом пречистые богородицы Иосифова монастыря дядя мои Ияков Иванов сын Рокитина по своих родителей и по себе, сельцо Комлево да полсельца Семеновскаго со всем с тем, что к тем землям истарины потягло, с луги и с лесы, и с пожнями, и со всеми угоды, куды ходил топор и коса и соха, в Рузском уезде в Городецком стану. А принел есми у игумена Нифонта и у всее братьи Иосифова монастыря к тем землям сто рублев да пополнка мерин.

А на то послуси: Иван Матфеев сын Ржевского, да Олферей Васильев сын Мижюева, да Петр Верига Преснецов сын Толбузина, да Хрестьянин Иванов сын Гаврилова, да Михайло Иванов сын Ржевского.

А меновную грамоту писал Степанец Васильев сын Шебанов лета 7048 маиа».

[*На обороте*]: По сей меновной грамоте яз, келарь Зосима, руку приложил.

«По сей меновной грамоте яз, Алексей Ступишин, руку приложил.

По сей меновной грамоте яз, Иларий, руку приложил.

По сей меновной грамоте яз, Памва, руку приложил.

По сей менавной грамоте яз, Михайла Ржевъскай, послух, руку приложил».

Послух Алферей руку приложил».

IV.

«Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии пожаловал есмя думного с[вое]во двар[е]нина и намесника обоянского Ивана Васильевича Кобыльского за иво к нам и ко всему Московскому государс[тву] верную службу. Как он был на моих служб[ах] з бояры моими и воиводы в приход крымского царя Мингерей и за дом пречистыя богородицы и за святыя божия церкви страдал и за нас великого государя и за православную христианскую веру стоял и с ним царем крымским и ордою Белогороцкою бились крепко и мужественно и поиск над ними чинили всяким промылом. Да в приходе же Калги-царевича, как он приходил с крымскою ордою на мои города, и против ево Калги-царевича были посыланы с Москвы бояря мои и воиводы, боярин и намесник Новгородской князь Михайла Васильевич Можайской с товарищи, и в том походе в правой руке думной мой дворенин и намесник обоянский Иван Васильевич Кобыльской был полковым воиводу и с ними крымскими людьми и с Калгою-царевичем бился крепко, мужественно, помня породу свою и отечество, и многих воинских людей побил на Молодях. Да по моему есмя указу думный моя дворенин и намесник обоянский Иван Васильевич Кобыльской с товарищи ходили и воивали Аглинскую землю и, будучи он на моей службе в немецких походах, многие города поймал.

И мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии, по своему государскому милосердому рассмотрению пожаловали иво думнова своего дворенина и намесника обоянского Ивана Васильевича Кобыльского за многую иво к нам и ко всему Московскому государству верную службу, что он будучи з бояры и воеводы моими храбрость свою везде объявил, — велели дать нашего жалованья в Ростовском уезде в стану в Окологородном дворцовое село Великое з деревнями и с четвертною пашнею и с санными покосы и со всякими угоди ему в поместье и в вотчину и кто по нем наследников будет и впредь будущим иво родом наше жалованье неподвижно и мытом ему и перевозом и тиуном владеть. А подати и всякие доходы имать ему по своему окладу; и суд и пересуд ему имать или заказщики ево и тиуны досудят накрепко. И на то дворцовое село Великое з деревнями с четвертною пашнею и с санными покосы и со всякими угодьми думному дворянину и намеснику обоянскому Ивану Васильевичу Кобыльскому дана ся моя государева жалованная грамота за нашу печатью.

Писана в царствующем нашем граде Москве лета 7054-го году марта в 25 день.

А у подлинной грамоты пишет: царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии».

V.

«Во имя отца и сына и святого духа. Се яз, раб божий Петр Иванов сын Внуков Пушъкин, пишу сию духовную память своим цолым умом, кому ми что дать и но кому что взять.

Дати нам с Юрьем да с Васильем з братьею Тимофеевым детем Хметевскова по дву коболам восемь рублей с росты. Да нам же дати Марье, Васильевой жене Мунтова, полтина по коболе. Да дати ми Гриде Екимову полполтины, да [дати] Настасье сестре полполтины, да Онтону гривна. А вотчина моя половина сельца Синцова в Дмитровском уезде в Мушкове братье моей Юрью да Василью до их живота, а посля их живота — и та моя вотчина в дом пречистыя богородице в Осифов монастырь по отца моего душе по старьца его Иониной да по матери моей душе по Овдотьиной да по моей душе; да игумену и старьцом пожаловать, ученити по нас память смети земли.

А что мои люди полныя и кобальные все на слободу. А братье моей Юрью да Василью дела до них нет. А надел им, что у кого есть. А у кого нет коровы или овцы или шюбы или серьяги, и братье моей ему дать.

Да к Спасу в Бужирава даць рубль денег по моей душе. Да к святому Егорью дать стростотерьпцу Христову полтина.

Да сестре моей Федосье горница с комнатою.

А приказываю душу свою братьем своим Юрью да Василью Ивановичем, душу поменуть и долг заплотить.

И у которого человекка чего не будет собинова, им наделить. А людем моим деловым жить да Юрью да брата, как и Юрью дасть бог будет ис Козани, и они им отпускныя подают.

А у сей памяти сиди отец мой душевной свещеной инок Сергей да поп Иван Спаской.

А на то послуси: Василей да Орхип Федоровы дети Тотищева, да Лука Злобин сын Курбатов, да Онтон Лукьянов сын Мокаров, да Гридя Екимов сын.

А память писал духовную Пятой Злобин сын Курбатов лета 7050 девятого».

[*На обороте*]:

«К сей памяти духовной отец поп Сергей руку приложил.

К сей памяти духовной отец духовьной поп Иван руку приложил.

К сей духовной памяти яз, Юрью Иванов сын Пушкина, и в брата своего место Васильево руку приложил.

Василей, послух, руку приложил.

Архип, послух, руку приложил».

VI.

«Се яз Иван Иванов сын, в рожу круглолик, волосом светлорус, долгонос, нет ни уса ни бороды, ростом средней, занял есми у Ивана у Дмитриева сына у Молеванова денег пять рублей московским числом от Середохрестья Господня лета 7104-го году да до такою же дни лета 7105-го году на год, а за рост мне Ивану у Ивана у Дмитриева сына Молеванова служити по вся дни во дворе; а полягут денги по сроцы, и мне Ивану у Ивана у Дмитриева сына у Молеванова по тому же служити по вся дни во дворе.

А на то послуси земской дьячек Воинко Феклистов, а кабалу писал земской дьячек Ушачко Семенов, лета 7104-го, марта в 14 день».

VII.

«Се яз, Володимер Логинов сын, да с своею женою с Марьею с Михайловою дочерью да с своим сыном с Ортемьем порядилися есмя жить во крестьяня за Лукьяна Григорьевича Василчика в Ярославское ево поместье на Сосновки в четвертую долю выти. А взяли есмя на тот жеребей на ссуду семь четвертей ржи Лукьяновы Григорьевича. И тот нам жеребей, четвертую долю выти мне, Володимеру, и с своею женою и с своим сыном пахати, изделье всякое Лукьяна Григорьевича делати и подати и оброки и пошпины всякие платити с своею братьею со крестьяны вместе. А не станем мы, яз, Володимер, и с своею женою и с своим сыном жити за Лукьяном Григорьевичем на том жеребью или не учнем Лукьяна Григорьевича изделья всяково делати и податей и оброков и пошпин не учнем платити, и на мне, на Володимере, и на моей жене на Марье и на моем сыне на Ортемье взяти по сей записи семь рублей денег. А кои нас в лицах, а на том взяти по сей записи Лукьяну Григорьевичю денги.

А на то послуси Михайло Иванов сын Долгово да Приезжей Нечаев сын Селиванов.

А запись писал Посничко Максимов сын Петров, лета 7112-го году, сентября в 25 день».

[На обороте]:

«Послух Михалко и руку приложил.

Послух Приезжей Нечаев руку приложил».

VIII.

«Список с подленой записи слово в слово.

Се аз, Рюма да Иван Борисовы дете Екимова, розделил[и] есмя с своими братьями двоюродными с Ываном да с Савою Мурзыними детми Екимова отца своего Борисовы животы, долг, и слободу, и лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и хлеб земленой, и стояч[ий], и всякую подворную рухледь, и пчелы, и помесно[е] владенье перед третьими перед Григорьем Юрьевым сыном Окорокова, да перед Микитою Васильевым сыном Панова. Да впредь нам, мне, Рюме, да Ивану Борисова детем Якимова, на братьи на своей на Иване да на Саве на Мурзыных детех Якимова и на их детех тех животов и статков отца своего и своих не взыскивать и помесного владенья. А взыщем мы, яз, Рюма, да Иван Борисовы дети Екимова, тех своих животов отца своего и помесного владенья, и бр[ать]ем нашим двоюродним Ивану да Саве Мурзыним детем Екимова и их детем взяти на нас, на мне, на Рюме, да на Иване Борисовых детех Екимова, и на наших детех по сей записи пятьдесят рублей денег.

А на то послуси Федор Евсевь[евъ] сын Майков.

А запись писал Богдашко Офанасьев сын Попов, лета 7112-го году.

А назади записи написано:

К сей записи деловой Юрья Сушков в Рюмино да в Ываново место руку приложил.

К сей деловой записи Иван Григорьев сын Нечаев в Ываново да в Рюмино место руку приложил.

Послух Фетка руку приложил».

IX.

«Список с записи слово в слово.

Се яз, Семен Михайлов сын Апушкин, взял яз в корта[му] у дяди своего у Незвана у Нечаева сына Апушкина розчисть Заречье да розчисть Леснушка по реке по Мезанде по обе стороны под розчисть на дватцет лет со сто осмаго на десять году да по сто тритцать осмой год. А кортаму яз, Семен, дал на дватцет лет всю сполна, на год по два алтына за обе росчисти. И мне, Семену, на тех розчистях лес сечи, и от росег отбивать, и пашня похать, и завалов не оставливать и стоячево дерева. И буде яз, Семен, в те годы не стану розчищать Заречья да Леснушку или стану стоячее дерево оставливать и завалы не стану от росег отбивать, и на мне, на Семене, дяде моему взяти по сей записи пять рублев денег.

У нас сие записи писаны по противнам.

А на то послух Давыд Апушкин.

А запись писал церковной дьячек Тренка Висленев, лета 7118-го году, марта в 5 день.

А у подлинные записи назади пишет:

К сей записи николской поп Павел вместо Семена Апушкина по ево веленью руку приложил.

Послух Давыд руку приложил».

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

4.1. Общая характеристика

Делопроизводство — это специфическая деятельность по созданию документов, связанных с принятием решений по различным вопросам и исполнением принятых решений. Документирование деятельности государственных учреждений, церкви и монастырей, частных лиц породило огромный корпус делопроизводственных источников. Появление «дел» как самостоятельных комплексов документов, связанных между собой единством рассматриваемого конкретного вопроса, относится к концу XV в.

В истории государственного делопроизводства конца XV — начала XX в. выделяются несколько периодов, в рамках которых функционировали специфические системы органов управления: приказная (конец XV—XVIII в.), коллегияльная (XVIII — начало XIX в.), министерская (XIX — начало XX в.).

Каждая из этих систем характеризуется своим более или менее единым порядком принятия решений по конкретным вопросам, едиными принципами ведения делопроизводственной документации, а также специализацией отдельных должностных лиц на выполнении определенных функций, в том числе и письменного оформления «дел».

Каждое государственное учреждение, являясь элементом управленческой системы, находилось в тесной взаимосвязи с другими учреждениями. Учреждения разного уровня поддерживали деловые контакты между собой в форме переписки, которая представляет собой так называемое *общее* делопроизводство. В то же время каждое учреждение имело свою особую функцию, которую письменно реализовывало в документации, специфической по назначению, содержанию и форме. Это *специальное* делопроизводство создавалось во всех сферах государственной деятельности: хозяйственной, внешнеполитической, военной, судебной и т. д.

В решении того или иного вопроса, порождавшего «дело», участвовало, как правило, несколько центральных и местных учреждений. Из-за этого в настоящее время сохранившиеся материалы подобных «дел» оказываются рассредоточенными по различным архивным фондам и даже различным архивохранилищам. Поэтому одним из подходов к изучению делопроизводственной документации является комплексный подход, который подразумевает выявление всех разновидностей материала, возникшего в результате рассмотрения

конкретного вопроса, и изучение этих разновидностей во взаимосвязи и взаимозависимости.

Некоторые источниковедческие проблемы и методы изучения специального делопроизводства покажем на примере писцового делопроизводства. *Писцовым делопроизводством* называется обширный и многоплановый по содержанию комплекс материалов, с помощью которых в конце XV—XVII вв. государство решало несколько важнейших задач: фиксировало право владения землей, выявляло изменения в землевладении и организовывало государственное налогообложение подвластного сельского и городского населения. Средством для реализации таких масштабных государственных задач являлись описания земельных владений светских и церковных феодалов, хозяйств черносошных крестьян и черных тягловцев в посадах. Писцовые описания проводились примерно через 20—30 лет, и они могли охватывать территорию всей страны или ее важнейшие части.

Инициатором описательных работ, в результате которых возникла писцовая документация, выступала верховная власть. Царский указ и указы для писцов устанавливали правила организации описания уездов и городов.

Описательной работой на местах и составлением писцового материала руководил Поместный приказ. Отсюда отправлялись распоряжения писцам, сюда писцы обращались в тех случаях, когда не могли принять решения по каким-то вопросам. Таким образом, в период описательных работ накапливался значительный объем деловой переписки в виде грамот, указов, памятей, отписок.

Специальное делопроизводство представлено разнообразными книгами, которые имеют общее наименование «писцовые книги», но среди них выделяется несколько важнейших разновидностей. Это собственно *писцовые* книги, в которых содержались результаты каждого валового, т. е. всеобщего, описания, проведенного в установленный властью срок. *Дозорные* книги включали описания отдельных посадов, поместий и вотчин, проведенные по челобитью землевладельцев, посадов в период между валовыми описаниями. Платежные, межевые и отдельные книги оформлялись в ходе описания и после него. В *платежные* книги записывались окладные единицы, которые были сформированы в том или ином владении или в городе во время писцового описания и с которых крестьянское и посадское население должно было давать налоги в казну и выполнять государственные повинности. *Межевые* книги фиксировали границы между владениями, установленные при решении писцами, которые получили на время проведения писцового описания судебные полномочия, земельных споров. В *отдельные* книги записывались отводы земли и угодий служилым людям с указанием размера и границ владений.

Из писцовых книг делались выписи, которые отдавались населению. Впоследствии во время следующего описания эти выписи слу-

жили доказательством права владения поместьями или вотчинами. Это были *сотницы*, или сотные выписи (грамоты). Сотные выписи выдавались на владения одного землевладельца или на конкретный посад. Часто предъявлялись выписи из отдельных книг. Например, некоторые помещики Окологородного стана Рязанского уезда при писцовом описании 1627—1629 гг. предоставляли писцам выписи из отдельных писцовых книг: «Писано за ним (т. е. за Тимофеем Петровым сыном Казначеевым. — Т. К.) то поместье по выписи с отдельных книг письма и меры Третьяка Вельяминова с товарищи 114-го году да по его скаске»¹.

Выписи на владения делались и из платежных книг. В платежную выпись вносились данные по нескольким показателям, полученным в ходе писцового описания или дозора. Этими показателями были название населенного пункта, входившего во владение, размер пашни, измеренной «четями или четвертями», и количество окладных единиц («сох» или «вытей»). При этом пахотная земля определялась «живущей» (пашней, которая учитывалась при расчете окладных единиц) и «в пусте» (землей, не включавшуюся в момент составления описания в окладную единицу).

Выпись из платежной книги 1571/1572 гг., полученная Иосифо-Волоколамским монастырем, может служить примером подобного документа: «<...> Выписано из рузских ис платежных книг с книг письма и дозору Левонтья Толбузина да Уполона Толобина восьмьдесятю году в Рузском уезде в Скирманове стану пречистые Иосифова монастыря:

Село Скирманово, пашни в живущем сорок чети, а в пусте пятьдесят четей. Живущего 2 выти, а пуста 7 вытей.

Село Мамошино, пашни в живущем сто чети, а в пусте дватцать чети. Живущего 2 выти, а пуста пол 3 выти.

Тех же сел деревни: была 2 выти.

Деревня Маслова, пашни в живущем пятнатцать чети, а в пусте пятнатцать четий. А ныне пуста 2 выти.

<...>

Деревня Крюкова, в живущем пашни тритцать четий, а в пусте десять четий. Живущего 2 выти, а в пусте пол 4 выти»².

К особой разновидности писцовой документации относятся и так называемые *приправочные* книги. Они предназначались для наведения справок в ходе описания и для сравнения настоящего положения с тем, что было прежде. Приправочные книги составлялись из специальной документации предыдущих описаний: писцовых, дозорных, отдельных, платежных и иных книг.

¹ Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII в. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 557.

² Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. С. 420. № 376.

Повеление заготовить вспомогательный материал «для приправки» дано, например, в наказе писцам Александру Игнатьевичу Чоглокову и дьяку Добрыне Семенову, направленным в 1622 г. для описания посада Великого Новгорода и Старой Руссы с уездом. В наказе предписывалось «для приправки Новугороду посаду и слободам прежние писцовы и дозорные книги... взяти им в Великом Новегороде у боярина и воеводы у князя Данила Ивановича Мезетцкого да у дьяка у Михаила Милославского»; «...взяти у боярина и воеводы у князя Данила Ивановича Мезетцкого да у дьяка у Михаила Милославского списки с книг прежних писцов и дозорщиков за дьячьею приписью для приправки...»¹.

Приправочные материалы писцы должны были использовать, согласно наказу, во многих ситуациях. Обращение писцов к приправочным книгам было обязательным при формировании сох или вытей в границах конкретного поместья, вотчины или посада. Этого требовал, например, и наказ А. И. Чоглокову и Добрыне Семенову: «...а класти в соху в Великом Новегороде на посаде тяглых черных дворов..., розсмотреть о том накрепко, и по людем, и по прожитком, и по торгом, и по промыслом, и примерясь к прежним писцовым и к платежным книгам, вправду, по государеву крестному целованью...»²; «А на выти писати и верстати крестьян, примерясь к прежним писцовым книгам, по кольку человек пригоже, смотря по животом и по промыслом и по угодьям»³.

При разрешении земельных тяжб писцы должны были ориентироваться на прежние межи, о которых можно было узнать из многих источников, в том числе и из приправочного материала: «А будет меж посадцкими или митрополичьи и монастырскими людьми в дворовых местех, или в садах, или в огородах, и в лавках, и в каких землях ни будь учинитца спор, и писцом Мирону и дьяку Добрыне тех людей, у которых учинитца спор, поставя перед собою с очи на очи, роспрашивати и сыскивати тутошними и окольными людьми вправду, по государеву крестному целованью, и прежними писцовыми и платежными книгами, и всякими крепостьми и всякими сыски накрепко...»⁴.

Таков основной круг делопроизводственной документации, получившей наименование писцового делопроизводства. Знание разновидностей этой документации, ее содержания и формы является одним из важнейших методических требований.

В источниковедении применительно к писцовому делопроизводству как совокупности документов, связанных единым назначением, очерчивается значительный круг проблем.

¹ Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913. № 104. С. 175.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 181.

Терминологическая проблема — важнейшая из них. Дело в том, что в писцовом делопроизводстве употреблялись особые термины при описании земли («живущее», «пустое», «перелог», «пашня наездом» и т. д.), а также при обозначении окладных единиц («соха», «выть», «живущая четь» или «живущая четверть»). Некоторые из этих терминов не удается раскрыть бесспорно. Но понимание исследователями того, что имели в виду писцы, обращаясь к этим словам, необходимо для определения информативной ценности источников. Изучение терминологии разновременных совокупностей писцовых книг, начиная с новгородских древнейших книг конца XV в. и включая писцовые книги 1620—1630-х гг., позволяет обнаружить эволюцию писцового делопроизводства. Например, установить введение в середине XVI в. так называемой большой московской земельной сохи и замены ее в 1620-х — 1630-х гг. «живущей четью» — окладной единицей, которая формировалась на новом подворном принципе¹.

В научной литературе давно поставлен вопрос о степени точности цифровых данных и достоверности информации описаний. Ответ на этот вопрос связан с изучением реальной практики измерений земельных площадей, затрат времени на описание одного владения и описания уезда и т. д.

Важное место в источниковедческом изучении писцового делопроизводства занимают вопросы, связанные с типологией писцовых книг. Они составлялись с разными целями, по неодинаковой программе и сообщали неравноценные по объему и характеру сведения. Одним из способов систематизации писцовых книг является анализ некоторых формул, приводимых в описаниях посадских дворов и земельных владений. Для типологии писцовых посадских книг 1620-х гг. предложен, например, такой признак, как указание размера тягла, ежегодно выплачиваемого дворовладельцем². С учетом этого показателя выделяется три типа книг: первый — это книги с указанием на величину дворового тягла каждого дворовладельца; второй — книги с указанием на величину дворового оброка каждого дворовладельца; третий — книги с описаниями тяглых и оброчных посадков без указания на размер дворовой подати. Эти различные формулы отражали реальную платежеспособность населения того или иного посада.

Для установления разновидностей книг, содержащих описания поместий, используется анализ синтаксических конструкций, постоянно повторяющихся при описании владений. Значение подобных

¹ См.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в.: Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.

² См.: Булгаков М. Б. К вопросу о типологии писцовых посадских книг 20-х годов XVII в. // Россия в средние века и новое время: сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 198.

формул можно проиллюстрировать на примере так называемой отдельной книги¹. Эти формулы отражали определенные ситуации, связанные с наделением помещиков землей. Если во время писцового описания размер поместной земли соответствовал окладу помещика, в описании его поместья в отдельной книге употреблялись формулы: «и оклад его сполна» или «оклад его сполна весь». Если поместье было меньше оклада, писцы наделяли помещика недостающей землей. При этом в отдельной книге записывалось: «да ему ж дано из достальных (т.е. оставшихся. — Т.К.) из порозжих земель, что было преж сего поместье» (далее указывалось имя прежнего помещика). В таких случаях в конце описания делалась запись в следующих вариантах: «и оклад ему учинен сполна весь»; «и оклад его учинен сполна весь» (далее указывалось количество четвертой оклада. — Т.К.); «и оклад его учинен сполна, из того числа пашни паханные» (далее указывалось количество четвертой пашни).

При изучении писцового делопроизводства важно представлять степень сохранности документации валового описания в целом, а также степень сохранности каждого из изучаемого писцового документа. Одной из методик определения сохранности и полноты писцовых книг является анализ скреп. В приказном делопроизводстве наличие скрепы дьяков или подьячих по листам книги или на склейках столбца было показателем подлинности и целостности документа. Например, в подлинной рукописи Рязанской писцовой книги 1627 — 1629 г. имелась скрепа подьячего Тимофея Молчанова, который участвовал в описании Рязанского уезда вместе с Кириллом Семеновичем Воронцовым-Вельяминовым и подьячим Михаилом Семеновым. Его скрепа повторялась на всех листах в следующем виде: «Къ семъ — книгамъ — подья — чей — Ти — мо — фей — Мол — ча — новъ — ру — ку — при — ло — жиль». Только в одном месте она была нарушена — пропущены два слога «Ти — мо —», и этот пропуск является сигналом утраты листов. В рукописи в этом месте действительно были утрачены два листа с описаниями, которые впоследствии при издании книги были восстановлены по более позднему ее списку². Если не проверять сохранность скрепы, то в некоторых случаях можно пропустить дефектные места в рукописи.

Анализ скреп в рукописных писцовых книгах помогает выяснить, имеем мы дело с подлинной рукописной книгой или перед нами ее позднейший список. Как известно, датировать письменный источник можно разными способами. Временные ориентиры дает, например, методика датирования письменных источников по филиграням бумаги. Вместе с тем филигранологический метод следует дополнить анализом скреп. Подлинные писцовые книги скреплялись теми ли-

¹ См.: Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкция текстов. М., 1991. С. 15.

² См.: Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 517.

цами, которые проводили описание и оформляли его документально. В списке, снятом с какой-либо писцовой книги, листы скреплял тот подьячий, который копировал текст. Зная, когда этот подьячий служил в приказе, мы сможем установить время появления списка. К примеру, в заголовке писцовой книги Торопецкого уезда имеется указание на ее создание в 7048 и 7049 годах, т. е. 1539/1549—1540/1541 гг.¹ Однако скрепа по ее листам была сделана Василием Степановым, который служил дьяком Поместного приказа с 1555 по 1569 г. Следовательно, именно в этом временном интервале появилась эта писцовая книга как список с оригинала, и данный список можно назвать приправочной книгой, которая была подготовлена к очередному описанию Торопецкого уезда.

Еще один пример: дозорная книга Нижегородского уезда, составленная Василием Борисовым и подьячим Третьяком Абрамовым в 1588 г., сохранилась в единственном списке. Он скреплен дьяком Василием Семеновым, служившим в Нижегородской чети в 1613—1615 гг.² Этими годами датируется список, являвшийся приправочной книгой.

4.2. Методика изучения

Документальные комплексы валовых писцовых описаний конца XV—XVII вв. сохранились неравномерно. Наиболее полным является писцовое описание 1620—1630-х гг. Книги этого периода, дошедшие до нашего времени, охватывают большинство уездов и городов Русского государства. Слабо представлено писцовое делопроизводство конца XV—XVI вв.

Стремясь расширить информативную базу исследований по истории землевладения XVI в., исследователи обращаются к анализу ретроспективных указаний поздних писцовых книг. Принципиальную возможность проведения такого анализа обеспечивает отмеченный выше подход к составлению писцовых книг: писцы проводили сравнение текущего положения землевладения с тем, что было прежде, и это сопоставление в той или иной мере отражено в тексте писцовых книг. По мнению некоторых исследователей, на основе писцовых книг 1620—1630-х гг. даже возможно реконструировать предшествующие описания. Поэтому методика извлечения ретроспективной информации из писцовых книг и ее анализа разрабатывается современными исследователями на материалах описания 1620—1630-х гг.

¹ См.: Торопецкая книга 1540 г. / подгот. к печати М. Н. Тихомиров и Б. Н. Флоря // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 278.

² См.: *Анпологиов Г. Н.* Нижегородские документы XVI в. (1588—1600 гг.). М., 1977. С. 5—6.

Как показывает опыт изучения писцовых книг, в них наиболее ярко выражена ретроспективная информация хронологического, генеалогического и географического характера. Именно ее исследователи вычленили из писцовых книг для изучения землевладения XVI в. в каком-либо стане или более крупной административно-территориальной единице — уезде.

В писцовых книгах ретроспективную хронологическую информацию несли сведения о документах, на основе которых определялось право на владение или вотчиной, или поместьем. Эти документы предоставляли писцам сами землевладельцы, в некоторых случаях их присылали из Поместного приказа. Помещики предъявляли в основном ввозные грамоты, которые выдавались властями на поместье и которые приказывали крестьянам повиноваться помещику. В писцовых книгах тексты грамот не приводились, но сведения о них приводились в достаточно устойчивых конструкциях: указывалось имя царя, год выдачи грамоты и имя подьячего, чья припись была на грамоте. К примеру: «По государеве, цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси ввозной грамоте, за приписью диака Ондreja Вареева, 129-го году, в поместье...»¹. Вотчинники предъявляли жалованные вотчинные грамоты: «По государеве, цареве и великого князя <..> всеа Руси жалованной вотчинной грамоте, за подписью дьяка <...> 121-го году, старинная вотчина...»².

Другими подтверждающими документами были выписи из разных книг предыдущего писцового описания. Такое описание, например, в Рязанском уезде проводилось в 1595—1596 гг., о чем сообщается в описании поместья Микиты Степанова сына Петина: «А писано за ним то поместье по выписи с книг письма Третьяка Вельяминова с товарищи 105-го году»³. Подобного рода ссылки на документацию прежних описаний выделяли, пожалуй, самый ранний пласт информации.

Иногда в писцовых книгах встречаются замечания о том, что некоторые документы на право владения землями поступали к писцам из Поместного приказа. Так, в писцовой книге Окологородного стана Рязанского уезда 1627—1629 гг. встретилось объяснение, почему поместье Афанасия Игнатьева сына Мартынова в свое время оказалось не внесенным в приправочную книгу: «Писано за ним то поместье по государеве, цареве и великого князя Василья Ивановича всеа Руси ввозной грамоте, за приписью дьяка Гарасима Мартымянова, 118-го году, а в те поры за ним то поместье по приправочным книгам не приправлено было потому, что те книги взяты были у писцов в Поместной приказ для спору князя Ивана Дашкова с Федором Измайловым, а были те книги у подьячего у Ондreja Непейцына болши пяти лет, и после того принесли ис Поместного прика-

¹ Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 522.

² Там же. С. 647.

³ Там же. С. 535.

за память, и по той памяти сыскано за ним в приправочных в пла-
тежных книгах, и по тому за ним и приправлено»¹.

Важную ретроспективную информацию об этом владении нахо-
дим в сохранившейся копии приправочной книги 1594—1597 гг., на
которую ссылались составители писцовой книги Рязанского уезда
1627—1629 гг. В приправочной книге имеется описание поместья
отца Афанасия Игнатьева сына Мартынова — Игнатия Михайлова
сына Мартынова. Это поместье находилось в Моржевском стане Ря-
занского уезда. После его описания в приправочной книге следует
краткое замечание: «Да за ним же поместья в Окологородном стану
132 чети»². Таким образом, выясняется, что поместье в Окологород-
ном стане принадлежало Мартыновым еще в конце XVI в. Долговре-
менное пребывание поместья в этом семействе подтверждает запись
в книге 1627—1629 гг. о том, что отец Афанасия Игнатьева сына
Мартынова владел этим поместьем.

Таким образом, даты прежде выданных документов важны для
восстановления истории владений, которые существовали уже в
XVI в.

Ретроспективную информацию генеалогического характера часто
содержат описания владений. Ее содержит и упомянутое выше опи-
сание поместья Афанасия Игнатьева сына Мартынова. Приведем
еще одно описание из писцовой книги Окологородного стана Рязан-
ского уезда 1627—1629 гг., где речь идет о владении поместьем пред-
ставителями трех поколений: «За Андреем Лукьяновым сыном Кар-
цовым — по государеве ввозной грамоте, за приписью диака Ивана
Грязева, 129-го году, отца его поместье, жеребей пустоши Гласковой
на речке на Павловой; на ево жеребей 4 м[еста] дворовых. Пашни
перелогом добрые земли 30 ч[етвертей], да лесом поросло 22
ч[етверти] с полуосминою в поле, а в дву потому ж; сена по речке по
Павловой и по лоском (т. е. по неглубоким балкам, лощинам. — Т. К.)
100 копен; лесу усады 4 десятины.

Пустошь Митусово на речке на Гряской, в ней 4 м[еста] дворо-
вых; пашни перелогом добрые земли 20 ч[етвертей] в поле, а в дву
потому ж, сена меж поль и по лоском 70 копен.

И всего за Андреем Карцовым в поместье пустошь да жеребей
пустоши; в них 8 м[ест] дворовых. Пашни перелогом 50 ч[етвертей],
да лесом поросло 22 ч[етверти] с полуосминой.

И всего пашни перелогом и лесом поросло добрые земли 72
ч[етверти] с полуосминою в поле, а в дву потому ж; сена 170 копен;
лесу усадного 4 десятины.

Сошного письма в пусе пол-полчети и пол-пол-полчети сохи, и
не дошло в сошное письмо 3 ч[етверти] бес полуосмины пашни.

¹ Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 548.

² *Анплогов Г. Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века.
М., 1982. С. 197.

Да за ним же, Ондреем, в поместье жеребей той же пустоши Гласковой; а на его жеребей м[есто] дворовое; пашни перелогу добрые земли 24 ч[етверти] в поле, а в дву потому ж; сена 50 копен; лес за речкой за Павловою по болоту с помещики вопче.

Сошного письма в пуге пол-пол-полчети сохи, и не дошло в сошное письмо чети пашни.

Писано за ним по ево, Ондреевой, скаске и по выписи Третьяка Вельяминова, за приписью диака Гарасима Мартемьянова, 104-го году, что было преж сего дано деду его Федору Карцову¹

Из описания видно, что владение было в руках предков нынешнего помещика, и, следовательно, существовало в конце XVI в.

Для выявления имен прежних землевладельцев (как вотчинников, так и помещиков) необходимо знать структуру писцовых книг. Приведем рубрики, по которым систематизировался материал в писцовой книге 1620-х гг. с описанием Рожаловского стана Угличского уезда: «Стан Рожаловской, а в нем за дворянами и за детьми боярскими в поместьях»; «В Рожаловском стану порозжие поместные земли»; «В Рожаловском же стану старые вотчины и купли»; «В Рожаловском же стану в вотчинах, что давано за московское царя васьльево осадное сиденье»; «В том же в Рожаловском стану в вотч(ине), что дано за московское осадное сиденье королевичева приходу»; «В Рожаловском стану вотчинные порозжие земли»; «В Рожаловском стану монастырские вотчины»². Примерно такая же рубрикация применялась в писцовых книгах и по другим уездам. Ретроспективная информация о владениях содержалась в разделах «Старые вотчины и купли», «Порозжие (т.е. запущенные, неиспользуемые. — Т. К.) вотчинные земли», «Порозжие поместные земли». Для заполнения этих рубрик информация бралась, как установлено исследователями, из приправочных книг. Так, в писцовой книге Нижегородского уезда 1621 — 1623 гг. имеется прямое свидетельство о заполнении рубрики «Порозжие земли» по приправочным книгам: «В Стрелицком же стану по приправочным книгам писма и дозору Василья Борисова да подьячего Третьяка Обрабова 96-го (т.е. 1587/1588 гг. — Т. К.) году написано в поместных в порозжих землях пустоши...»³

Время деятельности землевладельцев XVI в., имена которых выявлены по писцовым книгам 1620 — 1630-х гг. и приправочным книгам к этому описанию, должно быть уточнено по иным сохранившимся источникам XVI в. Так, имена старинных вотчинников какого-

¹ Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 545 — 546.

² Угличские писцовые книги XVII в. / публ. М. Н. Липинского // *Временник Демидовского юридического лицея*. Кн. 45. Ярославль, 1887. С. 361 — 447.

³ *Павлов А. П.* Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старицкого уезда 1624 — 1626 гг.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 17. Л., 1985. С. 104 — 105.

либо стана или уезда сопоставляются с данными разрядных книг конца XVI в. Разрядные книги — это комплекс специального делопроизводства, создававшегося Разрядным приказом для ежегодного распределения на военную, придворную и гражданскую службу. Разрядные книги дополняют сведения о времени и характере службы того или иного вотчинника. Разнообразный актовый материал XVI в. также уточняет и дополняет генеалогические сведения писцовых книг. Дополнительные материалы подтверждают причастность землевладельцев к территориальной единице, которая обследуется, а также могут пополнить сведения по истории некоторых владений.

Ретроспективная информация географического характера представлена в писцовых книгах перечнем административно-территориальных единиц в обследуемом уезде, названиями населенных пунктов, входивших в XVI в. в состав того или иного поместья или вотчины, а также обозначением категорий этих поселений (село, сельцо, деревня и т. д.).

Ретроспективная информация писцовых книг, дополненная сведениями из других источников, позволяет изучать историю землевладения в нескольких аспектах. Так, с ее помощью можно выявить персональный состав землевладельцев в конце XVI в. и размеры их владений; определить соотношение в стане или уезде вотчин и поместий в XVI в.; восстановить географию размещения вотчин и поместий; изучить историю отдельных владений и др.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913.

Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956.

Аншилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI в. (1588—1600 гг.). М., 1977.

Аншилогов Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982.

Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900.

Торопецкая книга 1540 г. / подгот. к печати М. Н. Тихомиров и Б. Н. Флоря // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.

Угличские писцовые книги XVII в. / публ. М. Н. Липинского // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 45. Ярославль, 1887.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов К. А. Административно-территориальное деление России XIV—XV вв. по ретроспективным данным писцовых книг XV—XVII вв. // Материалы XII всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина (1729—1795), Архангельск, 19—23 июня 2001. Архангельск, 2002.

Булгаков М. Б. К вопросу о типологии писцовых посадских книг 20-х годов XVII в. // Россия в средние века и новое время: сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999.

Ивина Л. И. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг 20—30-х годов XVII в. как источника по исторической географии (на материалах Угличской земли) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 13. Л., 1982.

Масленникова Н. Н. Изучение писцовых книг 20-х гг. XVII в. и их соотношение с другими документами писцового дела // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978.

Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в.: Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.

Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старицкого уезда 1624—1626 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 17. Л., 1985.

Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкция текстов. М., 1991.

ЗАДАНИЯ

1. Ознакомьтесь с характеристикой общих и специальных государственных и частных систем делопроизводства XV—XVIII вв. по учебному пособию А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории».
2. Внимательно прочитав фрагменты из источников, помещенные ниже, ответьте на вопрос о том, что их объединяет.
3. Каков характер ретроспективной информации, содержащейся в приведенных фрагментах?
4. На примере некоторых фрагментов, приведенных ниже, покажите, какую роль играли писцовые книги в жизни городского населения.
5. Какие самоназвания документов встречаются в приведенных фрагментах? К каким видам исторических источников эти документы относятся?

1. Писцовая книга Торопца 1539/1540—1540/1541 гг.
(фрагмент)

«От всполья посторон Николы Нового от прудца улицаю: двор Детилины Осокина, а в нем дворник Прошко Дмитров; двор Тимохи Филипова сына Рожнова и его братья, а в нем дворник Васка приходец; двор Нечаия Лопатина, а в нем дворник Гридько Федотов; двор Федоров да Михайлов и их братья Подчертковых, а дворник в нем Овсеико приходец; двор Павла Мятивово сына Шамшава и его братья, а в нем дворник Степанка кровопуск; место дворовое Степана Васильева сына Голенищева да место дворовое Левонтия Рожнова; двор Ивана Васильева сына Голенищева, а в нем дворник человек его Юрка; двор Иванов да Григорьев Ондреевых детей Ар-

бузова, а дворник в нем Ермолка сапожник; <...> двор Ондreja Ушекова, а в нем дворница вдова Марья; <...> двор Ивана Вороново, дворника нет; <...> двор Микиты Кушелова да его племянников Ондреевых детей Кушелева, а дворник в нем Онисимко козак.

А на Большой улице дворы боярские ж; двор Федора Бедринского, а в нем дворник Степанка Иванов; двор княжеи Олександров Анбалского, а в нем дворник Есипко.

У Миколы у Старого в переулке: <... > двор Васьки Яковлева да брата его Ермолкино да Офонаса Костокова да Фомы Денисова да Кисяля Ермолина да Нефодка Мартинова да Бориса дьякона патницкого да Васка Сумкина да брата его Онтипка да Федка Сумкина ж да Федька колачника да Михалка Ушакова посадских людей, в нем дворник Скарюта <...>».

2. Росписной список города Москвы 1638 г. (фрагменты)

«Улица мостовая Веденская, что пошла к Водяным воротам.

Двор гостиные сотни торгового человека Федора Лукьянова, у него во дворе государев серебряник <...> Исаков да муромец пушкарь Игнашко Маковеев, да дворник Ивашко Иванов сын, прозвище Голенинской, да муромец гостиные сотни торговой человек Измайло Савин сын Дубенской, все ружья у себя не сказали». <...> Подворье Пречистые Богородицы Донские, а на нем дворник Екатерининской слободы плотник Ивашко Спиридонов, ружья у себя не сказал».

«На Никольской на мостовой улицы.

Двор торговых немец Галанские земли Марка Маркова сына да Юрья Иванова сына Клинкина, а людей у них по одному человеку Сенка Тимофеев да Михалка Иванов, и те де люди их идут с ними к Орхангильскому городу вскоре для торговли, а з двора их будет дворник Гарасимка Фомин с пищалью».

«На Ильинском кресце на Большой мостовой улицы.

Двор митрополита Новгородского, а на дворе живут стряпчей Микифор Екимов сын Тяполков, да митрополичей сын боярской Меркул Борзого, да митрополичей подьячей Иван Юрьев — с пищальми. Да на том же дворе живет в потклете поп Степан, служит у церкви боярина Ивана Васильевича Морозова на дворе. Да на том же на дворе живут в избах поп Дмитрий — служит на митрополичье дворе у церкви Никиты чудотворца. Изба Казанского дворца молодого подьячево Ивана Золотилова с рогатиной. Изба дворника Куземки Иванова, сидит в лавке в Замочном ряду с пищалью, а у него сын Васька с рогатиною».

«Дворы по Рожественской улице
и от Рожественской улицы по Стретенские ворота
и от Стретенских ворот Стретенскою улицею
по Веденскую решетку всяких людей».

«Место боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарского, на нем живут в избах люди ево крепосные: Тимошка серебряник, Петрушка да Павлик бронники, Пронка портной мастер, Матюшка олмазник, Аношка сдельник. Сказали, что будут они все на службе з боярином».

«Двор стольника князя Семена княж Васильева сына Мосальского, на Москве его нет, живет на дворе дворник Селиверстка Иванов, будет с пишалью. <...> Двор Никиты Иванова сына Лакирева, на Москве его нет, на дворе живет дворница вдова Катеринка Иванова дочь».

«Дворы Покровской сотни тяглых людей.

<...> Двор посацких людей из Ярославля, живет на нем дворник Трофимко Иванов сын сапожник, будет с рогатиной».

«В переулке от большой Покровской улицы на нис х Кулишкам.

Двор полковника Олександра Крафорта, сказал: быть ему на государеве службе, а на дворе у него людей своих не будет, крепостных людей у него нет, а будет де у него на дворе по 6 человек, а имян им сказать не умеет, потому что будут переменяяся. <...> Двор Василья Опраксина, сказал: быть ему на государеве службе на Туле, а люди все с ним будут, а дворника на дворе нет».

«Двор (в Иконном пер.) князя Ивана княж Силина сына Вяземского, и он, князь Иван, в деревне живет, а на дворе дворника и людей нет».

3. Дозорные книги г. Венева 1635 г. (фрагмент)

«Лета 7144 сентября 18 день.

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказу Устюжские четверти за приписью дьяка Пантелея Чирикова посылан на Веневу Василей Захарьевич Свизев для того в прошлом во 142 году октября в 23 день да во 143 году февраля в 15 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровича всеа Руси венеvцы посадские люди оброчные слободы староста Ермолка Пшеничников и во всех крестьян место оброчные слободы в челобитных их написано в прошлом де во 141 году августа во 2 день приходил под город Веневу Крымской царевич со многими людьми и к городу приступал четыре же с огненным боем и на тех де приступех и на вылазках посадских людей оброчные слободы тяглецов побито и переранено, живых взято 38 человек и дворы и животы и лавки разорили и пожгли животину их всякую поймали и хлеб весь выточили, а достальной хлеб в гумнах сожгли и запустело де их от того разоренья 42 места дворовых, и ныне де их посадских людей всех только 30 дворов, а после де разоренья Крымского царевича приходу живут они в погребях и в ямах и Василью <...>

Да бобыли ж жили на дворничестве бобыль Гаврилко Семенов жил за Иваном Захарьевым сыном Свизевым и Гаврилко сшел безвестно во 142 году, оброку платил 4 алтына с деньгою, бобыль Лунка Мелехов жил на дворничестве Венева монастыря сшел безвестно во 142 году, оброку платил 4 алтына с деньгою».

4. Доклад о результатах сыска в Нижнем Новгороде (фрагменты)

«Федотко Иванов, рукавишник, старинной посадцкой человек, жил на посаде своим двором, от тягла называетца боярина князя Юрья Еншеевича Сулешева со 146 году.

А Федотко в роспросе сказал: исстари де он Нижегородцкого уезду уроженец; а жил де он в Нижнем и кормился де ямским работным промыслом лет с тридцать; а ныне де он живет в Нижнем на боярском дворе во дворниках боярина и князя Юрья Яншеевича Сулешева тому лет с восьм; а кормится руковишным промыслом; а в посаде де в Нижнем не живал и тягла не даывал; а имели де с него казачье (вид пошлины с наемного работника. — Т. К.), смотря по животом, алтын по 5-ти, и по 6-ти, и по 10-ти.

А выборные люди сказали, что тот Федотко старинной посадкой человек, сшол со 146 году. А обыскные люди, 636 человек, сказали про него, Федотка, что он в Нижнем на посаде и в тягле жил ли, или нет, того не ведают и ево не знают. А в податных книгах написано: Федотко Иванов рукавишник у Шараповых, с мортки. А в десятнях во 149-м году у Рождественской он же Федотко написан с полумортки. А в нижегородцких, в писцовых книгах 129-го и 130-го году его, Федотка, на посаде не написано.

[*Помета:*] Взять в посад по податным книгам, толко у боярина, у князя Юрья Яншеевича на нево никакие крепости нет».

«Васка Иванов, прозвище Ветчинка, посадкой человек, и в тягле написан, а от тягла называетца боярина Федора Ивановича Шереметева; и боярин Федор Иванович Шереметев отдал ево в посад, а ныне от тягла называетца боярина и князя Юрья Яншеевича Сулешева.

А Васка в роспросе сказал: старинной де он крестьянин боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева вотчины, Городецкого уезду села Порецкого; а ис Порецкого де он сшол в Нижней тому дватцать четыре годы; а пришед де в Нижней, жил на боярском дворе боярина Федора Ивановича Шереметева в дворниках годов з десять; и как де сведал боярин князь Юрья Яншевич Сулешев про него Васку, и по старине ево взял к себе, в дворники, и взяли по нем Васке поручную запись в прошлом во 146-м году, и велел ему жить в Нижнем на своем дворе в дворниках; и ныне де он живет в том дворе в дворниках по порушной записи; а тот де двор белой, в тягле не написан; а он де, Васка, в Нижнем на посаде с посадцкими людьми не живал, и в тягле не бывал, и тягла не даывал; а в прошлом де во 149-м году доправил на нем, Васке земской староста Миней Дементьев с промыслу 14 алтын насилством, и сажал де его на чеп, и он де не перетерпя деньги заплатил.

Да он же, Васка, показал поручную запись, какова по нем взята во дворничестве у боярина, у князя Юрья Яншеевича Сулешева, и с той ево записи взят список, за рукою в его Васиного место, а в списке написано: 146-го, марта в 11 день Васка Иванов сын Ветчинка поредился у боярина, у князя Юрья Яншеевича Сулешева в Нижней Новгород во двор во дворничество; а живучи во дворе никакова воровства не воровать и житниц стеречь, и никакие хитрости не чинить; в том он и запись дал.

А того в записи не написано, что он стариной боярина князя Юрья Яншеевича крестьянин.

А выборные люди сказали, что он, Васка, в Нижнем живет и всяким промыслом промышляет, и в тягле в посаде был; а сколько лет в тягле был, того не ведают. А обыскные люди, 636 человек сказали: на посаде в тягле он, Васка, жил ли или нет, того не ведают. А в нижегородцких, в писцовых книгах 129-го и 130-го году его, Васи, на посаде не написано.

[*Помета:*] Взять в посад».

«Ивашко да Левка Васильевы дети Моховиковы, посадские люди, и жили в тягле на посаде у зятя своего, у Григорья, плотника.

А Левка да Ивашка в роспросе сказали: родиною де старинные Нижне-ва Новгорода Кунавинские слободы жилцы каменшиковы дети; а с Куна-вина де оне перешли в Нижней, а живут на боярском дворе Лукьяна Степа-новича Стрешнева в дворниках тому семь лет; а в посаде они с посадскими людьми не живали и тягла не даывали; а написали ныне их земские выбор-ные люди в оклад в Кунавинской десятне, а того не ведают, в котором году, а в те поры сидел в земских старостах Иван Гладкой; да в том же де году взял с них Иван Гладкой и тягла 2 рубля, да в прошлом де, во 150-м году взяли с них тягла в земскую избу староста Степан Фифилов с товарищи два рубли.

А выборные люди сказали: что отец их был каменщик, а про них не ве-доют, на посаде в тягле были ли, или нет.

А обыскные люди, 636 человек, сказали про Левку да про Ивашка: на посаде в тягле жили ль, или нет, того не ведают. А в Кунавинской десятне 149-го году написано: Васильевы дети Моховиковы, Ивашка да Левка, с по-луторы мортки. А в нижегородцких, в писцовых книгах 129-го и 130-го году Ивашки да Левки на посаде не написано.

[*Помета:*] Взять ево в посад по податным книгам и по ево роспросным речем».

«Васка Курятник, был на посаде в тягле, а ныне живет на дворе у Степа-на Макарьева на дворе.

А Васка в роспросе сказал: родиною де он пешехонец, а жил де он в боярском дворе у Атабаса Власьева сына Аталыкова, а ис Пешехонья де сшел х Костроме, а с Костромы сшел в Нижней, тому лет з дватцать; и жи-вет де ныне на боярском дворе в дворниках у Степана Яковлева сына Ма-карьева Казанца, и сидит де он в Нижнем в наемной лавке за крупами, а наймует де он тое лавку у посадцково человека, у Василья Коваля, а найму де он ему, Василью, дает от тое лавки в год по сороку алтын, а на посаде де он в Нижнем с посадскими людьми не написан, и тягла не давал, а в ны-нешнем де во 150-м году взяли с него в земскую избу казачье, десять ал-тын.

А выборные люди сказали: тягло де он Васка тянет. А обыскные люди, 636 человек, сказали: на посаде он, Васка, жил ли в тягле, или нет, того не ведают. А в нижегородцких, в писцовых книгах 129-го и 130-го году его, Ва-ски, на посаде не написано.

[*Помета:*] Взять на посад, будет ево в писцовых книгах в дворникех на том дворе не написано».

«Марчко, да Вторушка, да Ондрюшка Васильевы дети Плотниковы, куз-нецы, старинные посадские люди, называютца дворники.

А Марчко да Ондрюшка Плотниковы в роспросе сказали: старинные де они бобыли князя Алексея Ивановича Воротынского, а третей де их брат, Вторушка, пошел на Низ в Астрахань, а жили де они в селе Кнеинине, а в Нижней пришли на боярский двор и по се время живут на князя Алексея Ивановича Воротынского в дворниках, а промышляют в Нижнем в кузне-

цах своим кузнешным мастерством, а купили де они ту кузницу у посадцкого человека, у Ивашки Сафонева да у Терешки Иванова, а в тягле с посадцкими людьми не бывали и тягла с посадцкими людьми и казачья не давали, а в десятне де они в малой в городской написаны за очи, а почему написаны, того не ведают. А в десятне де написаны в городской за очи.

А в обыску обыскные люди, 636 человек и нижегородцы выборные посадцкие люди сказали про них, что они на посаде жили ль, и в тягле были ль, того не ведают и их не знают. А в нижегородцких, в писцовых книгах на посаде их не написано.

[*Помета:*] Послатъ память об них в помесной приказ и четверть, в дворниках князя Олексея Ивановича и в вотчине его, где они сказали, написаны ль».

«В росписи ж написано: Гарасимко, замочник кузнец, живет на посаде блиско Дудина монастыря, называется Дудина монастыря закладчик.

А Гарасимко Данилов сын, кузнец замочник в роспросе сказал: родиною де он Москвитин, жил на Тверской улице. А отец ево был на сытном дворце в сторожах, а пришел он в Нижней с отцом своим после Московского разоренья тому лет с полтретьятцать и почал жить в Нижнем на Дудинском монастырьском подворье в дворниках; и отец де ево в Нижнем умер, а мать ево вышла замуж за прихожево человека, за Федора Старорушенина; а на монастырь де он, Гарасимко, за оброк делает всякое изделье, а кузница у него стоит на той же монастырской земле; а на посаде он не живал и с посадцкими людьми в тягле не бывал; а в писцове де книге написан вотчим ево Федка Старорушенин, а он, Гарасимко, в ту пору был не велик.

А выборные люди сказали, что они ево, Гарасимка, в рожей знают, промышляет на посаде, а в тягле был ли, или нет, и где живет, того не ведают. А обыскные люди, 636 человек, сказали: Гарасимко кузнец в посаде жил ли, и в тягле был ли, или нет, того они не ведают. А в писцовых книгах его в посаде не написано.

[*Помета:*] Будет на том монастырском дворе во дворникех в писцове книге не написан, и его взять в посад».

«Ивашка Алексеев сын Подунаев, в роспросе сказался: родиною де отец его Суздальского уезда, села Лежнева, а то село ныне за князем Петром Пожарским, и он в том селе и родился; а в Нижней де пришел тому осмой год, а в Нижней пришед, жил с братом своим, с Мишкою, на дворничестве у боярина, у князь Дмитрея Михайловича Пожарского, а ныне живет у шурина своего, у иноземца, у Ивана Дмитриева сына Гончарова тому 6-й год; а кормитца Ивашко ходит на Низ в ярыжных, а в Нижней в земскую избу тягла и казачья не даывал.

[*Помета:*] Взять Ивашка в посад в Нижней, потому что то село Лежнево было за боярином, за князем Иваном Борисовичем Черкасским, а не за боярином за князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, и то он солгал, и тем ево боярским именем пролыгаетца».

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

5.1. Общая характеристика

Источники личного происхождения — это наименование корпуса разнообразных по назначению, форме и содержанию, способам написания письменных источников. Объединяет эти материалы общая черта — они созданы с целью самовыражения, самосознания и самоутверждения автора. Ярко выраженное личностное начало во всех этих источниках отличает их от делопроизводственной, законодательной документации, актов, периодической печати.

Начиная работу с теми или иными письменными материалами личного происхождения важно правильно определить их вид, т. е. принадлежность к исторически сложившемуся комплексу письменных материалов, имеющих общие социальные функции. Понятие «вид», разработанное в современном источниковедении для классификации письменных материалов, созданных в прошлом и дошедших до нашего времени, дает представление о наиболее общих характеристиках отдельных представителей вида: об их изначальном назначении, содержании и форме. Понятие «вид» выявляет и конкретизирует некоторые другие свойства источника, проистекающие из его назначения, формы и содержания. Так, изложению информации об одном и том же событии может быть придана разная форма, например, частного письма. Однако в одном случае письмо может быть написано для конкретного лица и ему же отправлено, т. е. это будет собственно частное письмо. В другом случае письму о том же событии автор намеренно придаст форму частного письма, предназначенного для публикации на страницах периодического издания, и это будет жанр периодической печати. Безусловно, назначение этих писем будет разным, и в них содержательно могут быть акцентированы разные стороны одного и того же события. Об одном и том же событии автор может писать в разное время. Одну запись он может сделать в дневнике в тот же день, когда событие произошло. В другой раз он опишет его спустя много лет на страницах своих воспоминаний. В таких разных временных ситуациях событие будет зафиксировано с разной степенью подробности и точности, и, скорее всего, с различной авторской оценкой. Поэтому учет социальных функций, содержания и формы материалов частного происхождения представляется важным начальным этапом изучения личных писем, личных дневников и мемуаров.

цах своим кузнешным мастерством, а купили де они ту кузницу у посадцкого человека, у Ивашки Сафонева да у Терешки Иванова, а в тягле с посадцкими людьми не бывали и тягла с посадцкими людьми и казачья не давали, а в десятне де они в малой в городской написаны за очи, а почему написаны, того не ведают. А в десятне де написаны в городской за очи.

А в обыску обыскные люди, 636 человек и нижегородцы выборные посадцкие люди сказали про них, что они на посаде жили ль, и в тягле были ль, того не ведают и их не знают. А в нижегородских, в писцовых книгах на посаде их не написано.

[*Помета:*] Послать память об них в помесной приказ и четверть, в дворниках князя Олексея Ивановича и в вотчине его, где они сказали, написаны ль».

«В росписи ж написано: Гарасимко, замочник кузнец, живет на посаде блиско Дудина монастыря, называется Дудина монастыря закладчик.

А Гарасимко Данилов сын, кузнец замочник в роспросе сказал: родиною де он Москвитин, жил на Тверской улице. А отец ево был на сытном дворце в сторожах, а пришел он в Нижней с отцом своим после Московского разоренья тому лет с полтретьятцать и почал жить в Нижнем на Дудинском монастырском подворье в дворниках; и отец де ево в Нижнем умер, а мать ево вышла замуж за прихожево человека, за Федора Старорушенина; а на монастырь де он, Гарасимко, за оброк делает всякое изделие, а кузница у него стоит на той же монастырской земле; а на посаде он не жывал и с посадцкими людьми в тягле не бывал; а в писцове де книге написан вотчим ево Федка Старорушенин, а он, Гарасимко, в ту пору был не велик.

А выборные люди сказали, что они ево, Гарасимка, в рожей знают, промышляет на посаде, а в тягле был ли, или нет, и где живет, того не ведают. А обыскные люди, 636 человек, сказали: Гарасимко кузнец в посаде жил ли, и в тягле был ли, или нет, того они не ведают. А в писцовых книгах его в посаде не написано.

[*Помета:*] Будет на том монастырском дворе во дворниках в писцове книге не написан, и его взять в посад».

«Ивашка Алексеев сын Подунаев, в роспросе сказался: родиною де отец его Суздальского уезда, села Лежнева, а то село ныне за князем Петром Пожарским, и он в том селе и родился; а в Нижней де пришел тому осмой год, а в Нижней пришед, жил с братом своим, с Мишкою, на дворничестве у боярина, у князь Дмитрея Михайловича Пожарского, а ныне живет у шурина своего, у иноземца, у Ивана Дмитриева сына Гончарова тому 6-й год; а кормитца Ивашко ходит на Низ в ярыжных, а в Нижней в земскую избу тягла и казачья не даывал.

[*Помета:*] Взять Ивашка в посад в Нижней, потому что то село Лежнево было за боярином, за князем Иваном Борисовичем Черкасским, а не за боярином за князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, и то он солгал, и тем ево боярским именем пролыгаетца».

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

5.1. Общая характеристика

Источники личного происхождения — это наименование корпуса разнообразных по назначению, форме и содержанию, способам написания письменных источников. Объединяет эти материалы общая черта — они созданы с целью самовыражения, самосознания и самоутверждения автора. Ярко выраженное личностное начало во всех этих источниках отличает их от делопроизводственной, законодательной документации, актов, периодической печати.

Начиная работу с теми или иными письменными материалами личного происхождения важно правильно определить их вид, т. е. принадлежность к исторически сложившемуся комплексу письменных материалов, имеющих общие социальные функции. Понятие «вид», разработанное в современном источниковедении для классификации письменных материалов, созданных в прошлом и дошедших до нашего времени, дает представление о наиболее общих характеристиках отдельных представителей вида: об их изначальном назначении, содержании и форме. Понятие «вид» выявляет и конкретизирует некоторые другие свойства источника, проистекающие из его назначения, формы и содержания. Так, изложению информации об одном и том же событии может быть придана разная форма, например, частного письма. Однако в одном случае письмо может быть написано для конкретного лица и ему же отправлено, т. е. это будет собственно частное письмо. В другом случае письму о том же событии автор намеренно придаст форму частного письма, предназначенного для публикации на страницах периодического издания, и это будет жанр периодической печати. Безусловно, назначение этих писем будет разным, и в них содержательно могут быть акцентированы разные стороны одного и того же события. Об одном и том же событии автор может писать в разное время. Одну запись он может сделать в дневнике в тот же день, когда событие произошло. В другой раз он опишет его спустя много лет на страницах своих воспоминаний. В таких разных временных ситуациях событие будет зафиксировано с разной степенью подробности и точности, и, скорее всего, с различной авторской оценкой. Поэтому учет социальных функций, содержания и формы материалов частного происхождения представляется важным начальным этапом изучения личных писем, личных дневников и мемуаров.

Иногда видовая принадлежность письменного источника определяется сразу, иногда бывает неочевидной. Как же определить вид исторических источников личного происхождения?

Методологическим основанием для определения видовой принадлежности материалов личного происхождения являются некоторые положения теории коммуникации. Одно из них — основополагающее положение о том, что любое письменное или устное сообщение по своей природе является коммуникативным актом, т. е. он создается для общения и во время общения. Сообщение, таким образом, выступает посредником между его автором и его получателем, или адресатом. Активность корреспондентов в коммуникативном процессе проявляется в разной степени. Наиболее активным участником коммуникативного процесса является автор (или адресант). Он может написать письмо, воспоминания, сделать очередную запись в дневнике.

Рассматривая материалы личного происхождения с точки зрения участия корреспондентов в коммуникативном процессе, можно увидеть яркие особенности каждого из видов, составляющих данный комплекс.

Так, частные письма обеспечивают межличностное общение конкретных людей. Поддерживая письменные контакты, автор и адресат могут меняться ролями. Иначе говоря, автор, обращаясь к адресату, побуждает его к каким-либо действиям, в том числе и к тому, чтобы он вступил в переписку. Часто содержание письма определяется именно запросом конкретного адресата, а не только интересами автора. Такие целенаправленные контакты двух лиц могут быть многократными, и любой автор может состоять в переписке со многими корреспондентами.

Автор мемуаров также вступает в общение, но своего адресата он только подразумевает. Для него это некий потенциальный читатель, который непосредственно в ответной письменной коммуникации, как правило, не участвует. Автор допускает, что читателями воспоминаний могут быть его ближайшие родственники, а также потомки, которых автор себе только воображает. Цель автора мемуаров заключается в том, чтобы для будущих поколений оставить память о событиях того времени, когда он жил, память о себе, передать свой жизненный опыт и т. д. В этом плане показательным начало, например, воспоминаний Л. А. Травина, написанных им в 1806—1808 гг. В заглавии своего жизнеописания он указал адресата следующим образом: «Божием милосердием благодетельствованного Леонтия Автономова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, происшедшего в достоинство благородства бывшая с 1741 года в жизни его обстоятельства и приключения, для сведения и пользы собственно потомкам его, описанные самим им»¹. И такие предисловия

¹ *Леонтий Травин. Записки. Псков; сельцо Михайловское, 1998. С. 9.*

к воспоминаниям, где подразумевался неизвестный будущий читатель, оставляли многие авторы.

Личный дневник также имеет адресата — им является сам автор дневника. Для многих авторов личный дневник является не только средством накопления информации о событиях прожитого дня, но и средством самопознания. С помощью каждодневных записей человек ведет диалог с самим собой, стремясь понять себя и окружающих людей, вникнуть в смысл произошедших событий. Например, А. В. Марков-Виноградский (1820 — 1878) вел дневник в течение 36 лет, записывая в него «все занимательное из вычитанного, слышанного, виденного, промысленного, прочувствованного»¹.

У авторов частных писем и личных дневников обнаруживается одинаковая направленность в отборе информации для своих текстов: они внимательны к недавним событиям и фактически сразу после их совершения письменно фиксируют информацию о них. В письмах автор делится с адресатом информацией о событиях, которые совершились, как правило, недавно и которые все еще оказывают воздействие на автора. В дневники регулярно вносятся записи о событиях прожитого дня, впечатления о них, размышления о современности. Таким образом, запись о событии в письмах и личных дневниках, как правило, синхронна самому событию. Хотя, конечно, в частные письма и личные дневники могут вноситься воспоминания о каких-либо уже далеких временах и происшествиях.

Принципиальное отличие воспоминаний от частных писем и личных дневников состоит в том, что содержание мемуаров определяется, помимо особой адресатности и целевых установок автора, индивидуальными особенностями его долговременной памяти.

Необходимость разграничения материалов личного происхождения по видам можно продемонстрировать на примере текста, видовой принадлежность которого историками в разное время определялась по-разному, что в свою очередь влияло на оценку его информационной ценности и достоверности. Имеется в виду анонимный текст, который впервые был опубликован в 1824 г. в журнале «Отечественные записки» (№ 52 — 53). В редакции журнала ему дали название «Оборона крепости Яика от партии мятежников» и указали дату его создания, извлеченную из источника, — 15 мая 1774 г. В этом редакционном заголовке нет намека на видовую или жанровую принадлежность источника. В то же время заглавие точно отражало тему текста, в котором обстоятельно повествовалось об одном из важных эпизодов Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева — продолжавшейся с 30 декабря 1773 г. до 16 апреля 1774 г. осады пугачевцами гарнизона Яицкой крепости. В историографии этот текст

¹ Цит. по: *Марков-Виноградский А. В.* Отрывки из записок и журнала неизвестного человека // *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 465.

называли «воспоминаниями», «мемуарными записками», «статьей», «частным письмом».

Работая над темой о Крестьянской войне 1773—1775 гг., невозможно пройти мимо этого источника. Первым его охарактеризовал и использовал А. С. Пушкин в изданной в 1834 г. «Истории Пугачева». В примечаниях к 5-й главе поэт указал: «Следующие любопытные подробности взяты мною из весьма замечательной статьи («Оборона Яицкой крепости от партии мятежников»), напечатанной в «Отечественных записках» П. П. Свиньина. В некоторых показаниях следовал я журналу Симонова (т. е. официальному журналу Яицкой комендантской канцелярии, которую возглавлял подполковник Иван Дмитриевич Симонов. — Т. К.), предполагая более достоверности в официальном документе, нежели в воспоминаниях старика. Но вообще статья неизвестного очевидца носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной»¹.

Из приведенного замечания можно сделать несколько выводов об оценке А. С. Пушкиным источника. Во-первых, А. С. Пушкин отнес публикацию в «Отечественных записках» к материалам личного, а не официального происхождения. Во-вторых, с точки зрения достоверности А. С. Пушкин противопоставлял личные материалы и официальные документы, высказывая доверие официальным материалам. Последним А. С. Пушкин отдавал предпочтение и в других своих статьях, которые были посвящены изучению истории пугачевского движения. В-третьих, содержание публикации было определено А. С. Пушкиным как воспоминания, причем авторство их приписывалось неизвестному «старика». В-четвертых, А. С. Пушкин говорил о «драгоценной печати истины» (т. е. о стиле изложения) в «Обороне крепости Яика от партии мятежников», но не о самой истине в тексте, тем самым поддерживая свое мнение о невысокой степени достоверности источника из-за того, что автор создавал свои воспоминания на склоне лет.

Почему А. С. Пушкин отнес текст «Обороны крепости Яика от партии мятежников» к воспоминаниям? Для такого вывода у поэта были некоторые основания. Известно, что, хотя в пушкинской библиотеке имелся том «Отечественных записок» с публикацией «Обороны крепости Яика от партии мятежников», поэт работал не с этим печатным текстом, а со списком с него. Список также сохранился в библиотеке поэта. Однако в пушкинской копии по ошибке писаря была пропущена дата создания текста, что свидетельствует о том, что рукописный список не был сверен с оригиналом. Из-за отсутствия даты поэт посчитал, что текст был создан очевидцем событий, но спустя много десятилетий после них и незадолго до публикации. По-видимому, чуткий к слову автор «Истории Пугачева» уловил в жур-

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. 3-е изд. М., 1965. С. 320. Сн. 18.

нальном тексте совмещение, с одной стороны, языка XVIII в., а с другой — языка, современного поэту. Иначе говоря, А. С. Пушкин усмотрел в авторе «Обороны крепости Яика от партии мятежников» носителя некоторых языковых норм и ушедшего столетия, и двух первых десятилетий XIX в. Действительно, помещая текст в периодическом издании и желая сделать его понятным для читателей, редакция подвергла текст обработке. Она состояла в «подновлении» языка и стиля источника. Кроме того, были сокращены места, прежде всего те, где содержались замечания, указывавшие на участие автора в обороне Яицкой крепости. О характере обработки материала для журнальной публикации говорит текстологическое сравнение «Обороны крепости Яика от партии мятежников» с другим списком, обнаруженным в архиве Воронцовых и опубликованным в 1880 г.¹

Издатель второго списка, а им был известный археограф Петр Иванович Бартенев (1829—1912), ничего не сообщил о соотношении текста предыдущей публикации и нового списка. Он только отметил, что «Письмо это было известно А. С. Пушкину, и некоторыми подробностями он воспользовался в своей “Истории Пугачевского бунта”»². Также П. И. Бартенев не привел никакой информации о внешних особенностях Воронцовского списка. Но он дал тексту иное, чем журнал, название — «Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774 г.».

С П. И. Бартеневым следует согласиться в том, что данный источник является частным письмом. Оно построено в соответствии с формуляром эпистолярного текста, где имеются указания на место и дату его написания, а в начале послания и далее по ходу повествования автор обращался к своему адресату «милостивый государь». Концовка также соответствует этикетным эпистолярным оборотам, принятым в XVIII в.

Указанная в обеих публикациях дата — 15 мая 1774 г. — свидетельствует о том, что временной разрыв между снятием осады Яицкой крепости в середине апреля 1774 г. и написанием текста составил месяц. Автор привел подробности своей работы над письмом в течение этого месяца: письмо создавалось им не в один, а в несколько приемов. Автор сообщал: «Писал без черна с ежечасными по причине болезни моей перерывками, а переписать затем оставил, дабы лишнего тем промедления не учинить»³ Но этот период слишком

¹ См.: Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774 г. // Архив Воронцова. Т. 16. СПб., 1880. С. 470—512.

² Первое и все последующие дореволюционные издания сочинения А. С. Пушкина имели такое заглавие. Оно было дано императором Николаем I. Однако впоследствии издатели и исследователи вернулись к авторскому заглавию «История Пугачева». Поэтому это произведение имеет два названия.

³ Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774 г. // Архив Воронцова. Т. 16. СПб., 1880. С. 511—512.

мал для того, чтобы возникла необходимость привести в действие механизм долговременной памяти, требующийся для написания воспоминаний. Небольшой временной промежуток между снятием осы и окончанием работы над письмом говорит о том, что автор создавал не воспоминания или «мемуарные записки». Он описывал недавние события, свидетелем которых явился и под непосредственным впечатлением которых еще пребывал.

Таким образом, изучение «Частного письма из Яицкого городка, 15 мая 1774 г.» с точки зрения его назначения, формуляра и содержания, а также обстоятельств создания позволяет говорить о том, что этот текст не относится к мемуарам, а является эпистолярным источником. Конкретный пример определения видовой принадлежности «Частного письма из Яицкого городка, 15 мая 1774 г.» показывает также, что необходимо, если источник сохранился в нескольких вариантах, проследить происхождение каждого из вариантов, определить их соотношение и выбрать для исследования вариант, наиболее близкий к оригиналу (если оригинал не сохранился).

5.2. Методика изучения

5.2.1. Использование биографических данных

Во многих гуманитарных науках используется биографический метод, применение которого в каждой из них имеет свою специфику. Она проявляется в постановке задач исследования и способах обработки материала для решения этих задач. Например, в литературоведении биографический метод — это способ исследования, при котором биография и личность писателя рассматриваются как определяющие моменты его творчества: жизненный опыт писателя рассматривается как источник создания художественных образов и служит средством более глубокого их понимания. В психологии и педагогике биографический метод направлен на изучение и описание одной человеческой жизни, включая мир представлений и переживаний отдельной личности. В социологии биографический метод является методом изучения современности на основе обобщения материалов об индивидуальных судьбах людей. В исторической науке биографический метод помогает через призму индивидуальных судеб изучать ушедшую реальность.

Наблюдаемый во многих науках интерес к человеку как объекту исследований привел к формированию междисциплинарного направления, называемого «биографикой». В его рамках предлагается рассматривать «философские, методологические, историографические, филологические, источниковедческие, методологические про-

блемы изучения биографий»¹ Примечательно, что среди перечисленных проблем биографики выделяется биографическое источниковедение, которое «включает теорию и практику выявления, изучения и использования соответствующих исторических источников»².

Среди основных групп исторических источников, необходимых для изучения жизни того или иного исторического деятеля и написания его научной биографии, важное место, безусловно, занимают личные дневники, личные письма и воспоминания. Однако чтобы использовать сведения этих источников для написания научных биографий необходимо рассмотреть ряд общих источниковедческих вопросов, а именно: авторство, адресность, датировка, полнота и достоверность, раскрытие «темных» мест и т. д.

В историческом источниковедении биографические сведения, взятые из различных материалов личного происхождения, давно используются для того, чтобы ответить на вопросы, связанные, например, с авторством анонимных частных писем, личных дневников, воспоминаний. Содержание источника тщательно изучается с целью извлечь из него данные, которые можно связать с биографиями автора и людей, упоминаемых в текстах. Для атрибуции наиболее надежными являются упоминания возможного автора о себе в первом лице, а также его упоминания о взаимоотношениях с современниками. Иногда этого бывает достаточно, чтобы назвать имя пока что предполагаемого автора. На следующем этапе исследователь составляет другую совокупность биографических фактов, характеризующих тот или иной отрезок жизни предполагаемого автора. Эта совокупность формируется на основе разнообразных источников: мемуаров, личных писем, личных дневников, делопроизводства, актов, периодической печати и т. д. Целенаправленному поиску таких сведений может помочь анкета с вопросами, которые исследователь формулирует самостоятельно с учетом уже найденных в атрибутируемом тексте биографических сведений об авторе и его окружении. Вторая совокупность биографических фактов должна подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу об авторстве. Если обнаруживается пересечение найденных биографических данных в обеих совокупностях, с большой долей вероятности можно назвать автора анонимного текста.

Подобная методика, примененная Р. В. Овчинниковым для определения личности человека, перу которого принадлежало «Частное

¹ *Беленький И. Л.* Биография как культурно-историческая проблема и биографика // *Беленький И. Л.* Биографика в системе наук о человеке: становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения: указатель литературы. М., 1999. С. 213.

² *Петровская И. Ф.* Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801 — 1917 годов. СПб., 2003. С. 50.

письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774 г.», дала весьма убедительные результаты.

Для поиска имени автора были использованы автобиографические замечания в письме об осаде Яицкой крепости. В тексте письма можно обнаружить немало упоминаний автора о себе в первом лице. Так, он участвовал в ряде вылазок из осажденной Яицкой крепости для сбора информации о бунтующих. Об этих вылазках сообщал своему корреспонденту: «Для достоверности в захвате оных необходимая была надобность, чего ради пристойными командами и старались то учинить. С одною из таковых 26 декабря был и я отправлен...». Другой эпизод, когда автор упоминал себя, связан с еще одной вылазкой добровольцев за пределы осажденной крепости: «пока наконец сыскались из нашей 6-й команды три человека сотников, которые, презирая всю опасность, требовали дозволения из ретраншаментов их выпустить, чтоб самоближайший и наивреднейший дом руками зажечь». За это «храброе дело» комендант крепости И. Д. Симонов «наградил их по полуполтиннику, что чрез мои руки им персонально каждому и доставлено». Приведем из текста еще один автобиографический факт: «...и я верно могу донести, что, исключая здоровьем слабых, в нашей 6-й команде ни одного солдата нет...»¹.

Выявив и проанализировав эти и ряд других подобных замечаний, Р. В. Овчинников предположил, что письмо могло быть написано командиром 6-й легкой полевой команды. В период с октября 1773 г. до июля 1774 г. этим командиром был капитан Андрей Прохорович Крылов (1737 — 1777), отец будущего баснописца И. А. Крылова. Биографические сведения о А. П. Крылове, имеющиеся в других письменных источниках, убедительно подтвердили выдвинутую гипотезу. Его имя и действия, описанные в письме, упоминались в протоколах допросов Е. И. Пугачева и старшины яицких казаков-повстанцев А. П. Перфильева. Впоследствии о своем участии в обороне Яицкой крепости А. П. Крылов упоминал в прошении об отставке от военной службы по состоянию здоровья. О том, что А. П. Крылов находился в гарнизоне Яицкой крепости во время ее обороны, писала и его вдова в прошении на имя императрицы Екатерины II в 1777 г.

Поскольку Р. В. Овчинников определял авторство частного письма, у которого должен быть конкретный адресат, он попытался ответить на вопрос и о том, кто же им мог быть, поскольку в списках «Частного письма из Яицкого городка» имя его корреспондента отсутствует, как и имя автора. А. П. Крылов начинал свое послание с обращения «милостивый государь». Оно еще несколько раз встречается в письме по ходу описания осады. Так же, как при поиске автора, Р. В. Овчинников обратился к выявлению в письме биографиче-

¹ Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774 г. // Архив Воронцова. Т. 16. СПб., 1880. С. 470, 474, 494.

ских сведений об адресате. Однако таких сведений оказалось крайне мало: из текста письма он извлек только два бесспорных, с его точки зрения, факта. Первый факт — адресат носил общий титул «ваше высокоблагородие» (так его в одном месте письма титуловал А. П. Крылов). Историк раскрыл данный общий титул следующим образом: «это означает принадлежность адресата к чинам VI—VIII классов по Табели о рангах (от статского советника до коллежского асессора в статских чинах; от полковника до капитана — в воинских чинах)¹. Второй факт — корреспондент был знаком с А. П. Крыловым по Оренбургу, где последний служил с 1751 г. до 1772 г. Это знакомство установлено косвенно из того места в письме, где рассказано о взрыве колокольни в Яицкой крепости во время осады. В данном эпизоде А. П. Крылов описал колокольню и сравнил ее с оренбургской колокольней. Но относительно последней постройки каких-либо пояснений в тексте не дано. Из отсутствия описания оренбургской колокольни следует вывод о том, что адресату оно и не требовалось, поскольку он хорошо представлял себе ее архитектурные особенности. И об этом А. П. Крылов знал. Следовательно, автор письма и его корреспондент были знакомцами по Оренбургу.

Дополнительно к этим фактам источника Р. В. Овчинников высказал догадку о причине появления обстоятельного письма, охватывающего по содержанию весь период обороны Яицкой крепости. По его мнению, обстоятельное письмо А. П. Крылова стало ответом на запрос корреспондента, который специально занимался этой историей, и его интерес к теме был, по-видимому, продиктован научными целями. Как видим, историк использовал свое внеисточниковое знание об оренбуржцах — современниках А. П. Крылова, которые могли быть особо заинтересованы в подробной информации о событиях на Яике.

По мнению Р. В. Овчинникова, перечисленным требованиям отвечал член-корреспондент Петербургской Академии наук Петр Иванович Рычков (1712—1777). Он постоянно жил в Оренбурге с 1743 г. и в чине статского советника служил главным правителем Соляной конторы. Он находился в осажденном пугачевцами Оренбурге, а в апреле 1774 г., после освобождения города, приступил к созданию хроники борьбы правительственных войск с пугачевским движением под Оренбургом и других районах Оренбургской и Казанской губерний. Именно последним обстоятельством объясняется его просьба к знакомцу по Оренбургу — капитану Крылову — рассказать об осаде Яицкой крепости.

Называя П. А. Рычкова адресатом «Частного письма из Яицкого городка, 15 мая 1774 г.», Р. В. Овчинников все-таки осознавал, что имя

¹ *Овчинников Р. В.* В поисках автора «Весьма замечательной статьи» (Об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева») // *История СССР.* 1979. №. 4. С. 177.

адресата «окончательно пока что не установлено» из-за малочисленности сведений о нем¹.

Одной из особенностей материалов личного происхождения, в первую очередь частных писем и личных дневников, является частое упоминание отдельных лиц не полными их именами, а только инициалами. Такие сокращения необходимо, по возможности, расшифровывать. Положительные итоги расшифровки инициалов не только расширяют наше представление о конкретных лицах, входивших в круг общения автора, но иногда позволяют определить историю создания источника и установить его точность и достоверность.

Примером тому служит раскрытие инициалов «Е. К.» в дневнике писателя, поэта, журналиста, художественного критика Нестора Васильевича Кукольника (1809 — 1868). Эти инициалы встречаются в ряде его дневниковых записей за 1838 г. и 1840 г. и связаны с композитором Михаилом Ивановичем Глинкой (см.: 24 марта 1838 г.; 2 мая 1838 г.; 30 июня 1840 г.). Сразу после опубликования фрагментов из этого дневника некоторые исследователи стали расшифровывать инициалы как «Екатерина Керн». Эта женщина, как известно, оставила значительный след в жизни композитора. Другие исследователи были убеждены в том, что в дневниковых записях до 1839 г. речь идет о другой женщине. Аргументируя свою точку зрения, они ссылались на точно установленный факт из биографии и М. И. Глинки и Е. Е. Керн: их жизненные пути пересеклись 28 марта 1839 г. До этого времени в дневниковых записях Н. В. Кукольник должен был иметь в виду другую женщину, которой был увлечен композитор. Ею была воспитанница Театральной школы Каролина Генриетта Иосифовна Колтовская (Линочка), но ее сокращенное имя не подходило под инициалы, приведенные в дневнике.

Почему же ближайший друг композитора, посвященный в его сердечные дела, ошибочно приписал в своем дневнике инициалы Екатерины Ермолаевны Керн другой женщине? Ответ может быть следующим: в свои дневниковые записи 1830-х гг. Н. В. Кукольник вносил спустя много лет, внося в них добавления, но эти добавления делались по памяти, которая его и подвела. Более глубокое изучение подготовки публикации фрагментов из дневника, а также материалов, сохранившихся в личном архиве Н. В. Кукольника, позволило сделать вывод о том, что текст дневника изменял не только его автор. Подготавливая фрагменты из дневника для публикации, расширял и исправлял дневниковые записи племянник Н. В. Кукольника, наследовавший его личный архив после смерти дяди. Интересно отметить, что в архиве Н. В. Кукольника нет оригинала опубликованных записей, касающихся Глинки. Таким образом, исследователи лишены воз-

¹ Овчинников Р. В. В поисках автора «Весьма замечательной статьи» (Об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева») // История СССР. 1979. №. 4. С. 177.

возможности утвердительно говорить, что ряд дополнений в дневниковых записях действительно принадлежит перу Н. В. Кукольника. Эти и ряд других ошибок, касающихся личной жизни М. И. Глинки и его творчества, ставят под сомнение значение дневника Н. В. Кукольника как достоверного источника биографии композитора.

5.2.2. Почерковедческий анализ

Если исследователь убежден в том, что перед ним анонимный рукописный текст, воспроизведенный рукой самого автора, то иногда авторство можно доказать с помощью почерковедческого анализа. Он применим ко всем видам материалов личного происхождения: воспоминаниям, дневникам и письмам, а также к другим видам письменных источников, сохраняющихся в рукописном виде. Цель такого анализа — по почерку идентифицировать автора с человеком, имя которого нам известно и в почерке которого имеются аналогичные особенности в начертаниях букв, отдельных слов, какие выявлены в атрибутируемом тексте.

Для надежности результатов анализа необходимо: 1) выявить в почерке анонимного текста особенности начертания букв на фоне общих признаков письма того времени, к которому атрибутируемый текст относится; 2) опираясь на эти особенности, а также на разнообразные косвенные данные, извлеченные из содержания текста, выдвинуть предположение об авторе анализируемого источника; 3) разыскать дополнительный рукописный материал, возникший под пером вероятного автора; 4) учитывая, что со временем почерк меняется, дополнительный авторский материал должен датироваться примерно тем же временем, к которому относится атрибутируемый источник; 5) провести сопоставительный анализ почерков изучаемого текста и привлеченных рукописей.

Если индивидуальные особенности почерков анализируемого источника и всех дополнительных материалов, принадлежащих перу известного по имени лица и привлеченных к сопоставлению, совпадают, то можно говорить о завершении атрибуции. Вместе с тем полученный результат желательно проверить, обратившись к сравнению особенностей письма автора с почерками современников, входивших в круг его общения, и таким образом расширить круг сопоставительного материала. Последняя операция станет проверкой результатов атрибуции.

В то же время определение автора источника на основе почерковедческого анализа часто бывает невозможным. Ограничения связаны с тем, что не всегда удастся предположить автора из-за небольшого по объему атрибутируемого текста, не позволяющего обнаружить в почерке яркие индивидуальные черты, или из-за отсутствия достаточного объема сопоставительного материала.

При использовании почерковедческого анализа иногда делаются поспешные выводы об авторстве того или иного источника. Чаще всего ошибки возникают вследствие недостатка письменного материала, использованного для анализа. Приведем историю атрибуции одной из записок, адресованных поэту и переводчику Николаю Ивановичу Гнедичу (1784—1833). Небольшое послание было обнаружено сравнительно недавно и сразу приписано перу А. С. Пушкина. Его авторство было установлено на основе сопоставления, с одной стороны, почерка записки, а с другой — подписей в нескольких пушкинских автографах конца 1820-х — начала 1830-х гг. Однако в настоящее время эта атрибуция опровергнута. Ее пересмотр стал возможным после находки еще одного небольшого послания к Н. И. Гнедичу, автором которого без сомнения был директор Департамента духовных дел Александр Иванович Тургенев (1784—1845). Он был назван автором и первой записки к Н. И. Гнедичу. В ходе исследования сравнивались почерки обеих записок. Почерковедческий анализ показал, что они обе принадлежат перу одного человека — А. И. Тургенева.

Исследователи не отрицают некоторого сходства почерков А. С. Пушкина и А. И. Тургенева, но объясняют его тем, что письменные навыки у обоих формировались примерно в одно время, это были люди одного социального круга, приблизительно одного воспитания и образования, обучавшиеся письму на одинаковых стандартах.

Дополнением к почерковедческому анализу некоторых частных писем может быть анализ сфрагистического материала, поскольку подтверждающую силу подписи в письмах имела личная печать (печатка). Печатки в России являлись элементом дворянской эпистолярной культуры в XVIII и XIX вв. и были довольно широко распространены. Они ставились вместо подписи в самих текстах. Ими также запечатывали особым образом сложенные конверты, на которых писалось имя адресата, а печатка заменяла имя отправителя. А. С. Пушкин, например, имел несколько печаток. Они заменяли в его письмах собственноручную подпись. Например, такое письмо было написано 10 июля 1826 г. П. А. Вяземскому в селе Михайловское Псковской губернии, где поэт находился в ссылке: вместо пушкинской подписи в письме на правом поле имеется отпечаток небольшой печатки на красном сургуче.

При совпадении имени автора, установленного по почерку, и принадлежности этому лицу и печатки вероятность авторства заметно возрастает. Поскольку на печатающей плоскости многих печаток изображались гербы тех или других фамилий, то эти гербы могут помочь в поиске автора с помощью почерковедческого анализа. Однако, к сожалению, пока имеется крайне мало справочных материалов, содержащих описания личных печаток XVIII—XIX вв. Выявление, описание и приведение в известность этих элементов эпистолярных

источников — одна из прикладных задач отечественных сфрагистики и геральдики.

Вообще, чем больше сравнительного материала привлечет исследователь, тем надежнее будут результаты его атрибуции.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что материалы личного происхождения, также как и другие виды исторических источников, нуждаются в источниковедческом анализе. Выбор исследователем методики для анализа конкретного материала зависит от состояния источника и источниковедческой задачи.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Глинка М. Полное собрание сочинений. Т. 1: Литературные произведения и переписка. М., 1973; Т. 2(А): Литературные произведения и переписка. М., 1975; Т. 2(Б): Литературные произведения и переписка. М., 1977.

Емельян Пугачев на следствии: сб. документов и материалов / отв. исполнитель Р. В. Овчинников. М., 1997.

Из дневника Н. В. Кукольника. Новые материалы к биографии М. И. Глинки // Баян. СПб. 1888. № 2 — 16.

Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974.

Леонтий Травин. Записки. Псков; сельцо Михайловское, 1998.

Оборона крепости Яика от партии мятежников // Отечественные записки. СПб., 1824. № 52 — 53.

Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774 г. // Архив Воронцова. Т. 16. СПб., 1880.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. 3-е изд. М., 1965.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беленький И. Л. Биография как культурно-историческая проблема и биографика // *Беленький И. Л.* Биографика в системе наук о человеке: становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения: указ. лит. М., 1999.

Зверев Сергей. К истории стальной перчатки с именем А. С. Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 45. Сельцо Михайловское; Псков, 2007.

Кибальник С. А. Две записки А. И. Тургенева к Н. И. Гречу // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28. Л., 1986.

Круглова Т. А. Адресат письма А. П. Крылова об осаде Яицкой крепости (1774 г.) // Историческое обозрение. Вып. 14. М., 2013.

Овчинников Р. В. В поисках автора «Весьма замечательной статьи» (Об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева») // История СССР. 1979. №. 4.

Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801 — 1917 годов. СПб., 2003.

Старинкова Е. В. Пушкин и вопросы геральдики. Печатки Пушкина в собраниях Всероссийского музея А. С. Пушкина // Гербовед. М., 2004. № 78.

Штейнпресс Б. С. «Дневник» Кукольника как исторический источник биографии Глинки // М. И. Глинка: Исследования и материалы. Л.; М., 1950.

ЗАДАНИЯ

1. Сопоставьте сообщения разных источников, приведенных ниже, о поездке М. И. Глинки в Малороссию.
2. Установите, есть ли разночтения в описаниях приведенного эпизода из поездки Глинки.
3. Если такие разночтения будут обнаружены, опишите методику их выявления. Укажите, где они выявлены и объясните, почему могли возникнуть.
4. Какие из приведенных источников не вызывают сомнений и согласуются между собой?

Выписки из источников,
сообщающих о поездке М. И. Глинки в Малороссию в 1838 г.

Из «Дневника» Н. В. Кукольника

«24 марта 1838 г.

А. Ф. Львов¹ сказал мне сегодня, что Глинке предстоит весною командировка в Малороссийские губернии. Государю угодно поручить ему набрать в Малороссии из архиерейских певчих хороших дискантов для Придворной певческой капеллы. Скучно будет мне без Миши, но я не могу не порадоваться за него. Продолжительное путешествие рассеет его хандру и, хотя на время, исторгнет его из немилой ему среды, к тому же и отличие по службе. Миша, говорят, тоже очень рад бежать отсюда, несмотря на свою привязанность к Е. К. Он, впрочем, и сам мне говорил, что в Петербурге ему тошно и только не знает, как вырваться отсюда и куда ехать — домой или за границу. Теперь является благодивный предлог уехать, да еще и в Малороссию... Я и сам бы рад был поехать в Малороссию, да ба! Сенковский² с Плюшаром³ не пускают, да и газету («Художественная газета». — Т. К.) некому поручить.

¹ Львов Алексей Федорович (1798 — 1870) — скрипач, композитор, дирижер; в 1837 — 1861 гг. — директор Придворной певческой капеллы.

² Сенковский Осип Иванович (1800 — 1858) — ученый арабист и тюрколог, журналист, беллетрист и критик.

³ Плюшар Адольф Александрович (1806 — 1865) — издатель.

2 мая

Глинка не надул меня; пишет мне из Чернигова и бранит Малороссию. Милую мою Малороссию. Скучает и не хочет более писать оперу <...> и из-за чего? Из-за Гедеонова¹! Нет, это вздор — напишет... Это он так с тоска: нет с ним Е. К., вот и весь секрет. А она, кажется, вовсе не грустит об нем. Зато я грущу без него; беседа с ним мне необходимее, чем свидание с Е. К. публике; а то у нас — чуть с глаз долой, уже и забыли.

14 мая

Вот и обещанный романс. Сейчас доставим его *по назначению* (курс. в публикации. — Т. К.) и отрапортуем об исполнении поручения».

Письмо Михаила Ивановича Глинки Нестору Васильевичу Кукольнику

«Чернигов. Мая 26 дня 1838 г.

Я жестоко ошибся, полагая, что настоящее путешествие разгонит тоску мою, — мне никогда не было так грустно и скучно, как теперь. Малорос-сия, может быть, и хороша (в особенности для тех, кои не были в Ита-лии), — но мне с самого выезда в этот благословенный край (разрядка в публикации. — Т. К.), что-то нездоровится — нервы жестоко страдают, не знаю, от воды ли, воздуха, или неразлучной с трудным путешествием уста-лости.

До отправления моего в Малороссию я провел дней восемь дома, у ма-тушки, в полной радости — наше семейство многочисленно, но дружно. И эти восемь дней пролетели, к сожалению, слишком скоро. Здесь я один в самом сильном значении сего слова — не клепаю на товарищей, они до-брые ребята, но, к несчастью, я не могу разделять вполне их веселости, и грустное мое сердце оживает только в Петербурге.

В Новгороде Северском я не нашел ни одного голоса, а здесь несколько довольно хороших, коих на днях и везу к Тарновскому², но отличительных и важнеющих покамест нет. В свободное от хлопот по поручению время изучаю круг церковного пения, и если мое здоровье совсем не расстроится (а дело идет плохо), то по приезде в столицу надеюсь быть д о к о й (разр. в публикации. — Т. К.) и по этой части. Что же касается до музыки вообще, и в особенности Руслана, то знай, что голова моя заросла и заглохла, и я про музыку знать не хочу, так допросил меня Гедеонов и великий пост.

В скором времени ты получишь романс, слова Корсака³, — он некра-сив, но хороши и ясно выражают дело. Ты его доставишь по принадлеж-ности. Вместе с сим сообщи, что я все там же (разрядка в публикации. — Т. К.). Если вздумаешь его печатать, то переложь его в C-dur (т. е. в тональ-ность до мажор. — Т. К.) для сопрано. Но лучше до меня не печатать.

¹ Гедеонов Александр Михайлович (1790 — 1867) — с 1833 г. директор Петер-бургских императорских театров.

² Тарновский Григорий Степанович (1790? — 1854), малороссийский помещик, владелец усадьбы Качановка, где во время командировки останавливался М. И. Глинка.

³ Римский-Корсак Александр Яковлевич, поэт; в 1818 — 1823 гг. товарищ М. И. Глинки по Благородному пансиону.

Пиши ко мне о себе, о всех и о всем, я еще могу получить ответ на это письмо, потому что прежде начала августа нельзя мне будет отправиться, хотя того и желал бы. Отроду не было так трудно и грустно, но что же делать, судьбу не переломишь. Для меня отраднo думать, что есть существо, которое вполне меня понимает, и что Нестор не изменит данному слову.

Твой Michel.

Брату и всем усерднейший поклон.

Его высокоблагородию милостивому государю Нестору Васильевичу Кукольнику.

В Фонарном переулке, в доме Плюшара, бывшем Шлотгауера (разрядка в публикации. — Т. К.) в С. Петербурге».

Рапорт Михаила Ивановича Глинки

«Его Высокоблагородию

В должности директора Придворной певческой капеллы
Флигель-адъютанту Полковнику и Кавалеру Алексею
Федоровичу Львову Капельмейстера Придворной
певческой капеллы Михайла Глинки

Рапорт

В следствие предписания, данного мне от 19 апреля сего 1838 года за № 81, я прибыл 23 сего мая в город Чернигов, где и нашел [до] 5-ти мальчиков, 2-х дишкантов и 3-х альтов. Все нужные о них свидетельства мной взяты, а также докторское, кроме свидетельства о кори, ибо сего обстоятельства по наружным признакам определить нельзя, дети сами не помнят: была ли на них корь или нет, а положиться на слова родителей невозможно как потому, что большей части родителей на месте нет, так и потому, что многие из них умышленно изобретают препятствия к принятию детей, не желая расстаться с ними. Пред отъездом в С. Петербург я прикажу еще раз всех избранных мною хорошо освидетельствовать доктору того места, откуда буду отправляться. Сверх того, здесь же найден мною весьма хороший бас, достойный быть помещенным в наш хор, но я не взял его с собою, потому что он родом из казаков. О нем по возвращении в С. Петербург лично буду иметь честь подробнее донести Вашему Высокоблагородию.

В проезд мой сюда я посетил город Новгород-Северск, но в оном голо-сов, достойных к принятию не оказалось, о чем и донести честь имею.

Титулярный Советник Михайла Глинка.

1838 года

26 мая

Г. Чернигов».

Фрагмент из «Записок» Михаила Ивановича Глинки, созданных
в период с 1852 г. до марта 1855 г.

«В 1838 году, на масляной неделе, по недоразумению я поссорился с Гедеоновым и прекратил уроки в школе. Тогда же для милой ученицы моей

написал романс — “Сомнение” для контральта, арфы и скрипки; слова Н. Кукольника.

В конце апреля 1838 года я был послан по высочайшему повелению в Малороссию для набора певчих (в эту командировку М. И. Глинка выехал из Петербурга 28 апреля 1838 г. — *Т. К.*). Заехав в Смоленскую губернию на самое короткое время (Глинка пробыл в Новоспасском с 6 по 13 мая 1838 г. — *Т. К.*), я встретил там Римского-Корсака, он по моей просьбе написал мне романс:

Всегда, везде со мною ты
Сопутницей моей незримой.

Этот романс написал я 20 или 21 мая того же 1838 в Новгороде-Северском и послал его в письме к Нестору Кукольнику для доставления бывшей ученице моей, о которой сохранил еще живое воспоминание. К этой музыке подобраны впоследствии слова Пушкина “В крови горит”».

5. Сопоставьте ниже помещенные сообщения о репетиции оперы И. М. Глинки «Иван Сусанин», взятые из разных источников.

6. Есть ли разночтения в повествованиях об этом событии?

7. Если обнаружите разночтения, то опишите методику их выявления и объясните, почему они могли возникнуть.

Материалы о проведении репетиции оперы М. И. Глинки
«Иван Сусанин» у Мих. Ю. Виельгорского

Фрагмент из письма М. И. Глинки к композитору А. С. Даргомыжскому
5 марта 1836 г.

«Четверг 5 марта

Мне чрезвычайно прискорбно знать, что ты все еще хвораешь, любезный Александр Сергеевич, и, что того не лучше, лечишься. Несмотря на опасение твоего декохта, я бы немедля поспешил к тебе, но боль на пятке не допускает меня выходить из дому, и я должен сидеть, а еще более лежать. Граф Вельгорский¹ сильно хлопочет о пробе моей оперы («Иван Сусанин». — *Т. К.*), и она назначена на вторник будущей недели. Надеешься ли ты быть в состоянии на ней присутствовать? <...>

Весь твой М. Глинка.

<...>

Запись из личного дневника Н. В. Кукольника

«25 марта 1836 г.

Ужасно прискорбно! Я был задержан издательскими делами с Блюшаром (т.е. Плюшаром. — *Т. К.*) и с Смирдиным² до самого вечера и не мог быть сегодня у Виельгорского на первой (частной) репетиции I акта “Сусанина” После репетиции Миша с Петровыми (знакомые певцы. — *Т. К.*) приехал ко мне. Он немного сердится на меня, немного обижен моим от-

¹ Виельгорский Михаил Юрьевич, граф (1788 — 1856), композитор, музыкально-общественный деятель.

² Смирдин Александр Филиппович (1795-1857) — издатель, книгопродавец.

сутствием, но счастлив и радостен. Рассказывали, что эффект был удивительный, все были поражены красотой музыки, а Миша плакал от восторга и счастья. Верю и сам чуть не плачу, лишившись такого наслаждения из-за презренных дел. Оркестр и хоры были сборные, но все-таки вышло превосходно. Милый Миша! Я счастлив с тобою и за тебя и никогда не прошу себе, что не был свидетелем твоего первого торжества!».

Из «Записок» М. И. Глинки

«В марте 1836 г. граф Вельгорский устроил у себя репетицию первого акта оперы («Иван Сусанин». — Т. К.); пели партии артисты, а хоры не помню какие именно певчие, только не придворные. На этой репетиции был Гедеонов, была также и матушка. Репетиция была очень удовлетворительна; граф Вельгорский сделал мне два дельных замечания. <...>»

Запись устного рассказа А. Д. Комовского, служившего у графа Мих. Ю. Виельгорского библиотекарем

«Граф Михаил Юрьевич Виельгорский, как известно, был художник-любитель, музыкант и виртуоз. Он играл роль мецената и своим влиянием в обществе и связями при дворе мог сделать многое. Поэтому нет ничего удивительного, если художники, артисты и музыканты теснились вокруг него и искали его покровительства. М. И. Глинка не избег общей участи. Окончив первую свою оперу «Иван Сусанин» (переименованную потом в «Жизнь за царя»), 28-го февраля 1836 года он явился к Михаилу Юрьевичу и просил его ходатайства о постановке пьесы на сцене Большого театра. Граф обещал ему всяческое содействие и просил его захватить к нему через несколько времени.

Живой, нервный Глинка не особенно остался доволен приемом графа. Но слава его как композитора еще не стояла высоко, и поэтому нужно было дорожить расположением вельможи. 10-го марта в залах графа Виельгорского состоялась первая репетиция оперы. Оркестр был хотя и не полный, но его составляли театральные музыканты. Хоры исполняли придворные певчие, трио и дуэты пропели артисты. Дирижировал оркестром сам Глинка. Музыканты недостаточно разучили партитуру, а потому первое исполнение увертюры вышло неудачно. Пришлось сыграть второй раз. Хоры вышли лучше. Артисты исполнили прекрасно. Глинка суетился, бил такт и морщился. Его разгоревшееся лицо и блестящие глаза выдавали внутреннее волнение. Но когда пьеса была окончена и зал огласился дружными рукоплесканиями, он просиял: всеобщие поздравления, одобрения и рукопожатия победили неуверенность и недовольство, композитор развеселился и благодарил от души всех посетителей.

— Это *chef d'œuvre*, — говорил граф. После «Фенеллы» и «Роберта» страшно сочинять оперы. Кто посмеет поставить на суд публики свое сочинение, когда она избалована «Немой из Портичи» и «Дьяволом» Опера же Глинки замечательна своею оригинальностью».

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

6.1. Общая характеристика

Совокупность печатных изданий, предназначенных для распространения в обществе информации, называется *периодической печатью*. В этом наименовании отражаются две общие черты разнообразных по содержанию и форме изданий. Во-первых, одно из значений существительного «печать» — «процесс изготовления текста, рисунков и т. д. типографским способом». Именно типографский способ, помогая тиражировать одно и то же издание в необходимом количестве экземпляров, создает условия для массового распространения информации. Во-вторых, определение «периодический» означает «выходящий из печати через определенные промежутки времени». Иными словами, каждое из печатных изданий выходит в свет с определенной периодичностью: ежедневно, еженедельно, ежемесячно и т. д. Исторически сложилось два главных типа периодических изданий: газета и журнал. Периодическая печать изначально выполняла информативную функцию, но по мере развития общественных запросов она, сохраняя информативную функцию, приобретала и другие: просветительную, воспитательную и т. д.

Периодическая печать в силу своей многофункциональности и обширности тематики относится к одним из сложных исторических источников, которые требуют разнообразных подходов и методов для своего изучения.

История отечественной периодической печати отсчитывается от выхода в свет газеты «Ведомости» (1702 — 1727 гг.). Ее появление отвечало назревшим потребностям государства и общества. По мере дальнейшего углубления и расширения государственных и общественных запросов количество периодических изданий возрастало. В XVIII в. их численность достигла 119 изданий, а в 1859 г. выходило уже 220 изданий¹. Вместе с увеличением количества изданий шел процесс их специализации и дифференциации по различным признакам: социально-политическому, тематическому, отраслевому, читательскому адресу.

¹ См.: Дергачева Л. Д. К вопросу об источниковедческом изучении дореволюционной журналистики России // Дергачева Л. Д. Очерки источниковедения отечественной периодической печати XVIII — XX вв. М., 2012. С. 36. В литературе встречаются и другие цифры. Разночтения объясняются, скорее всего, разными подходами исследователей к формированию совокупности изданий.

Инициатором создания первой русской газеты «Ведомости» был царь Петр I. Ему газета была необходима для того, чтобы оперативно освещать с официальных позиций текущие внешнеполитические и внутривнутриполитические события, в актуальности и важности которых государство как издатель не сомневалось. Таким образом, газета выполняла информативную функцию. Официальный характер как первого, так и позднейших газетных изданий подчеркивался и формой информации в виде различных официальных документов, например, указов, реляций, деловых писем, а также специфических газетных жанров: информационных сообщений, объявлений, заметок. Монополию на издание газет государство удерживало долгое время, и только в 1810-х гг. в некоторых городах Российской империи стали появляться первые частные газеты. Однако и они находились под контролем центральных и местных органов управления.

Традиционным подходом к изучению русской периодики является *библиографический* подход. Он связан с поиском всех номеров периодического издания и точным описанием каждого номера и издания в целом. *Историко-литературный* подход предусматривает восстановление обстоятельств появления и закрытия издания, установление точного времени его существования, имен издателей, редакторов, авторов, а также характеристику состава печатавшихся в нем материалов: их тематику, жанры и общественно-политическую направленность. Указанные подходы предполагают изучение окончательного варианта материалов, помещенных в печатном издании и предназначенных для читателей.

Вместе с тем увидевший свет номер какого-либо периодического издания в прошлом, как, впрочем, и ныне, является результатом поэтапной работы многих людей: автора, редактора, цензора, типографа и т.д. В связи с этим возникает вопрос о том, существует ли отличие между первоначальным авторским текстом, поступившим для опубликования, и окончательным текстом, подготовленным для публичного ознакомления с ним. Это один из источниковедческих вопросов, входящий в совокупность других вопросов о происхождении опубликованного текста. Таким образом, *источниковедческий подход*, с одной стороны, расширяет проблематику исследований периодической печати, а с другой — ставит задачу поиска дополнительных источников для изучения организации работы с исходными материалами в процессе подготовки номера, подразумевая комплексное исследование периодических изданий и исторических источников иных видов.

Конечно, источниковедческий анализ периодического издания тесно связан с библиографическим и историко-литературным подходами изучения периодической печати. Они помогают источниковеду отобрать издания для собственного исследования, в результате которого можно более объективно подойти к оценке издания в целом и отдельных его публикаций, раскрыть специфику периодических

изданий того или иного периода в отражении исторической действительности.

Источниковедческий анализ периодической печати обогатит наше знание о происхождении того или иного издания, если исследователю удастся обнаружить достаточный объем материала, с помощью которого восстанавливается процесс подготовки номеров издания. Подобные материалы должны были бы сохраняться в архивах редакций, но, к сожалению, делопроизводство редакций многих периодических изданий XVIII — первой половины XIX в., особенно частных, утрачено. В личных архивах лиц, участвовавших в издании той или иной газеты или журнала, обнаруживаются только отдельные документы, связанные с деятельностью редакций.

Исключение можно сделать, пожалуй, для ряда официальных изданий, т. е. таких изданий, учредителем и издателем которых было государство. Уже в начале XVIII в. в штате некоторых государственных учреждений имелись сотрудники, которые занимались подготовкой материалов к опубликованию в газетах. В результате их деятельности возникало делопроизводство общего и специального характера. Ныне полностью или частично оно сохраняется в архивах государственных учреждений, причастных к изданию того или иного печатного органа. Делопроизводство позволяет восстановить роль сотрудников разных учреждений в подготовке печатного издания, установить источники поступления информации для периодического органа, выявить характер обработки исходного материала, что в свою очередь раскрывает истинные цели, преследуемые издателем, функции издаваемого периодического издания и т. д.

Журнал как тип периодической печати стал быстро распространяться в России с середины XVIII в. Первый русский журнал возник из приложений к газете «Санкт-Петербургские ведомости». В этих приложениях давались различные примечания к газетным материалам. Постепенно связь между газетой и ее приложением ослабевала, и приложение стало восприниматься читателями как самостоятельный тип издания, предназначенный для распространения научных, литературных, политических и других знаний. Таким образом, журналы изначально выполняли просветительскую функцию.

В XVIII — первой половине XIX в. журналы освещали бóльший спектр жизненных сфер, чем газеты того же времени. Это объясняется отчасти запросами издателей, которые были более или менее свободны в выборе специализированного профиля своего издания. В поле интересов издателей попадали литература, наука, педагогика, экономика, искусство и т. д. Любой журнал в большей или меньшей степени выявляет личностные характеристики его издателя или авторов, поскольку на страницах журнала, в отличие от официальных газет, издатели и авторы могли аллегорично или прямо высказывать

Заметим, что практика подготовки компилятивных обзоров зарубежных газет сложилась еще в XVII в. для рукописных вестей-курантов.

Сведения вестей-курантов предназначались исключительно для государственных нужд. Подавляющая часть переведенных статей из периодической печати многих европейских стран имела политический характер. Власти нуждались в подобных статьях для формирования внешнеполитического курса Русского государства. В XVIII в. обзоры, имевшие политические цели, продолжали составляться: они должны были явить картину того, как Россия выглядит в глазах европейского читателя. Если что-то вызывало недовольство, то требовалась реакция на выпады зарубежной прессы. Таким образом, обзоры служили вспомогательным материалом для решения внешнеполитических вопросов.

Следующий этап подготовки печатного номера «Ведомостей» осуществлялся в типографии, куда из Посольского приказа поступала рукописная тетрадь с материалом, отобранным для будущего номера газеты. На этом этапе рукописный оригинал «Ведомостей» дополнялся русскими известиями. Они направлялись в типографию из других органов государственного аппарата и управления, минуя Посольский приказ. В типографии присланные русские материалы вклеивались в тетрадь с обзорами иностранной прессы. Сотрудники типографии иногда участвовали в отборе иностранных известий для опубликования. Об этом говорят пометы, сопровождающие иностранные и русские известия на страницах рукописной тетради.

Одним из приемов изучения «Ведомостей» как периодического издания является изучение помет в каждом рукописном номере газеты. Этот анализ позволяет получить факты, важные для характеристики и оценки этого исторического источника.

Так, некоторые особые пометы напротив статей, входивших в обзоры иностранной прессы, подтверждают практику отбора материала для печатания в типографии. Назначение помет в виде киноварного креста рядом с каким-либо иностранным сообщением раскрывают словесные замечания, примерно такого рода: «Которые статьи отмечены, те и писаны в тиснения, а которые не откращены, те статьи не печатать»¹. С таким же значением встречаются на полях две буквы: «д» (т.е. делать), «н» (т.е. не делать).

Другого рода пометы позволяют обнаружить материалы, не попавшие на страницы печатного издания. Например, в рукописном оригинальном варианте «Ведомостей» за 19 февраля 1703 г. помечено на поле листа «Быть ли сему». Помета сделана напротив такого сообщения: «На воеводу новгородского великая немилость его цар-

¹ Материалы и оригиналы «Ведомостей». 1702 — 1727 гг. / описал Валерий Погорелов. Вып. 4. М., 1903. С. 8.

ского величества для того что он в Ингерманлондской земли зело много убытку учинил»¹.

Напротив ряда статей, взятых в скобки и зачеркнутых, на поле имеются приписки: «Сей статьи не печатать». К примеру, такую не вышедшую в свет статью мы видим в рукописном оригинале «Ведомостей» от 24 августа 1704 г. Вот ее текст: «Из Амбурка июля в 24 день. Против рижской ведомости напечатано, будто адмирал Нуммерс 20 русских ладей разорил и торговой корабль взял, в нем ж было мушкетов, пороху и иных заповедных товаров, и хотел к Шлотбургу плыти»². Это известие о потерях русского флота взято из гамбургской газеты, которая в свою очередь его позаимствовала из «рижской ведомости». По-видимому, сообщение было решено изъять из русской газеты из-за его негативного для России содержания. Вообще негативные известия о России в «Ведомостях» не печатались. Вот еще один пример подобного изъятия. В скобки была взята следующая статья: «[Ген. Крониорт] и со одним подъездом счастливый бой имел против Москвы и на переправе одной королевской, Сиссербек нареченной, сильного войска московского побил». Напротив этого текста приписано: «Сии статьи меж скобок в народ не печатать»³.

Таким образом, анализ приписок в рукописном оригинале «Ведомостей» позволяет придти к выводу о тщательном отборе информации для читателей не только в Посольском приказе, но и в типографии, где у ее сотрудников могли возникнуть сомнения относительно целесообразности печатать «в народ» то или иное сообщение.

Еще одно направление изучения рукописных оригиналов и печатных «Ведомостей» — их сравнение по составу и изложению. На этом этапе изучения выявляется, например, тот факт, что отдельные номера были подготовлены в рукописном виде, но в печати они не появились. Кроме того, со всей очевидностью обнаруживается, что рукописные оригиналы и печатные «Ведомости» не тождественны по составу известий: более полными вариантами газетного номера, чем печатные «Ведомости», являются некоторые номера рукописных оригиналов.

В целом петровские «Ведомости» были сугубо официальным изданием, функция которого состояла в информировании читателей о событиях, которые сама власть отбирала для того, чтобы повлиять на мнение большинства читателей относительно этих событий. Следует подчеркнуть, что материалы поступали в типографию в окончательно подготовленном для печати виде, поэтому изменения в текстах сообщений не допускались. В ходе подготовки номера в типографии сильно сокращались только заголовки переводов, поступав-

¹ Материалы и оригиналы «Ведомостей». 1702 — 1727 гг. / описал Валерий Погорелов. Вып. 4. М., 1903. С. 7.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

ших из Посольского приказа, а само слово «перевод» заменялось на «ведомости», например:

«Перевод с немецких печатных курантов присланных в государственной посольской приказ чрез почту в нынешнем 1706-м году февраля в 2 день»¹.

«2. Ведомости, присланные чрез почту февраля во 2 день»².

О недопустимости каких-либо исправлений свидетельствует замечание переводчика Коллегии иностранных дел Бориса Волкова в рукописном оригинале одного из номеров «Ведомостей» за 1722 г.: «Ежели что возомнится вам не вразумительно быть, то извольте, господа корректоры, приказать со мною справиться, а сами не извольте ни чернить, ни прибавлять, о чем уже присмотрено в первых ведомостях, а в С. П. б. за то великие шумы были со штатскантор коллегиею и с нашею»³ В рукописных оригиналах «Ведомостей» Волков оставил много других записей, раскрывающих понимание современником, причастным к созданию газеты, ее существа. Главными свойствами газеты являлись, на его взгляд, регулярность выхода номеров и оперативность в предоставлении читателям «последних» по времени известий. Волков, например, высказал такое мнение о понятии «новость», составляющем существо газеты: «и мнится, что 5 или 6 или больше ведомостей в одной печати не понравятся и не почтутся за новости, но за какие-либо мемории ради гисториков»⁴.

Как видим, комплексное изучение «Ведомостей» и делопроизводственной документации позволяет выявить основные приемы формирования этого периодического издания, впоследствии примененные в процессе создания других периодических изданий XVIII в.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Ведомости времени Петра Великого: в память 200-летия первой русской газеты. Вып. 1 — 2. М., 1903.

Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702 — 1727 гг. / описал Валерий Погорелов. Вып. 4. М., 1903.

Московские ведомости 1756 — 1917 гг. / ред.-сост. Б. И. Есин, О. Д. Минаява. Ч. 1 — 2. М., 2008.

¹ Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702 — 1727 гг. / описал Валерий Погорелов. Вып. 4. М., 1903. С. 27 (рукописный оригинал «Ведомостей» № 2, опубли. 8 февраля 1706 г.).

² Ведомости времени Петра Великого: в память 200-летия первой русской газеты. Вып. 1. М., 1903. С. 39 (печатный оригинал «Ведомостей» № 2, опубли. 8 февраля 1706 г.).

³ Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702 — 1727 гг. / описал Валерий Погорелов. Вып. 4. М., 1903. С. 60. См. также с. 55.

⁴ Там же.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дергачева Л. Д. К вопросу об источниковедческом изучении дореволюционной журналистики России // *Дергачева Л. Д.* Очерки источниковедения отечественной периодической печати XVIII—XX вв. М., 2012.

Карпова И. Л. Русские газеты XVIII века в историко-книговедческих и источниковедческих исследованиях (на примере «Московских ведомостей» 1756—1800 гг.) // *Известия высших учебных заведений: Проблемы полиграфии и издательского дела.* М., 2006.

Майер И., Шамин С. М. Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // *Российская история.* 2011. №5. С. 91—112.

Морозова Т. Ю. Организация сбора и обработки оригинальной информации в русских газетах XVIII в. (на примере издания «Санктпетербургских ведомостей») // *Россия в XVIII столетии.* Вып. 1. М., 2002. С. 24—37.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011.

ЗАДАНИЯ

1. Познакомьтесь с системой периодической печати XVIII — половины XIX в. по учебному пособию А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории».
2. Приведенные ниже письма были напечатаны в Санкт-Петербургской газете «Северная пчела» в 1838 г. Первое письмо было помещено в разделе «Смесь» в № 106 за 13 мая, второе — в разделе «Смесь» в № 116 за 26 мая. Выскажите свое мнение о происхождении этих посланий: они были частными письмами или изначально предназначались для публикации в газете? Аргументируйте свой ответ. Почему эти письма были опубликованы в газете? Какую функцию, с точки зрения издателей, могли выполнить публикации писем? Какую цель преследовал каждый из авторов? Что общего можно отметить в этих письмах как жанрах периодической печати и чем они отличаются?

I.

«Письмо к издателю Г[речу] из Киева, от 23-го апреля.

Несмотря на все заботы и рассеянности столичной жизни, на все труды, которыми так полно ваше время, вы, верно, не позабыли того удовольствия, которое вам доставил наш многолетний Киев, когда в прошедшем году принял в спокойное свое лоно вас, путника из страны чужой и далекой, согрел ваше русское сердце приветами русскими, освежил своим простором и чистым нагорным воздухом и оживил в душе вашей столько приятных воспоминаний.

Киев вам родной, и за то и принял вас как родного, обнажил пред вами свои почтенные седины, свидетели первых лет того могучего богатыря, которого колыбель качалась на сих священных высотах, под говор волн Днепра и шум дубрав прибрежных, и который, перекрестясь, стал крепко на ноги, захватил в свои объятия полмира и назвался Царством Русским. Старик показал вам в живой радости, как этот богатырь мудрой волею своего царственного первенца обновляет колыбель свою: вы видели, как возникает прекрасный город, как жидется громоносная твердыня, как просвещение, залог будущего благоденствия Червонной Руси, волею Монарха, утверждается там, откуда возникло солнце Веры, первая причина и основание всяких знаний. Не будет ли любопытно вам и теперь знать, что делается в древней столице Руси?

После холодной снежной зимы, которая исчезла у нас почти мгновенно, весна приласкала нас своим очаровательным посещением; за то и мы встретили ее какжданную гостью, приветами шумной радости. Еще Великим постом, когда мы постились и говели, дивясь необычайному разлитию нашего Днепра, поднявшегося теперь, противу обыкновенного, на пять аршин и покрывающего все то пространство, которым вы любовались с нашего *треугольника* (курс. в печатном тексте. — Т. К.) поговаривали у нас о балах и удовольствиях, которыми собираются встретить праздник. Наши дамы готовились, наряды шились и переделывались, и, наконец, блеснули прелестным букетом на великолепном, роскошном бале корпусного командира, генерал-адъютанта Ридигера. Но вот настало 21-е число — день тезоименитства Государыни Императрицы: после обычного, торжественного богослужения, совершенного преосвященным Иннокентием, при несметном стечении народа всех состояний, возносившего теплые молитвы о здравии венценосной именинницы и всего царственного дома, был у военного губернатора большой обед для военных и гражданских чиновников, а ввечеру предводители дворянства Киевской губернии, съехавшиеся в Киев для раскладки земских повинностей, воспользовались радостным целой России праздником и дали великолепный бал для всех жителей Киева. Собрание было чрезвычайно многолюдное. Наши дамы, из которых некоторые не уступают красотою, как вы сами знаете, и вашим петербургским красавицам, в этот день отличились особенно своими костюмами и своею любезностию, и продолжили бал за три часа по полуночи. Прекрасный ужин заключал танцы: задравные тосты Высокой виновнице праздника и обожаемому Монарху, питые за обедом, продолжались и здесь. Радость и удовольствие сияли на всех лицах; народ, вызванный на улицы теплым летним вечером и богатою иллюминациею, любовался прекрасным балом до самого разъезда.

Хозяин бала губернский предводитель граф Тышкевич и хозяйка генерал-майорша Трошинская еще более придавали удовольствия гостям своею очаровательною приветливостию, и общее чистосердечное “благодарим” слилось с шумом разъезда.

Вот как мы встретили весну, которая нынешний год явилась к нам со всеми своими прелестями. Все деревья у нас в цвету, соловьи поют, жаркие дни и роскошные вечера юга награждают нас за суровость непродолжительной зимы».

II.

«Павловский воксал.
(Письмо к М. И. Глинке)¹.

Вскоре после твоего отъезда и многие наши общие знакомые начали собираться в путь, кто в деревню, кто в Швецию, кто на Кавказ, кто в Италию, кто на Крестовский Остров, кто в Карлсбад, кто на Черную речку, *на теплые воды* (курсив в публикации. — Т. К.). Столица, наша дорогая, любезная столица день ото дня более и более пустеет. Пусть она отдохнет от шума, а между тем починят мостовую, построят несколько новых домов, подкрасят старые и т. д. Как крестьянская семья готовится к празднику, так и Петербург каждое лето снаряжается к зиме и, наверное, готовит новое веселье, новое наслаждение. Зима будет особенно веселою для нас с тобой: ты привезешь новую оперу, я притащу из Павловска новую трагедию; будет о чем говорить, спорить. А теперь? Скука нестерпимая! Нового ничего. В литературе летний отдых, или лучше, летние посиделки к зиме. В первую зимнюю среду обнаружится, что сделано прошедшим летом. Моя книга, о которой я столько хлопотал зимою, подвигается: несколько статей, очень хороших, уже в шляпе; готовы и некоторые гравюры, а из нот недостает только двух пьес, впрочем, уже обещанных, Г. М. Ю. В. (графа Михаила Юрьевича Виельгорского. — Т. К.) и Липинского.

Скуку мою я разгонял по сие время на железной дороге, — и вот новость, которая достойна занять европейское внимание. Утешительно жить в Петербурге; нигде не ощутительны успехи образования и гражданственности в такой степени, как здесь: пароходы рассекают моря, живая корреспонденция с Европой; по железной дороге ежедневно летает множество народа, за делом и без дела; в Петербурге сосредоточена вся русская журналистика; в Петербурге вся деятельность русской художественности; петербургские театры соперничают с лучшими иностранными. А помнишь ли нашу музыкальную пору! Сколько знаменитостей европейских стеклось одновременно в северную столицу; каждому умели назначить надлежащее место, каждого умели принять и поблагодарить по достоинству. Мало ли еще других прав, которые исчислить устанет перо... Дивный город! Катаюсь ежедневно по железной дороге, не могу оторвать мысли от скорости наших успехов, от удивительной предприимчивости русских и сметки в исполнении предположений. Мне снится путь железный до Нижнего, до Одессы; мне видится возрастающая деятельность народа, быстрое распространение новых сведений, обмен мыслей, новая жизнь торговли и промышленно-

¹ На четвертый день после отъезда М. И. Глинки в Малороссию, 2 мая 1838 г., автор письма внес в свой дневник: «Но надо сообщить сведение о нем (М. И. Глинке. — Т. К.) публике; а то у нас — чуть с глаз долой, уже и забыли». 25 июля того же года Н. В. Кукольник там же записал: «Еще письмо от Миши из Каченовки и грозное! Бранится — зачем я напечатал первое письмо в “Пчеле” Я никак не хотел этого; хотел просто напечатать краткое о нем известие; но Булгарин выпросил для составления статьи и тут же сподличал — целое там напечатал письмо» (см.: Из дневника Н. В. Кукольника. Новые материалы к биографии М. И. Глинки // Баян. СПб., 1888. № 12. С. 105).

сти. На железный путь в Павловск я смотрю, как на первые деревянные буквы Гутенберга, и тесно воображению. Железные дороги решительно столь же полезны, как и книгопечатание.

Правда, время забавно спорит с открытиями и изобретениями, но всякая оппозиция необходима для улучшения изобретения и для забавы людей здравомыслящих. Средним векам снилось, что первые изобретатели книгопечатания чернокнижники, а в наше время многим, поверишь ли, снятся небылицы о железной дороге: то им кажется, что паровоз соскочит с рельсов и повезет пассажиров по долам, по горам, то, что он опрокинется, то встретится с другим поездом, то, что от быстроты движения захватит дух и унесет всех нас к предкам. Словом, воображение их строит такие невыгоды и опасности, которых не изобрел бы сам изобретатель железной дороги, а у него был хитрый ум. Конечно, все эти нелепости уничтожатся сами собою; жаль будет, однако же, если комедия не успеет включить этих материалов в свои магазины. Есть противники еще и другого рода, гораздо опаснейшие. Над первыми смеешься, на вторых досадуешь, потому что их защищает вид справедливости. С азиатским деспотизмом требуют они, чтобы паровоз непременно отправлялся в шестидесятую минуту назначенного часа, чтобы, несмотря на погоду, по ветру ли, или против ветра, непременно приходил в Царское Село в тридцать минут: эти люди не созданы снисходительными. Они не могут сообразить неудобств, сопряженных с таким обширным заведением и которых нельзя отдалить или предупредить вдруг. Они не могут согласиться, что только опытность ведет к усовершенствованию (!). Для меня железная дорога очарование, магическое наслаждение. В особенности была приятна вчерашняя поездка в Павловский вокзал, вчера же впервые открытый для публики. Жаль, что тебя не было с нами. Вообрази себе огромное здание, расположенное в полукруге, с открытыми галереями, великолепными залами, множеством отдельных номеров, весьма покойных и удобных. Стол в вокзале очень хорош уже теперь. В самом скором времени обещаны еще многочисленные улучшения по этой части. Прислуга многочисленная и в отличном порядке. Великолепная зала, с большим искусством расположенная архитектором Штакеншнейдером, строителем вокзала, украшенная множеством четырехгранных колонн, обширными хорами и весьма затейливым фонтаном, — вся уставлена столами и снабжена двумя роскошными буфетами. Направо две биллиарные залы; налево залы для желающих за обедом некоторого удаления от прочих посетителей. На хорах музыка, внизу песни тирольцев. Что, если бы московские цыганы полюбопытствовали прокатиться по железной дороге и испытать счастья в нашей столице и в этом вокзале? Что, если бы на хоры взмогнулся Штраус с своим магическим оркестром? Что бы тогда был наш вокзал! Но уже и теперь его оглашают приятные звуки заезжих музыкантов и полковой музыки, которая вчера с двух часов прекрасно исполняла разные пиесы, между прочим, некоторые из твоей оперы. Открытые галереи вокзала установлены также столами и скамейками, и в хорошую погоду будут, несомненно, полны народом, как задранные кубки. Вид изо всех пунктов вокзала восхитительный: дворец глядит из-за роскошно расположенных куп деревьев. Не знаю, поймешь ли ты, где находится вокзал: он у самых оранжерей, что возле въездных

Павловских ворот, в парке; десять шагов, и ты в знаменитом Павловском саду, так искусно разыгранном, со множеством беседок, памятников, мостов, мостиков, цветников, площадок, украшенных статуями, столь обширным и занимательным, что надобно на знакомство с ним посвятить несколько дней, а, познакомясь, непременно подружиться. Везде и поневоле вспомнишь Жуковского, его поэтические отчеты, его воздушные мечты. Оригинальный фонтан воксала, играющий на несколько ладов, вскоре также откроет свои представления, когда летний жар сделает нужным его вмешательство. Нумера воксала, как я уже сказал, весьма удобны, а по цене весьма недороги; они также еще не все и не во всем меблированы, но через два-три дня все будет уже в полной исправности, хотя и вчера все требования посетителей удовлетворялись без малейшего замедления и неудобства. Отправляясь вчера в Павловск, я не надеялся найти многочисленной публики, потому что дирекция не сделала еще объявления о поездках в воксал; но, к особенному удовлетворению, нашел значительное стечение публики. Залы были довольно полны, несмотря на их обширность. Непринужденность и всеобщее одобрительное удовольствие господствовало повсюду. Мужчины не снимают шляп, — и умно: этим уничтожено много ревматизмов, не говоря уже о том, как невыгодно, скучно занять руки огромною шляпой.

Вот, любезный друг, чем теперь занят весь Петербург, и весьма справедливо; вот что целебно спасает меня от скуки и подает размышлению постоянную пищу, наблюдательности счастливые случаи, разговорам новые предметы. Недели три, можно сказать, я просто жил на железной дороге. Не подумай, однако же, что одно удовольствие было причиною столь частых поездок. Нет, было таки и дело: мы искали дачи на лето и нашли домик только с большим трудом. Железная дорога необыкновенно возвысила цены дач и принесла выгодных жильцов почти всем хозяевам домов в Царском Селе, Павловске и окрестностях. Однако скоро час, не опоздать бы на железную дорогу. Прости! Бегу в кассу за билетом!

Н. Кукольник.

Павловск, 23-го мая 1838».

Глава 7

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

7.1. Общая характеристика

Законодательные акты — вид письменных исторических источников, которые фиксируют в юридических формулах нормы, обязательные в пределах юрисдикции государства. Отличительной чертой законодательных актов является их утверждение верховной властью.

Законотворческая деятельность государства отражает те изменения в обществе, которым существующие нормативы перестали соответствовать. Законодательные акты выражают совокупный общественный интерес, представляющий собой результат взаимодействия многих, часто разнонаправленных тенденций. Эти — общий и частные — общественные и личные интересы проявляются в процессе создания законодательных актов и в скрытой форме кристаллизуются в их окончательных текстах.

Необходимым условием источниковедческого изучения законодательного акта является знание исследователем исторического контекста, в котором документ создавался и был принят. Нередко такую информацию в концентрированном виде фиксируют материалы делопроизводства государственных институтов, причастных к созданию законодательного акта. Так, в журнале от 20 декабря 1896 г. Особого совещания по вопросу об уменьшении рабочего времени на фабриках и заводах¹ изложено мнение председателя Совещания обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, откровенно указавшего причины, побудившие власть впервые законодательно ограничить продолжительность труда рабочих в промышленности Российской империи. По словам К. П. Победоносцева, «предположение о сокращении рабочего времени обсуждается только теперь, после тех крупных

¹ См.: Материалы по изданию закона 2 июня 1897 года об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности. СПб., 1905. С. 93 — 107.

беспорядков, которые были на хлопчатобумажных мануфактурах ми­нувшим летом, когда рабочие, в числе около 15 тыс., как один чело­век, под влиянием подстрекателей, предъявляли, в незаконной фор­ме, требования о сокращении продолжительности рабочего дня». Между тем, «ходатайства со стороны фабрикантов об установлении обязательной для всех фабрик и заводов высшей предельной нормы продолжительности работы стали возбуждаться с начала восьмиде­сятых годов (первое ходатайство представлено в Министерстве фи­ансов в 1883 г.)» (с. 105). Поэтому, «если бы правительство своевре­менно пошло навстречу ходатайствам фабрикантов, то самый во­прос не имел бы ни тех размеров, ни того освещения, как ныне». Вывод К. П. Победоносцева был признан убедительным.

Особое совещание признало, «с принципиальной точки зрения, желательным издание закона о нормировании рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» (с. 107) и запра­шивало санкцию императора на создание комиссии при Министер­стве финансов для подготовки законопроекта, который должен быть обязательно рассмотрен Государственным советом в текущую весен­нюю законодательную сессию. 2 июня 1897 г. Николай II утвердил этот законодательный акт, ограничивавший рабочий день 11,5 ч. Та­ким образом, только в результате роста стачечного движения 1895—1896 гг. в сжатые сроки был подготовлен и принят документ, присту­пить к разработке которого власть не решалась годами.

Выявление целей создателей законодательных актов возможно при последовательном изучении *истории возникновения* этих докумен­тов на стадиях: законодательной инициативы, разработки и обсуж­дения, утверждения законопроекта, обнародования законодательно­го акта¹.

Суть узаконения и общую его направленность исследователь рас­крывает, прежде всего, в результате *литературно-юридического анализа* включенных в текст норм и формулировок, лексических и грамматических форм. Законодатель в тексте акта предлагает своего рода нормативную модель деятельности людей в определенной об­ласти общественных отношений. В идеале нормы права не должны допускать разных и, тем более, противоречивых толкований. Но мно­гозначность слов; возможность построения грамматических кон­струкций, способных придать фразе смысловую неопределенность; умышленные умолчания; отсылки к другим законодательным, а так­же подзаконным актам, которые должны быть приняты позднее, и т. п. в совокупности создавали почву для различного понимания содержания документа и разных трактовок его положений в право­применительной практике. Историк необходимо уметь за буквой закона разглядеть также и скрытый его смысл.

¹ См.: Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории. 5-е изд., испр. М., 2012. С. 245—253.

Особенностью дореволюционного отечественного законодательства было *многообразие разновидностей* действовавших и вновь утверждавшихся *актов*. Поскольку в самодержавной России законом являлось все, что утверждал император, его собственноручная подпись или резолюция «Быть по сему» придавали любым распоряжениям главы государства силу обязательного для исполнения норматива. Для законодательных актов XIX — начала XX в. характерны архаизм языка и стиля, сохранение многочисленных устаревших норм права, мелочная регламентация самых различных сторон социально-экономической, политической и культурной жизни общества.

Законодательные акты Советской власти отразили коренные изменения в государственном устройстве страны. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., устанавливала: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах <...> Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: “Не трудящийся, да не ест”»¹. Язык документа прост и доступен для масс, которым он прежде всего адресован.

Конституция СССР, утвержденная Чрезвычайным VIII съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г., зафиксировала перемены в стране, произошедшие «в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата <...> Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»»². Главу X «Основные права и обязанности граждан» открывала ст. 118: «Граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с количеством и качеством. Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и устранением безработицы». Ст. 119 дополняла эти положения: «Граждане СССР имеют право на отдых. Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего числа рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для

¹ Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. Отд. I. № 51. Ст. 582. П. 10, 18.

² Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1936. 5 декабря. Ст. 2, 12.

обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов».

В Конституции СССР, которая была утверждена 7 октября 1977 г. Внеочередной VII сессией Верховного Совета СССР 9-го созыва, в главе 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР», гарантии гражданам СССР в связи с их правом на труд и на отдых перечислены более подробно (см. выделения). Так, в соответствии со ст. 40: «Граждане СССР имеют право на труд, — то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и **не ниже установленного государством минимального размера, — включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.** Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, **бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства**».

В ст. 41 указаны государственные гарантии права граждан на отдых: «Это право обеспечивается установлением для рабочих и служащих рабочей недели, не превышающей 41 часа, **сокращенным рабочим днем для ряда профессий и производств, сокращенной продолжительности работы в ночное время;** предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, **дней еженедельного отдыха,** а также расширением сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, **развитием массового спорта, физической культуры и туризма; созданием благоприятных возможностей для отдыха по месту жительства и других условий рационального использования свободного времени**»¹

При сравнительном изучении текстов советских конституций отчетливо выявляется сходство и различие в том, как формулируются нормы права в этих документах. И Конституция РСФСР 1918 г., и Конституция СССР 1936 г., и Конституция СССР 1977 г. адресованы гражданам советского государства. Согласно Конституции 1918 г., в условиях введенной в РСФСР всеобщей трудовой повинности государство *«признает труд обязанностью»* (курсив мой. — А. Г.) всех граждан Республики». В Конституции 1936 г. та же мысль выражена более определенно: «труд в СССР *является обязанностью и делом чести* (курсив мой. — А. Г.) каждого способного к труду гражданина». Иными словами, обязанность трудиться трактуется как уже установившаяся правовая норма. Стимулами ее добросовестного испол-

¹ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1977. 12 октября. Ст. 617. (Шрифтом выделены положения, отсутствующие в текстах соответствующих статей Конституции СССР 1936 г.)

нения для граждан служат, наряду с материальными факторами («каждому — по его труду»), также факторы моральные (труд — «дело чести»). В ст. 14 Конституции 1977 г. положение об органической взаимосвязи материальных и моральных стимулов труда советских людей — источника и основы «благополучия народа и каждого советского человека» — формулируется развернуто: «В соответствии с принципом социализма “От каждого по способностям, каждому — по труду” государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления. Оно определяет размер налога на доходы, подлежащие налогообложению. Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе. *Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека*» (курсив мой. — А. Г.).

Вместе с тем, Конституции 1936 г. и 1977 г. определяют труд не только как *обязанность*, но и как неотъемлемое *право* советского гражданина. В соответствующих статьях Основного закона страны разъяснено содержание этой нормы и указаны гарантии государства, призванные обеспечить ее соблюдение.

Следует обратить внимание, что в название главы Конституции 1977 г., где изложены права и обязанности граждан СССР, в отличие от Конституции 1936 г., добавлено слово *свободы*. В ст. 50 и 52 зафиксированы предоставленные советским гражданам гарантии свобод: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, совести. Отметим, что эти нормы содержатся в Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1918 г. Новация Конституции 1977 г. представлена в ст. 47: «Гражданам СССР в соответствии с целями коммунистического строительства гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества».

Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием¹, отразила новые реалии, сложившиеся в Российском государстве после развала СССР.

В названии главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» обозначен *адресат* этого нормативного акта, имеющего на территории Российской Федерации «высшую юридическую силу» (ст. 15). Наряду с гражданами РФ, это — граждане других государств и лица без гражданства. Изложение нормы, адресованной человеку вообще, обычно начинается со слова *каждый*. Так, согласно ст. 37, в РФ: «1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. 2. Принудительный труд запрещен. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации

¹ См.: Конституция Российской Федерации. М., 1993.

и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. 4. Признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку. 5. Каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск». Как видим, лишь в п. 5 говорится о гарантии государства работающим, правда, только при условии, что они оформили трудовой договор. Кроме того Конституция РФ гарантирует «каждому» свободу совести (ст. 28), мысли и слова (ст. 29), литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ст. 44).

За гражданами РФ закреплен ряд *особых прав*. В частности, если «каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации», то «гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию» (ст. 27, п. 2). Граждане РФ «имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» (ст. 31).

Хотя в названии главы отсутствует термин «обязанности», нормативным актом они предусмотрены. Как и «права», «обязанности» в Конституции РФ дифференцированы: только для граждан РФ и вообще для «каждого». «Долгом и обязанностью» гражданина РФ является защита Отечества (ст. 59). В то же время «каждый» обязан: «платить законно установленные налоги и сборы» (ст. 57), а также «сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам» (ст. 58).

Сопоставление текстов Конституций 1918, 1936, 1977 и 1993 гг. позволяет проследить изменение лексических форм, посредством которых: обозначался адресат узаконения; устанавливались права субъектов законодательства и условия их реализации; определялись обязанности. Поскольку деятельность людей в определенной области общественных отношений регламентируется целым рядом законов, действующие нормы права согласуются в процессе кодификации. При этом ликвидируются пробелы в законодательстве, устраняются противоречия, заменяются устаревшие положения. В систематизированном виде действовавшее в XIX — начале XX в. законодательство представлено в издании «Свод законов Российской империи». В Российской Федерации нормативные акты, регулирующие общественные отношения в рамках отрасли права, издаются в виде отдельных кодексов: Трудового, Жилищного, Налогового и др. Вследствие необходимости для миллионов людей постоянно сверять свою деятельность с нормами права, возникла особая разновидность научно-популярных публикаций — комментарии к отраслевым ко-

дексам. В них квалифицированные юристы дают поштатейную характеристику и толкование принципов и правил, сформулированных в этих актах.

В отличие от современников, историк далеко не всегда может апеллировать к авторитету специалистов-правоведов. Он должен уметь самостоятельно выявлять в источнике адекватную информацию о прошлой действительности.

7.2. Методика изучения

Исследователь, намечающий программу источниковедческого изучения законодательного акта, включает в нее, по крайней мере, три вопроса: 1. Что послужило причиной принятия документа? 2. Какие задачи стремились решить те, кто его создавал? 3. Какую информацию историк может выявить в этом источнике? Попытаемся найти ответы на эти вопросы на примере Основных государственных законов Российской империи, утвержденных в апреле 1906 г.

Причины создания новой редакции Основных государственных законов изложены в именном указе Сенату, датированном 23 апреля 1906 г. В документе от имени императора, во-первых, декларировалось дарование подданным «гражданских свобод» и, во-вторых, объявлялось о необходимости кодификации законодательных норм. Воспроизведем текст полностью.

«Манифестом 17 октября 1905 года мы возвестили об осуществлении нами законодательной власти в единении с представителями народа и о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы. Установив новые пути, по которым будет проявляться самодержавная власть всероссийских монархов в делах законодательства, мы утвердили манифестом 20 февраля сего года порядок участия выборных от народа в сих делах и определили временными правилами условия пользования населением гражданской свободю.

Вместе с тем, в видах укрепления основ обновляемого государственного строя, мы повелели свести воедино постановления, имеющие значение Основных государственных законов, подлежащих изменению лишь по почину нашему, и дополнить их положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной.

Начертанные на сих основаниях, по преуказаниям нашим, Основные государственные законы мы признали за благо утвердить и препровождаем в Правительствующий сенат для обнародования их установленным порядком.

Правительствующий сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано: “Николай”»¹.

Таким образом, под влиянием революционных событий в законодательную практику Российского государства были внесены изменения. Новации были связаны с участием в создании законодательных актов новых государственных институтов — Государственной думы и реформированного Государственного совета, который из законосовещательного учреждения превратился в законодательное. В указе ясно сформулирована и *сверхзадача* новых Основных государственных законов: отграничить область принадлежащей царю «нераздельно власти верховного государственного управления» от полномочий Думы и Совета.

Используя другие виды источников, историк может проследить процесс создания этого законодательного акта. Так, из «Воспоминаний» С. Ю. Витте² известно, что почин издания новой редакции Основных государственных законов принадлежал петербургскому генерал-губернатору Д. Ф. Трепову. Первоначальный проект был составлен в Государственном совете, затем в процессе обсуждения в Совете министров он подвергся корректировке. Принципиально вопрос был решен в Особом совещании под председательством Николая II, которое состоялось в Царском селе в апреле 1906 г.

Протоколы Совещания опубликованы в 1917 г. в журнале «Былое»³ Именно во время Царскосельского совещания, в котором приняли участие члены императорской фамилии и наиболее доверенные сановники по личному выбору царя, отчетливо проявились *цели создателей документа*.

Открывая прения, Николай II сформулировал свое понимание задачи собрания: «Дело серьезное, жизненно важное <...> Жду искреннего и откровенного мнения от каждого в отдельности». Общую позицию выразил председатель Государственного совета Д. М. Сольский: «Пересмотр Основных законов необходим <...> Не надо трогать всего того, что можно оставить... *Необходимо лишь изменить то, что не согласно с позднейшими узаконениями и восполнить пробелы*» (курсив мой. — А. Г.). Но относительно того, что «можно оставить», а что «необходимо изменить», к единому мнению пришли не сразу.

Главным в работе совещания стал вопрос об изменении ст. 1 Основных государственных законов. Напомним, что в редакции 1832 г. эта норма была сформулирована так: «Император всероссий-

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. III. СПб., 1909. Т. XXVI. 1906.

² См.: Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 294—307.

³ См.: Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). Окт. С. 184—245.

ский есть монарх *самодержавный и неограниченный* (курсив мой. — А. Г.). Повиноваться верховной власти его не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает»¹. Предваряя обсуждение, Николай II предупредил собравшихся: «Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье 1».

Все участники Совещания, за исключением свехосторожного И. Л. Горемыкина, высказались за отказ от слова «неограниченный» как сущностной характеристики верховной власти российского монарха. По словам обер-прокурора Синода А. Д. Оболенского, «нельзя, чтобы Основные законы появились в новом издании со словом «неограниченный». Да этого народу и не надо, — утверждал он, — ему нужно слово «самодержавный»». Этот тезис четко сформулировал и озвучил в Совещании член Государственного совета А. С. Стишинский: «*Следует только слово исключить, а власть сохранить*» (курсив мой. — А. Г.). В итоге Николай II согласился с мнением большинства.

Представленный Советом министров проект как раз и был нацелен на сохранение самодержавной власти российского монарха. Поскольку только царь мог инициировать пересмотр Основных государственных законов, предусмотрительный председатель Совета министров С. Ю. Витте предлагал подробно перечислить в них полномочия, принадлежащие единственно императору и ограждающие его самодержавную власть главы верховного управления. Таким образом, разъяснял он, можно будет отобрать у Думы «все, что опасно трогать. Не опасно, — по мнению автора манифеста 17 октября 1905 г., — говорить о свободах, о законности, правах граждан — это все можно, но есть безусловно опасные вопросы — как основания устройства Думы и Совета, основные положения бюджетных правил и правил о займах, прерогативы монарха как верховного главы государства. Все эти предметы надо ввести в Основные законы». Намечая тактику действий, С. Ю. Витте рекомендовал издать Основные законы полностью, чтобы в этом нормативном акте были статьи «о монархе, и о Думе, и о подданных». Такой вариант, утверждал он, «может произвести хорошее впечатление. Если же только сказать о монархе, а о подданных умолчать — это будет гораздо хуже».

Предложения главы правительства дополнил член Государственного совета Э. В. Фриш. Он обратил внимание участников Совещания на то, что «актом 17 октября все свободы даны, но не установлены их пределы, а это надо сказать и закрепить Основными законами. Иначе, — пророчил осторожный сановник, — не будет пределов домогательствам свобод. Если даже в Основных законах будет сказано, что пределы свобод определяются на основании особых за-

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ст. 1.

конов, то все же нельзя будет толковать, что они даны беспредельно <...> *Надо устранить возможность превратных толкований*» (курсив мой. — А. Г.). Именно по этому пути и пошли.

23 апреля 1906 г. Николай II утвердил Основные государственные законы в новой редакции, и в тот же день они были опубликованы в издававшемся Сенатом Собрании узаконений и распоряжений правительства, а позже напечатаны в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ)¹. Этот нормативный акт вошел также в состав Свода законов Российской империи (СЗ)². Следует иметь в виду, что в тексте этого закона, напечатанного в ПСЗ и в СЗ, совпадает нумерация только начальных статей (ст. 1 — 23). Ст. 26 в ПСЗ соответствует ст. 24 СЗ. Далее в СЗ помещены сохранившие силу Основных законов главы: о порядке наследия престола (ст. 25 — 39); о совершеннолетию государя императора, о правительстве и опеке (ст. 40 — 52); о вступлении на престол и о присяге подданства (ст. 53 — 56); о священном короновании и миропомазании (ст. 57 — 58); о титуле его императорского величества и о государственном гербе (ст. 59 — 61); о вере (ст. 62 — 68). Поэтому ст. 27 — 82 в ПСЗ соответствуют ст. 69 — 124 СЗ, а ст. 25 в ПСЗ — ст. 125 СЗ.

Методы, посредством которых в 1906 г. была осуществлена корректировка Основных государственных законов, чтобы в новых условиях, созданных революцией, сохранить в России наследственную самодержавную монархию, выявляет *литературно-юридический анализ текста* этого акта.

Согласно ст. 63 Свода Основных государственных законов в редакции 1832 г. закон «должен быть свято и нерушимо исполняем всеми и каждым, как подданными, так и иностранцами, в России пребывающими». Эта норма была сохранена и в ст. 85 СЗ в редакции 1906 г.: «Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском государстве пребывающих». Но так как император не был ни подданным, ни иностранцем, он, единственный в России, не был ограничен закрепленными в отечественном законодательстве нормами.

В Основных государственных законах в редакции 1906 г. исключительные права и полномочия императора зафиксированы в СЗ в главе первой «О существе верховной самодержавной власти». Воспроизведем ее текст полностью³.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. III. СПб., 1909. Т. XXVI. 1906.

² См.: Свод законов Российской империи. Ч. 1. Свод Основных государственных законов. СПб., 1906. (В этом издании постатейно даны отсылки на первую публикацию Основных государственных законов Российской империи (в ред. 1906 г.) в Собрании узаконений и распоряжений правительства.)

³ См.: Основные государственные законы. 1906. Апр. 23 // Свод законов Российской империи. Ч. 1. СПб., 1906.

«ГЛАВА ПЕРВАЯ

О существе верховной самодержавной власти

4. Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает.

5. Особа государя императора священна и неприкосновенна.

6. Та же верховная самодержавная власть принадлежит государыне императрице, когда наследство престола в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского; но супруг ее не почитается государем: он пользуется почестями и преимуществами, наравне с супругами государей, кроме титула.

7. Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думою.

8. Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной думе.

9. Государь император утверждает законы и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

10. Власть управления во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего государства Российского. В управлении верховною властью его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям.

11. Государь император, в порядке верховного управления, издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов.

12. Государь император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского государства.

13. Государь император объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами.

14. Государь император есть державный вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского государства. Он определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно: дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения их, прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского государства. Государем императором, в порядке верховного управления, устанавливаются также ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого

имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

15. Государь император объявляет местности на военном или исключительном положении.

16. Государю императору принадлежит право чеканки монеты и определение внешнего ее вида.

17. Государь император назначает и увольняет председателя Совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом никакого порядка назначения и увольнения.

18. Государь император, в порядке верховного управления, устанавливает в отношении служащих ограничения, вызываемые требованиями государственной службы.

19. Государь император жалует титулы, ордена и другие государственные отличия, а также права состояния. Им же непосредственно определяются условия и порядок пожалования титулов, орденов и отличий.

20. Государь император издает непосредственно указы и повеления, как в отношении имуществ, личную его собственность составляющих, так равно в отношении имуществ, именуемых государевыми, кои, всегда принадлежат царствующему императору, не могут быть завещаемы, поступать в раздел и подлежать иным видам отчуждения. Как те, так и другие имущества не подчиняются платежу налогов и сборов.

21. Государю императору как главе императорского дома, принадлежат, согласно Учреждению о императорской фамилии, распоряжения по имуществам удельным. Им же определяются также устройство состоящих в ведении министра императорского двора учреждений и установлений, равно как порядок управления оными.

22. Судебная власть осуществляется от имени государя императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение именем императорского величества.

23. Государю императору принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождением их от суда и наказания, а также сложение, в путях монаршего милосердия, казенных взысканий и вообще дарование милостей в случаях особых, не подходящих под действие общих законов, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права.

24. Указы и повеления государя императора, в порядке верховного управления или непосредственно им издаваемые, скрепляются председателем Совета министров или подлежащим министром либо главноуправляющим отдельною частью и обнародуются Правительствующим Сенатом».

Таким образом, законодатель чеканными фразами вколачивает в сознание подданных основной тезис: особа императора «священна и неприкосновенна», ему принадлежат «верховная самодержавная власть» и «власть управления во всем ее объеме». Трактовка прав монарха определена и не допускает разночтений и толкований. Он «назначает», «увольняет», «жалует», «объявляет», «утверждает», «издает» и т. д. и т. п. Он — руководитель всех внешних сношений государства и вождь армии и флота. Единственно ему принадлежит право объявлять войну, заключать мир и договоры с иностранными государствами и т. д. и т. д.

Единственная, явно вынужденная, уступка завоеваниям революции содержится в ст. 7, согласно которой самодержец «осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думою». Но уже две следующие статьи (ст. 8 и 9) сводят ее почти на нет: только императору принадлежит право инициировать изменения «по всем предметам законодательства» и «единственно по его почину» могут быть пересмотрены Основные государственные законы, а «без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения». Таким образом, лексика документа отчетливо отразила исключительно «косметический» характер корректировки законодательства, а по сути и в этой области царь сохранял ключевые позиции власти.

Правам и обязанностям российских подданных посвящена вторая глава Основных государственных законов в редакции 1906 г. (соответственно это глава восьмая в СЗ). Воспроизведем ее также полностью по публикации в СЗ¹.

«ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О правах и обязанностях российских подданных

69. Условия приобретения прав российского подданства, равно как и их утраты, определяются законом (ст. 27 по публикации в ПСЗ).

70. Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона (ст. 28 по публикации в ПСЗ).

71. Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлыны, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона (ст. 29 по публикации в ПСЗ).

72. Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном (ст. 30 по публикации в ПСЗ).

¹ Основные государственные законы. 1906. Апр. 23 // Свод законов Российской империи. Ч. 1. СПб., 1906.

73. Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных (ст. 31 по публикации в ПСЗ).

74. Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновными деяний из числа преступных (ст. 32 по публикации в ПСЗ).

75. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных (ст. 33 по публикации в ПСЗ).

76. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами (ст. 34 по публикации в ПСЗ).

77. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение (ст. 35 по публикации в ПСЗ).

78. Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно ограничение мест для собраний (ст. 36 по публикации в ПСЗ).

79. Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами (ст. 37 по публикации в ПСЗ).

80. Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом (ст. 38 по публикации в ПСЗ).

81. Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этой свободой определяются законом (ст. 89 по публикации в ПСЗ).

82. Правами российских подданных иностранцы, в России пребывающие, пользуются с соблюдением ограничений, установленных законом (ст. 40 по публикации в ПСЗ).

83. Изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном, определены особыми законами (ст. 41 по публикации в ПСЗ)».

Включение такой главы в Основные государственные законы было обусловлено конъюнктурными соображениями. Об этом прямо ска-

зал на Совещании в Царском Селе С. Ю. Витте. Но стремясь «произвести хорошее впечатление» на подданных царя, создатели нормативного акта помнили: устанавливая или хотя бы намечая пределы даруемых прав и свобод, их первейшая задача — сохранить власть самодержца. Поэтому в названии главы говорится не только о правах, но и об обязанностях подданных. В ряде случаев адресатом этих норм были также иностранцы. Такой расширенный адресат узаконения обозначен словами *каждый* и *никто*. Например: «Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных». Или: «Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами». Подданные российского императора имели ряд дополнительных прав, а также обязанности. Во всех перечисленных в Основных законах случаях границы прав и обязанностей должны были определяться нормативными актами более низкого уровня. Находящиеся в империи иностранцы также могли пользоваться правами, предоставленными российским подданным, но «с соблюдением ограничений, установленных законом».

Только в ст. 77, согласно которой отчуждение недвижимых имуществ, находящихся в частной собственности, «для государственной или общественной пользы», допускается «не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение», нет ссылки на необходимость дополнительно свериться с еще одним узаконением. Этот текст воспроизведен в Основных государственных законах в полном соответствии с уже существующей нормой гражданского права. Однако и здесь есть возможность различных толкований: ведь нигде не сказано, что такое «справедливое» и что такое «приличное» вознаграждение? Кем и как должна определяться их сумма?

Сопоставление текстов главы первой «О существе верховной самодержавной власти» и главы второй «О правах и обязанностях российских подданных» Основных государственных законов в редакции 1906 г. позволяют сделать *ряд заключений*. В публикации СЗ, напомним, указанные главы отделены шестью главами.

Итак, во-первых, императору принадлежат неотъемлемые, безоговорочно закрепленные за ним права. Даже ограничение, как могло бы показаться, его прерогатив в области законодательства Государственной думой и реформированным Государственным советом в действительности было не более, чем уловкой, поскольку принятие окончательного решения принадлежало самодержцу. Вместе с тем, дарование российским подданным «незыблемых основ» гражданской свободы «на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов», декларированное с манифесте 17 октября 1905 г., трактовалось в тексте Основных государственных законов как условное право, ограничения которого в каждом случае должны быть определены в особых законах.

Во-вторых, четко прописано, что имущества, находящиеся в собственности императора, «не подчиняются платежу налогов и сборов». Однако подданные «обязаны платить <...> налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона».

В-третьих, лексика, посредством которой зафиксированы права императора, определена и не допускает разночтений. В то же время для характеристики прав подданных используются слова и словосочетания, смысл которых может быть истолкован по-разному: «справедливое» и «приличное» вознаграждение; «в целях, не противных законам» и т. д.

И информация, непосредственно зафиксированная в источниках, и информация, получившая в них отражение опосредованно — выявленная в процессе исследования — приводят к однозначному выводу: творцам Основных государственных законов в редакции 1906 г. удалось достичь поставленной цели: сохранить и оградить на будущее властные права самодержца и одновременно, декларативно заявив о предоставлении российским подданным гражданских прав, оставить в руках императора рычаг, позволяющий их ограничить.

ЗАДАНИЯ

1. Используя материалы этого пособия и главы 7 «Законодательные акты» в учебном пособии А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории», охарактеризуйте основные задачи и приемы источниковедческого изучения законодательных актов второй половины XIX — начала XXI в.
2. В текстах документов, опубликованных в главе 7 этого пособия и в § 3 главы 7 учебного пособия А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории», выявите слова, словосочетания, грамматические формы, допускающие неоднозначное истолкование устанавливаемой правовой нормы.
3. Найдите текст Основных государственных законов Российской империи в редакции 1906 г. в ПСЗ, в СЗ или воспользуйтесь воспроизведением официального текста этого акта в Internet. Дополните собственными наблюдениями приведенную выше характеристику прав императора, с одной стороны, и прав и обязанностей российских подданных — с другой.
4. Используя материал пособия, самостоятельно проведите источниковедческое изучение одного из законодательных актов второй половины XIX — начала XXI в. (по своему выбору). Обсудите работу с преподавателем.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1939 — 1990.

Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1938 — 1989.

Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. М., 1990—1992.

Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. М., 1989—1991.

Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. М., 1992—1993.

Декреты Октябрьской революции. М., 1933.

Декреты Советской власти. М., 1957—2004. Т. 1—16.

Конституция Российской Федерации. М., 1993.

Манифест 17 октября // Красный архив. 1925. Т. 4—5 (11—12).

Полное Собрание законов Российской империи: Собрание Первое (1649—1825). СПб., 1830. Т. 1—45; Собрание Второе (1825—1881). СПб., 1830—1884. Т. 1—55; Собрание Третье (1881—1913). СПб., 1885—1916. Т. 1—33.

Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. СПб., 1832.

Свод законов Российской империи. Ч. I. Свод Основных государственных законов. СПб., 1906.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1924—1938.

Собрание законодательства Российской Федерации. М., 1994—

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1863—1917.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. М., 1917—1938.

Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). Окт.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Байбаков С. А. Современные представления о разработке проекта Третьей Конституции СР (1977 г.) по новым архивным материалам // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 5.

Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906—1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 7.

Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник. М., 1979.

Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830—1899. Сборник сведений об изданиях Свода законов и Продолжений к нему, Полного собрания законов, Свода военных и морских постановлений, а также об изданиях местных законов. СПб., 1900.

Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830—1906. Дополнение к Сборнику сведений... СПб., 1907.

Шепелёв Л. Е. Законодательные акты акционерного учредительства // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

8.1. Общая характеристика

Материалы делопроизводства — это сложные комплексы документации, которая образовалась в процессе деятельности учреждений, организаций и предприятий. Содержание и состав документации определяется функциями и целями их создателей. Отличительной особенностью этого вида исторических источников является системность.

Делопроизводственная документация ведется и оформляется по определенным правилам. Знание характерных свойств и отличительных особенностей разновидностей и вариантов документов дает исследователю возможность извлечь из них максимум информации.

Состав делопроизводственной документации и порядок ее ведения регламентировался. Это хорошо видно на примере материалов «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» (сокр. — Особое совещание по обороне). Оно было создано по закону 17 августа 1915 г. и являлось центральным органом системы военно-экономического регулирования хозяйства царской России в годы Первой мировой войны¹. Цель Совещания состояла в том, чтобы ликвидировать кризис вооружения и материального снабжения русской армии, используя все экономические возможности страны и промышленные ресурсы. Для решения конкретных задач и рассмотрения материалов по вопросам, входившим в компетенцию Совещания, при нем был образован ряд комиссий и комитетов.

Положение Особого совещания по обороне в системе центральных органов государственной власти, разнообразие задач, стоявших перед ним, специфика отдельных его комиссий и комитетов, а также подчиненных ему постоянно действующих учреждений и организаций привели к тому, что в фондах Совещания отложились различные по тематике, характеру и типу источники. Исследователи обратили внимание на то, что громоздкая, чересчур усложненная, зачастую противоречивая система различных органов Совещания по обороне, неопределенность и смешение функций отдельных ее элементов, за счет бюрократизма породили сложную систему документации этой структуры. Взаимосвязь учреждений Совещания определила взаи-

¹ См.: *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания по обороне государства: источниковедческое исследование. М., 1975.

мосвязь и различные формы соподчинения материалов делопроизводственной документации, которая в целом образует единый комплекс.

В комплексе делопроизводственной документации Совещания по обороне исследователи выделяют несколько групп, имеющих свою специфику и при работе с которыми соответственно необходимы специфические приемы извлечения информации. Среди них: положения и правила; журналы заседаний Особого совещания, его комиссий и комитетов; акты обследования предприятий и обзоры промышленных районов; учетно-статистические материалы; переписка.

Журналы Особого совещания — один из самых значимых источников, поскольку в них протоколировалась деятельность этого органа. При работе с ними необходимо учитывать, что некоторые вопросы не выносились на обсуждение Совещания, а сразу поступали на утверждение военного министра. Поэтому историку во многих случаях приходится обращаться к материалам комиссий, в которых содержались исходные и более полные данные. Журналы комиссий и комитетов показывают механизм действия Совещания, в них отчетливее отражены отношения внутри чиновничьего аппарата, по ним можно проследить влияние буржуазии на правительственный аппарат.

В ряде случаев следует также пользоваться *стенограммами и черновиками журналов* Совещания, так как многие важные вопросы и интересные факты вообще не попадали в окончательные тексты журналов. Такое сопоставление помогает выявить, что именно в сокращенных и правленных текстах журналов хотели скрыть их составители. Это, главным образом, факты из области промышленной и финансовой тайны, многочисленные примеры наживы промышленников на оборонных заказах, повышения ими цен на материалы, сырье, а также факты репрессий против рабочего движения.

При работе с журналами Особого совещания по обороне полезно сопоставлять сведения, имеющиеся в них, с *резолуциями* председателя Совещания. В некоторых случаях резолюции расходятся с предложениями, принятыми в ходе заседаний. Кроме того, резолюции председателя, исходные материалы комиссий и доклады, представленные ими в Совещание, могут использоваться для реконструкции несохранившихся журналов.

Одной из обширных групп материалов Совещания по обороне является его *переписка*. Поскольку в силу своих задач и положения Совещание было связано с другими учреждениями и организациями, его переписка подразделялась на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя переписка создавалась в процессе деятельности самого Совещания (его комиссиями, комитетами, отдельными должностными лицами). В ней отразился механизм деятельности этой организации. Эти материалы позволяют раскрыть закулисную борь-

бу в Совещании, уточняют обстоятельства рассмотрения того или иного вопроса. Внешняя переписка возникала в результате взаимодействия Совещания по обороне с различными министерствами: финансов, торговли и промышленности, морским, путей сообщения и т. д. Таким образом, осуществляя военно-экономическую мобилизацию промышленности и государственное регулирование, Совещание обменивалось информацией с другими органами власти.

В делопроизводстве Совета министров царской России наряду с общими журналами создавались также *особые журналы*, посвященные только одному вопросу. Эта форма документирования результатов рассмотрения вопросов на заседаниях Совета министров применялась с мая 1906 г., после упразднения Комитета министров, в делопроизводстве которого использовались *мемории*. При работе с журналами Совета министров исследователь должен учитывать специфику их составления. В общих журналах фиксировалась только формулировка рассмотренного вопроса и принятое решение, в особых журналах излагалось содержание вопросов, их предыстория, приводились мнения участников заседания и мотивировка принятых решений.

Вместе с тем, работая с особыми журналами, историку следует иметь в виду, что они не дают представления о ходе обсуждения рассматриваемых дел. Эти журналы составлялись на основе сделанных на заседаниях черновых протоколов. Позже несколько выступлений одного лица сводились воедино, близкие мнения разных лиц могли излагаться совокупно, иногда фиксировались лишь позиции меньшинства и большинства. Составленные таким образом первоначальные варианты особых журналов тиражировались и рассылались участникам заседания; затем внесенные ими поправки и замечания учитывались, а вариант журнала переделывался. Окончательный текст подписывался его участниками.

Важно также знать, что дела, находившиеся в ведении Совета министров, делились на две категории: те, решения по которым подлежали утверждению царем, и те, которые утверждались лишь Советом министров. На таких журналах нет ни знака рассмотрения царем, ни его помет и резолюций.

Существенное значение для исследователя имеют разнообразные *пометы на документах*, особенно — *резолюции*. Зачастую они позволяют выявить реакцию вышестоящего начальника на то или иное действие или предложение подчиненного. Известно, что собирая информацию, военные и военно-морские агенты России пользовались разными средствами, в том числе полученными неофициальным путем. Зачастую секретные сведения просто покупались у продажных чиновников. Поскольку это было связано с некоторыми затратами, агенту разрешалось брать деньги из экстраординарных сумм, за которые потом следовало отчитываться. На объяснительной записке от

5 (18) октября 1903 г. военно-морского агента в Константинополе капитана 1 ранга Бергеля о расходах на сумму в 12 фунтов 10 шиллингов «за сообщаемые сведения, переводы из турецких газет и на мелкие угощения» резолюция начальника Главного морского штаба адмирала З. П. Рожественского гласила: «Нельзя сказать, чтоб объяснил. Где же, по крайней мере, переводы и расписки за них. Написать, что такие расходы вперед будут принимаемы на счет казны лишь в том случае, если сведения будут предоставлены и признаны стоящими уплаты. Расходы же на мелкие угощения должны входить в обиход агента и оплачиваться из отпускаемых ему от казны суточных денег».

Немаловажную роль для понимания механизма принятия решений могут иметь *пометы и резолюции царя*, которому по законам Российской империи принадлежало последнее слово. Иногда эти резолюции позволяют проследить смену взглядов монарха на тот или иной вопрос. Так, в связи со строительством Багдадской железной дороги Франция запрашивала о возможности участия в нем России. После того, как через газеты распространился слух, будто Россия решила войти в дело за долю, которую ей выделили Германия и Франция, российский посол в Константинополе 19 мая (1 июня) 1901 г. запросил Министерство иностранных дел о его достоверности. Ему сообщили, что хотя вопрос действительно обсуждался, участие России «не было признано желательным». На проекте ответа послу имеется знак «С», которым царь обычно выражал свое одобрение. Добиваясь согласия Петербурга на участие в финансировании строительства, Париж 4 (17) июля сформулировал свои предложения в ноте. Предоставленная в тот же день на всеподданнейшем докладе она, к удивлению министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, встретила поддержку Николая II: «Россия, по крайней мере, будет иметь свой голос в этом деле», — гласила его резолюция. В МИД и в Министерстве финансов были убеждены, что Багдадская железная дорога не соответствует интересам России, и убедили в этом царя. Поэтому на письме посла в Париже, который передавал предложение французского правительства приобрести акции Багдадской железной дороги, Николай II 31 января (13 февраля) 1902 г. написал: «Ведь решено, что Россия не будет участвовать своими капиталами в постройке Багдадской жел. дор.». Несмотря на это, Париж снова попытался побудить Петербург войти в комбинацию. На сообщении французского посла 5 (18) июня 1902 г. Николай II в сердцах начертал: «Сказано было, что Россия в сооружении Багдадской железной дороги участвовать не будет». Таким образом, вопрос о доле России в проекте снимался.

Поскольку в межгосударственных отношениях слово — устное или письменное — играет исключительно важную роль, большое значение в делопроизводственной документации приобретает *перевод*. Рассмотрим этот аспект на примере выработки декларации о

Международной следственной комиссии для расследования Гульсского инцидента. В ночь с 8 (21) на 9 (22) октября 1904 г. русские корабли Второй эскадры Тихоокеанского флота под командованием адмирала З. П. Рожественского, двигаясь из Балтийского моря на Дальний Восток, в районе Доггер-банки (в Северном море) в условиях плохой видимости открыли огонь по неизвестным судам. В результате пострадали английские рыбаки, было повреждено несколько траулеров, а эскадра продолжила путь, не пытаясь оказать помощь пострадавшим. Командующий эскадрой и ее офицеры отстаивали тезис об атаке японских миноносцев, о которой предупреждали данные агентурной разведки, и о необходимости оборонительных действий. В англо-русских отношениях возник острый кризис.

12 (25) октября британский статс-секретарь по иностранным делам Г. Ленсдаун вручил российскому послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу ноту с требованием немедленных извинений, полного удовлетворения пострадавших и гарантий против повторения инцидента. Аналогичную ноту направили послу в Петербурге Ч. Гардингу для передачи В. Н. Ламздорфу¹. Лондон настаивал, чтобы поход эскадры был остановлен, грозя в противном случае войной, а также на тщательном расследовании и суровом наказании виновных. Предложение В. Н. Ламздорфа 15 (28) октября создать следственную комиссию Лондон принял.

Ключевое значение на этой стадии приобрела выработка текста англо-русской декларации, поскольку стороны решительно разошлись в понимании характера деятельности Международной следственной комиссии. Свой вариант проекта Ленсдаун представил Бенкендорфу 18 (31) октября. В преамбуле документа, состоявшего из шести статей, и во второй статье говорилось о «нападении на рыбацью флотилию» и о праве комиссии «возложить на причастных ответственность и порицание» за инцидент. 19 октября (1 ноября) Гардинг вручил Ламздорфу текст проекта на французском языке. Царь нашел его «весьма подходящим», и 21 октября (4 ноября) Ламздорф сообщал Гардингу, что документ в целом одобрен. Однако, сообщая об этом послу, министр предписал «избегать упоминаний о виновности, порицании и ответственности лиц, причастных к делу», подчеркнув, что речь идет лишь о расследовании происшествия 8 (21) октября. Но слабо разбиравшийся в делах посол дал согласие на то, чтобы Ленсдаун в речи 27 октября (9 ноября) публично заявил, что русское правительство приняло английский проект.

В русском проекте декларации из восьми статей отсутствовали положения о «нападении», «ответственности» и «порицании» за происшествие, а акцент ставился только на расследование его фактов. 30 октября (12 ноября) он был вручен Гардингу. При этом Ламздорф

¹ См. изданную в феврале 1905 г. британским МИД «Синюю книгу»: Correspondence relating to the North sea incident. L., 1905.

заявил, что редакционный характер поправок (вызванный переводом на французский) несколько изменяет текст, но выражает ту же мысль. Ленсдаун нервно отреагировал на русский проект, подчеркивая, что английский вариант уже был принят. На это Ламздорф, блестяще владевший французским, ответил, что одобрение текста «в целом» (*intégralement*) не означает «дословно» (*littéralement*), сославшись к тому же на консультацию с лучшим русским юристом — Ф. Ф. Мартенсом, автором Гаагской конвенции о расследовании. Затем в ходе довольно длительной полемики Ламздорф отстоял русскую версию декларации.

Важную роль в делопроизводстве имеет *Государственная печать*. Хранение и приложение печати к международным актам и важным внутри имперским документам являлось специальной функцией МИД. Оттиски трех категорий Государственной печати — Большой, Средней и Малой — изготавливались на бумаге, воске и металле. Последний использовался для приложения к актам в зависимости от их значения. *Большая печать* прикладывалась к кредитивным грамотам на имя послов и посланников, которые представляли особу российского монарха за границами империи; к консульским патентам, к брачным договорам особ императорской фамилии. *Средняя печать* соответствовала верительным грамотам на имя министров-резидентов российских миссий за рубежом; актам международных конвенций и договоров, высочайшим ратификациям договоров. Этой же печатью скреплялись дипломы на дворянское достоинство и грамоты на пожалование штандартов, серебряных труб и различных знаков в награду за подвиги, в память юбилеев и т. п. Наконец, *Малая печать* прилагалась к грамотам на пожалование потомственного и почетного гражданства. Среди актов, скреплявшихся Малой печатью, находились также полномочия, выдаваемые соответствующим лицам на подписание договоров и на участие в различных международных конференциях. Так, в 1905 г. печать приложили к полномочиям гофмейстера графа Кассини и действительного статского советника Бахерахта для участия в Марокканской конференции и к полномочиям статс-секретаря Витте и гофмейстера барона Розена для участия в Портсмутской мирной конференции, которая подвела итог русско-японской войне.

8.2. Методика изучения

Используя в работе такую разновидность делопроизводственной документации, как *материалы деловой переписки*, исследователь должен иметь в виду несколько присущих ей характерных черт. Эта документация: а) взаимосвязана содержанием; б) имеет определенный формуляр; в) в основе нее — инициативный документ.

Формуляр обычно включает: адресата, отправителя, дату (двойную — по юлианскому и по григорианскому календарю, если один из корреспондентов находится за границами России), обращение, содержание, подпись. Так, например, в письме Управления «Продамета» в Правление акционерного общества «Феникс» от 30 октября 1906 г. исследователь находит все перечисленные составляющие формуляра. Процитируем его основные положения¹.

«Милостивые государи.

Ссылаясь на личные с вами переговоры, настоящим имеем честь подтвердить, что с цен на бандажи вчерне, обусловленных с вами заключенною сего числа за № 32/13 заторжкой, заводы-поставщики будут вам делать при расчетах скидку в двадцать пять (25) копеек с каждого пуда поставленных вам бандажей.

Равным образом подтверждаем <...>

С своей стороны вы обязуетесь <...>

Если бы по какому-либо поводу действие существующего ныне между нами и обществами <...>договора <...> прекратилось бы, то в таком случае заключенная с вами заторжка <...> теряет свою силу <...>

Наконец, мы изъявляем согласие, чтобы при расчетах <...>

Настоящее письмо и изложенные в нем условия вступают в силу после получения нами от вас подтверждения вашего согласия на все пункты оною, с подробным повторением таковых!

С совершенным почтением.

Управление О-ва по продаже изделий русских металлургических заводов — Пулавский, Руммель».

Все эти составляющие формуляра присутствуют в деловой переписке вне зависимости от того, принадлежит она государственному учреждению, частной фирме или общественной организации. В практике межгосударственного общения переписка дипломатических представителей наряду с личными и вербальными нотами, личными посланиями глав государств и правительственными нотами, памятными записками и меморандумами играет особую роль.

В отличие от договоров и соглашений, как правило, предполагающих их опубликование (за исключением секретных статей), политические договоренности, оформленные в виде писем дипломатических деятелей, не подлежат огласке. Такая форма нередко используется в тех случаях, когда стороны по тем или иным причинам намерены сохранить в тайне суть и результаты переговоров, а также тогда, когда, несмотря на общность подходов к проблеме, разногласия не преодолены полностью. Рассмотрим методику работы с материа-

¹ Цит. по: Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР. Вып. 2: Период капитализма / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1980. № 32. С. 128 — 130.

лами делопроизводственной переписки на примере комплекса документов, связанных с заключением русско-французского военно-политического союза 1891—1893 гг.¹

Изменения в соотношении сил между державами с последней трети XIX в. постепенно меняли всю картину международных отношений, создавая предпосылки для новых столкновений. Для решения своих основных внешнеполитических задач Россия была заинтересована в сохранении стабильности в Европе и в мире в целом на длительный период. Между тем, в контексте нарастания противоречий с Австро-Венгрией и обострения антагонизма с Великобританией усиление позиций Германии вынудило Россию искать сближения с Францией. Однако конкретные цели и задачи Петербурга и Парижа совпадали неполностью. Во Франции были заинтересованы в том, чтобы получить помощь России на случай войны с Германией, поэтому, прежде всего, хотели заключить военную конвенцию. В России рассчитывали, используя франко-германский антагонизм, поддерживать равновесие сил и избегать вооруженного конфликта. В случае нападения со стороны держав Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Италии) Россия имела бы возможность опереться на Францию. Заключение соглашения с ней было ускорено возобновлением на год раньше срока Тройственного союза и слухами о присоединении к нему Великобритании.

Но опасения, что в результате внутрипартийной борьбы во французской республике оказавшиеся у власти реваншистские силы спровоцируют конфликт, в который будет втянута Россия и, с другой стороны, надежда как можно дольше поддерживать лояльные отношения с Берлином, обусловили стремление Петербурга сохранять в тайне соглашение с Парижем. Эти соображения нашли отражение при заключении договоренностей. Форма обмена письмами, в которую облекалось соглашение, была вызвана тем, что в таком виде оно не подлежало обсуждению во французском парламенте и, следовательно, не разглашалось. В истории дипломатии это соглашение получило наименование «консультативного пакта», поскольку стороны, по существу, договорились о консультациях на случай наступления определенных событий, связанных с угрозой нападения на одну из них.

Инициативным документом при оформлении дипломатического соглашения послужило письмо министра иностранных дел России Н. К. Гирса российскому послу в Париже барону А. П. Моренгейму, датированное 9/21 августа 1891 г. и составленное в Санкт-Петербурге. Приведем его текст полностью обратив особое внимание на лексемы, выделенные курсивом (табл. 8.1).

¹ Цит. по: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. № 40. Заключение франко-русского союза (1891—1893 гг.). М., 1952. С. 277—282.

Таблица 8.1. Сравнительный анализ дипломатической переписки Гирса — Моренгейма — Рибо

Письмо Н. К. Гирса А. П. Моренгейму	Письмо А. П. Моренгейма А. Рибо	Письмо А. Рибо А. П. Моренгейму
<p>«Господин посол, <i>Положение, создавшееся в Европе, в силу открытого возобновления Тройственного союза и более или менее вероятного присоединения Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом, вызвало во время недавнего пребывания здесь г. де-Лабуле обмен мнениями между французским послом и мною с тем, чтобы установить позицию, которая при нынешних условиях, в случае возникновения известных обстоятельств, была бы наиболее целесообразной для обоих наших правительств, которые, оставшись вне какого-либо союза, тем не менее, искренно желают создать самые действительные гарантии для сохранения</i></p>	<p>«Господин министр, Во время моего недавнего пребывания в С.-Петербурге, куда я был вызван по повелению моего августейшего монарха, государю было угодно снабдить меня специальными инструкциями, изложенными в прилагаемом в копии письме, poslanном на мое имя его превосходительством г. Гирсом, министром иностранных дел, которое его величество благоволил предписать мне сообщить правительству республики. Во исполнение этого высочайшего повеления я вменяю себе в обязанность довести этот документ до сведения вашего превосходительства, в твердой надежде, что его содержание, предварительно согласованное и сообща</p>	<p>«Господин посол, Вы сообразовали по приказанию вашего правительства сообщить мне текст письма императорского министра иностранных дел, в коем заключаются <i>специальные инструкции, которыми его величество император Александр решил снабдить вас в результате вызванного общеевропейским положением последнего обмена мнений между г. Гирсом и послом французской республики в Петербурге.</i> Вашему превосходительству было поручено выразить в то же время надежду, что содержание этого документа, предварительно согласованное между двумя кабинетами и формулированное сообща, встретит полное одобрение французского правительства. Я спешу поблагодарить ваше превосходительство за это сообщение. Правительство [республики] может оценить <i>положение, создавшееся в Европе в силу тех обстоятельств, при которых состоялось возобновление Тройственного союза,</i> лишь так же, как это делает императорское правительство, и вместе с ним считает, что наступил момент <i>определить позицию, при нынешней обстановке и при наступлении известных событий наиболее целесообразную для обоих правительств,</i></p>

Письмо Н. К. Гирса
А. П. Моренгейму

мира. Таким образом, мы пришли к формулированию нижеследующих двух пунктов:

1) В целях определения и утверждения сердечного согласия, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, *оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.*

2) *В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны улавливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное*

Письмо А. П. Моренгейма А. Рибо

формулированное нашими двумя кабинетами, найдет полное одобрение французского правительства и что вы, г. министр, соблаговолите, согласно желанию, выраженному г. Гирсом, почтить меня ответом, свидетельствующим о полном согласии, счастливо установившемся на будущее время между нашими двумя правительствами.

Дальнейшее развитие, которое эти два согласованные и установленные сообща пункты не только допускают, но которое должно составить их естественное и необходимое дополнение, может стать предметом доверительных и строго личных переговоров и обмена мнений в тот момент, в который это будет найдено своевременным тем

Письмо А. Рибо А. П. Моренгейму

одинаково стремящихся обеспечить гарантии сохранения мира, заключающиеся в поддержании равновесия сил в Европе. Я счастлив поэтому сообщить вашему превосходительству, что *правительство республики полностью присоединяется к двум пунктам, которые являются предметом сообщения г. Гирса и которые формулированы следующим образом:*

1) В целях определения и утверждения сердечного согласия, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой ***по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.***

2) В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное ***проведение которых окажется*** в случае наступления означенных событий ***необходимым*** для обоих правительств.

Я отдаю себя, впрочем, в ваше распоряжение для обсуждения всех вопросов, которые при нынеш-

проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоятельным для обоих правительств.

Доложив государю об этих переговорах, а равно и текст принятых окончательных формулировок, я имею честь вам ныне сообщить, что его величество соизволил полностью одобрить означенные принципы соглашения и согласиться на принятие их обоими правительствами. Сообщая вам об этой высочайшей воле, я прошу вас довести это до сведения французского правительства и уведомить меня о тех решениях, на которых, со своей стороны, оно остановится.

Примите и проч.

Гирс».

или другим кабинетом, и там, где они сочтут для себя возможным приступить к ним в нужное время.

Отдавая себя на этот случай в полное распоряжение вашего превосходительства, я счастлив воспользоваться подобным случаем, чтобы просить вас принять уверения в моем глубочайшем почтении.

Моренгейм».

нем общеполитическом положении привлекут особое внимание обоих правительств.

С другой стороны, императорское правительство, подобно нам, несомненно, отдает себе отчет в том, насколько важно было бы поручить специальным делегатам, которых следовало бы назначить в ближайший срок, практически изучить те меры, которые надлежит противопоставить событиям, предусмотренным во втором пункте соглашения.

Обращаясь с просьбой довести до сведения императорского правительства ответ французского правительства, я считаю долгом отметить, как ценно было для меня иметь возможность оказать содействие, по мере моих сил, утверждению согласия, которое всегда было предметом наших общих усилий.

Примите и проч.

А. Рибо».

Прибыв в Париж, Моренгейм 15/27 августа 1891 г. препроводил письмо Гирса французскому министру иностранных дел А. Рибо, сопроводив его своим личным письмом на его имя. Приведем также и этот текст полностью и обратим особое внимание на лексемы, выделенные курсивом и жирным шрифтом.

Фрагмент текста письма, выделенный жирным шрифтом, появился по личной инициативе посла. «Дальнейшее развитие <...> переговоров и обмена мнений» никоим образом не предусматривалось Гирсом и, таким образом, Моренгейм существенно превысил рамки своих полномочий, что было поставлено ему на вид руководством МИД. Но А. Рибо воспользовался этим пассажем посла и в своем ответном письме на его имя, составленном в Париже и датированным 15/27 августа 1891 г., не только повторил (при этом не буквально) содержание преамбулы и двух пунктов, сформулированных Гирсом, но и попытался развить соглашение в соответствии с французскими интересами.

Ответ французского правительства закреплял соглашение. Легко заметить, что в письме Рибо повторяются лексемы как из письма Гирса, так и из письма Моренгейма. Таким образом, все три документа составляют известное единство, выстраиваясь в систему. Сопоставление их текстов позволяет: во-первых, выделить смысловое ядро, которое их связывает и несет основную информацию (перелив информации из документа в документ), во-вторых, отчетливо увидеть расхождения в позиции сторон, зафиксированные в тех лексемах, которые не совпадают.

Так, в преамбуле письма Рибо в отличие от преамбулы письма Гирса не упоминает Великобританию, ограничиваясь эвфемизмом *«в силу тех обстоятельств, при которых состоялось возобновление Тройственного союза»*. Цель соглашения в письме Рибо определяется как обеспечение *«гарантии сохранения мира, заключающиеся в поддержании равновесия сил в Европе»*. Между тем в первом пункте письма Гирса говорилось о необходимости *«совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру»*. Тем самым Россия хотела получить поддержку Франции и на случай конфликта с Великобританией, который мог произойти не только в Европе, а Франция пыталась сузить рамки соглашения. Более категорично формулируются в письме Рибо положение о мерах, *«проведение которых окажется <...> необходимым»*, тогда как в письме Гирса говорится *«проведение которых окажется <...> настоящим»*.

Поставленный в заключение письма Рибо вопрос о назначении *«в ближайший срок» «специальных делегатов»*, чтобы *«практически изучить меры»*, имел целью форсировать подписание военной конвенции, но российская сторона в то время оставила его без последствий. Только 5/17 августа 1892 г. проект военной конвенции был выработан и подписан представителями русского и французско-

го Генеральных штабов. Однако почти полтора года Петербург откладывал его окончательное оформление. Ратификация также состоялась в форме обмена весьма секретными письмами.

Приведем текст письма Гирса на имя посла Франции в Санкт-Петербурге Г. Монтебелло от 15/27 декабря 1893 г. и ответного письма Монтебелло Гирсу от 23 декабря 1893 г./4 января 1894 г. также составленного в Санкт-Петербурге (табл. 8.2).

Эти документы завершали оформление союза. Обратим внимание на сходство и различие формулировок, в которых отразилась разница в подходах сторон. У Гирса речь идет об одобрении «текста этого соглашения» в том виде, в котором он был принят «в его настоящей форме» — т.е. в виде проекта военной конвенции. В формулировке Монтебелло говорится о том, что французское правительство рассматривает *«это соглашение <...> как окончательно принятое»*, а *«военную конвенцию <...> как подлежащую выполнению»*.

По обоюдному согласию сторон содержание всего пакета документов, связанных с заключением союза, сохранялось в тайне. Но в условиях обострения международной обстановки в связи с Ближневосточным кризисом 1894—1898 гг. по инициативе Франции был обнародован сам факт существования союза. Это было сделано в 1897 г. в виде тоста на протокольном приеме в ходе визита президента республики Ф. Фора в Россию. Официальные тосты, как и публичные выступления политических деятелей, тщательно готовятся заранее в письменном виде, тем самым тост как исторический источник является политической декларацией и элементом делопроизводства¹. В тостах, которыми обменялись президент и царь на прощальном завтраке, по настоянию французской стороны была использована формулировка «две дружественные и союзные нации». Вчитываясь в тексты этих тостов, нетрудно заметить, что в них косвенно цитируются лексемы из преамбулы и первого пункта письма Гирса Моренгейму о желании «создать действенные гарантии для сохранения мира» и намерении *«совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру»*.

Существенные перемены, произошедшие на международной арене, побудили стороны укрепить союз. Подтверждение его действительности в новых условиях, которое произошло по инициативе Франции в 1899 г., также было оформлено в виде обмена письмами министров иностранных дел. Сопоставим эти документы²: письмо министра иностранных дел России Муравьева министру иностранных дел Франции Делькассе (Санкт-Петербург, 28 июля / 9 августа 1899 г.)

¹ См.: Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории. 5-е изд., испр. М., 2012. С. 296—299.

² Цит. по: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. № 51. Соглашение между Россией и Францией о подтверждении франко-русского союза (август 1899 г.). М., 1952. С. 319—321.

Таблица 8.2. Сравнительный анализ дипломатической переписки Гирса — Монтебелло

Письмо Гирса Г. Монтебелло	Письмо Г. Монтебелло Гирсу
<p>«Господин посол, Изучив по высочайшему повелению проект военной конвенции, выработанный русским и французским генеральными штабами в августе 1892 года, и представив мои соображения императору, я считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что текст этого соглашения в том виде, как он был в принципе одобрен его величеством и подписан ген.-ад. Обручевым и дивизионным генералом Буадефром, отныне может рассматриваться как окончательно принятый в его настоящей форме. Оба генеральных штаба будут иметь, таким образом, возможность периодически сговариваться и обоюдно обмениваться полезными сведениями.</p> <p style="text-align: right;">Гирс».</p>	<p>«Господин министр, Я получил письмо, которое Ваше превосходительство сооблаговостили адресовать мне 15/27 декабря 1893 г. и которым Вы извещаете меня о том, что, изучив по высочайшему повелению проект военной конвенции, выработанной русским и французским генеральными штабами, и доложив императору все свои соображения, Вы сочли долгом уведомить меня, что это соглашение, в том виде, как оно было в принципе одобрено его величеством и как его подписали в августе 1892 года уполномоченные для этой цели правительствами соответствующие представители сторон: — ген.-ад. Обручев и дивизионный генерал Буадефр, может отныне рассматриваться как окончательно принятое.</p> <p>Я поспешил известить об этом решении свое правительство, и я уполномочен заявить Вашему превосходительству, с просьбой довести это решение до сведения е. в. императора, что президент Республики и французское правительство также рассматривают вышеупомянутую военную конвенцию, текст которой одобрен той и другой стороной, как подлежащую выполнению. В силу этого соглашения оба генеральных штаба теперь будут иметь возможность периодически сговариваться и обоюдно обмениваться полезными сведениями.</p> <p style="text-align: right;">Монтебелло».</p>

и письмо министра иностранных дел Французской республики Делькассе министру иностранных дел России Муравьеву (Санкт-Петербург, 28 июля/9 августа 1899 г.) (табл. 8.3).

Ключевые положения из писем, которыми обменялись Гирс и Монтебелло, повторяются и в текстах этих писем. Вместе с тем этими документами условия соглашения были отчасти скорректированы: срок действия военной конвенции не ограничивался теперь временем существования Тройственного союза, а задача Двойственного союза формулировалась как *«поддержание всеобщего мира и равновесия европейских сил»*. Это объяснялось тем, что колониальные противоречия между Великобританией и Францией нарастали, и она была заинтересована теперь не только в равновесии европейских сил, но и в поддержании всеобщего мира, а, с другой стороны, обострились русско-германские отношения.

Хотя «строжайшая тайна» по-прежнему должна была тщательно соблюдаться, отголоски внесенных в документы изменений нашли отражение в программных тостах, которыми обменялись президент республики и царь во время визита последнего во Францию в 1901 г. Э. Лубе, напомнив о заключении и провозглашении союза, подчеркнул, что он «успел утвердиться» и «могущественно способствовал *поддержанию равновесия между силами европейских государств*», что составляет «необходимое условие мира, который, чтобы быть плодотворным, не мог оставаться неупроченным». Николай II в ответном тосте сказал, что узы, связывающие две страны, «были только что еще закреплены и получили новую санкцию». Опытное ухо могло услышать здесь парафраз ключевого положения текста писем, которыми обменялись Муравьев и Делькассе. В дальнейшем Париж старался сделать конвенцию максимально выгодной для себя. 4-я статья военной конвенции предусматривала проведение регулярных совещаний начальников Генеральных штабов двух стран, но в 1892—1900 гг. они не собирались. С 1900 по 1913 г. состоялось 9 совещаний, в ходе которых составлялся протокол, где фиксировались позиции сторон. Все эти документы позволили проследить постепенную трансформацию обязательств в пользу Франции, добившейся таких изменений в конвенции, которые в известной степени сковывали самостоятельность военного руководства России, связав его исполнением замыслов союзницы. О содержании 5-й статьи конвенции — о незаключении сторонами сепаратного мира — современники узнали из тоста на банкете в честь 25-летия союза во время визита в Петербург делегации французских политических деятелей. Один из них заявил: «Мы находимся сейчас в самом разгаре войны. Мы будем продолжать ее без милосердия, мы сообща доведем ее до конца, *не допуская и мысли о сепаратном мире*».

Таким образом, внимательный текстологический анализ совокупности материалов делопроизводства позволяет исследователю точнее и полнее интерпретировать факты и документы.

Таблица 8.3. Сравнительный анализ дипломатической переписки Муравьева — Делькассе

Письмо Муравьева Делькассе	Письмо Делькассе Муравьеву
<p>«Те несколько дней, которые Ваше превосходительство провели среди нас, позволят Вам, как я надеюсь, еще раз убедиться в прочности уз горячей и неизменной дружбы, соединяющих Россию и Францию.</p> <p>Подтверждая эти чувства и отвечая на пожелание, высказанное Вами его величеству, император соизволил уполномочить меня сделать Вам, господин министр, предложение об обмене письмами, должествующими установить, что императорское российское правительство и правительство Французской республики, непрестанно озабоченные поддержанием всеобщего мира и равновесия европейских сил, подтверждают дипломатическое соглашение, оформленное письмом г. Гирса от 9/21 августа 1891 г. и письмом барона Моренгейма от 15/27 августа 1891 г. и ответным письмом г. Рибо от того же 15/27 августа 1891 г. Они постановляют, что проект военной конвенции, который явился дополнением к дипломатическому соглашению и о котором упоминается в письме г. Гирса от 15/27 декабря 1893 г. и в письме гр. Монтебелло от 23 декабря 1893/4 января 1894 г., будет иметь силу столько же времени, как и дипломатическое соглаше-</p>	<p>«В прошлое воскресенье, когда е. и. величество соблаговолил выслушать мое мнение о полезности подтвердить дипломатическое соглашение от августа 1891 года и установить для военной конвенции, заключенной вслед за ним, тот же срок действия, что и для дипломатического соглашения, его величество соизволил мне заявить, что его собственные чувства совершенно совпадают со взглядами правительства республики.</p> <p>Сегодня утром Вы соизволили сообщить мне, что его императорскому величеству угодно было одобрить следующую формулировку, к которой со своей стороны полностью присоединились президент республики и французское правительство, и относительно которой полная договоренность была предварительно достигнута Вашим превосходительством и мною:</p> <p>императорское российское правительство и правительство Французской республики, непрестанно озабоченные поддержанием всеобщего мира и равновесия европейских сил, подтверждают дипломатическое соглашение, оформленное письмом г. Гирса от 9/21 августа 1891 г. и письмом барона Моренгейма от 15/27 августа 1891 г. и ответным письмом г. Рибо от того же 15/27 августа 1891 г. Они постановляют, что проект военной конвенции, который явился дополнением к диплома-</p>

Письмо Муравьева Делькассе	Письмо Делькассе Муравьеву
<p>ние, заключенное в целях обеспечения общих и постоянных интересов обеих стран. Строжайшая тайна в отношении содержания и даже существования упомянутых соглашений должна быть тщательно соблюдается обеими сторонами.</p> <p>Обращаюсь к Вам, г-н Министр, с этим сообщением, пользуясь случаем вновь выразить Вам глубокое свое уважение.</p> <p style="text-align: right;">Граф Муравьев».</p>	<p>тическому соглашению и о котором упоминается в письме г. Гирса от 15/27 декабря 1893 г. и в письме гр. Монтебелло от 23 декабря 1893/4 января 1894 г., будет иметь силу столько же времени, как и дипломатическое соглашение, заключенное в целях обеспечения общих и постоянных интересов обеих стран.</p> <p>Строжайшая тайна в отношении содержания и даже существования упомянутых соглашений должна быть тщательно соблюдается обеими сторонами.</p> <p>Меня радует, г. министр, что несколько дней, проведенные мною в С-Петербурге, позволили мне еще раз убедиться в прочности уз горячей и неизменной дружбы, соединяющих Россию и Францию, и я прошу Вас принять еще раз уверение в моем глубоком уважении.</p> <p style="text-align: right;">Делькассе».</p>

ЗАДАНИЯ

- Используя материалы этого пособия и главы 8 «Делопроизводственная документация» в учебном пособии А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории», охарактеризуйте основные задачи и приемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов второй половины XIX — начала XXI вв.
- В тексте документов, опубликованных в главе 8 пособия, выявите лексемы и грамматические формы, в которых при заключении русско-французского союза проявились позиции сторон: а) русской; б) французской. Объясните, как та или иная формулировка пунктов соглашения выявляла интересы союзных держав.
- Используя материалы пособия, самостоятельно проведите источниковедческое изучение комплекса делопроизводственных документов (по своему выбору). Обсудите работу с преподавателем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ананьин Б. В., Панях В. М. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. Т. 2 (120). М., 1999.

Борисова Л. В. Протоколы Президиума ВСНХ (1917 — 1920 гг.): опыт источниковедческого анализа // Исторические записки. М., 1988. Т. 116.

Воронкова С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства: источниковедческое исследование. М., 1975.

Георгиев А. В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия // Истории СССР. 1988. № 4.

Голиков А. Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980.

Лисовина А. П. Теория и методика исследования годовых отчетов социалистических предприятий как исторического источника. Кишинев, 1983.

Рыбачёнок И. С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец, 1891 — 1897: Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М., 2004.

Шепелёв Л. Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX — начала XX в. // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

9.1. Общая характеристика

Статистические источники представляют собой сложный по происхождению и составу комплекс документов, в которых зафиксированы систематические сведения и данные, целенаправленно собираемые для принятия обоснованных управленческих решений. Эти материалы характеризуют количественные закономерности истории человеческого общества в неразрывной связи с их качественным содержанием. Отличительной чертой статистических источников является многоэтапность их создания.

Статистические источники возникают в процессе сбора, обработки, анализа и публикации информации об объекте изучения. Они включают: программу текущего учета сведений или проведения специальных статистических работ; первичные документы учета; сводки данных; публикации результатов исследований. Статистические источники, как и всякие другие, представляют собой не действительность, которую характеризуют содержащиеся в них данные, а ее отражение. При использовании прошлого в качестве исходной базы исследования этой субъективизированной картины необходим ее предварительный критический анализ. В отношении статистических источников такой анализ всегда многоэтапен.

Программа, в соответствии с которой создаются статистические источники, во многом определяет состав, полноту, сопоставимость собираемых сведений об объекте изучения. Так, в дореволюционной России метрические книги записи рождений и смертей вели приходские священники. Поэтому в них фиксировался не факт рождения, а акт крещения, и младенцы, умершие до крещения, вообще не учитывались. Не точны данные метрических книг и о числе умерших. В результате церковная статистика не отражала адекватно численность населения.

Наиболее полные демографические сведения содержат материалы общегосударственных переписей. Такие единовременные обследования проводятся в нашей стране с конца XIX века. Необходимо помнить, что территория государства и его внутреннее административное деление в XX веке неоднократно изменялись. Исследователи должны учитывать это обстоятельство при сопоставлении данных демографической статистики за разные годы. Перепись населения 1897 г. проводилась в существовавших тогда границах Российской империи. Первая советская перепись прошла в августе 1920 г., она

была одновременно и демографической, и профессиональной, и сельскохозяйственной, с переписью населения был соединен также учет промышленных предприятий. В условиях гражданской войны в перепись не были включены сведения о примерно 28 % населения страны, находившегося в районах военных действий. Первая общесоюзная перепись, полностью охватившая все население СССР, состоялась в декабре 1926 г. Она отразила те изменения, которые произошли в связи с вхождением в состав Союза отдельных республик и областей, а также в результате отделения Финляндии, Прибалтики, Польши.

При сопоставлении программы переписи ее авторы определяют перечень вопросов, которые включаются в переписные листы, и правила по заполнению последних. Заметим, что один и тот же термин, характеризующий признак социально-демографического учета, составители статистических источников могут понимать неодинаково. Поэтому, прежде чем сопоставлять данные, например переписей населения СССР, исследователь должен провести анализ их конкретного содержания.

Известно, что существенным показателем экономического развития государства является соотношение численности городского и сельского населения. При проведении демографических исследования критерий разделения поселений на городские и сельские менялся. Первые советские переписи населения относили к городским поселениям не только города и поселки, статус которых был установлен в административном порядке, но и прочие населенные пункты, если основным занятием их жителей не являлось сельское хозяйство. При проведении переписи 1926 г. право утверждать списки населенных мест, считающихся поселениями городского типа, было предоставлено статистическим службам. В последующих переписях городским считалось только население городов, рабочих поселков и поселков городского типа, за которыми этот статус был закреплен законодательно.

Советские переписи неизменно выделяли в социальной структуре населения страны общественные группы «рабочие» и «служащие». Однако в разное время состав этих групп определялся по-разному. В 1920-е гг. к этим категориям относили всех занятых наемным трудом. Но в материалах переписей, проводившихся позднее, рабочие и служащие учтены раздельно. Первыми было принято считать граждан, по преимуществу занятых физическим трудом, вторыми — тех, чьи занятия были связаны преимущественно с умственным трудом. Поскольку критерий, положенный в основу такого классификационного деления, был обозначен с оговоркой «по преимуществу», на практике статистики руководствовались справочными пособиями, целью составления которых было обеспечить единообразие подходов при кодировании данных о респонденте. Но если в инструкции для проведения переписи 1959 г., например, парикмахеры, маникюрши,

фотографы, продавцы, машинистки были отнесены к социальной категории «служащие», то в материалах переписи 1970 г. представители этих же профессий значились уже как «рабочие». А заведующие колхозными фермами, считавшиеся раньше «рабочими», в переписи 1970 г. были причислены к категории «служащие».

Первичные материалы статистического учета редко сохраняются в архивах. Историки могут отчасти реконструировать их состав и правила оформления, обратившись к регламентирующим документам. Применительно к организации текущей статистики эту функцию нередко выполняли также учебные пособия, в которых обобщался опыт и высказывались практические рекомендации.

Так, в связи с необходимостью организации систематического бухгалтерского учета в частнокапиталистических предприятиях, в до-революционной России были изданы многочисленные руководства по счетоводству. В России была принята двойная система счетоводства, предполагавшая запись каждой операции одновременно в двух корреспондирующих счетах: по дебету одного счета и по кредиту другого. На основе принципа двойного учета возник ряд счетоводческих форм, различающихся между собой составом и правилами ведения бухгалтерских книг. Поэтому прежде чем пользоваться материалами этих книг как источником, следует ознакомиться с правилами их составления.

Бухгалтерские книги делились на основные и вспомогательные. Основные отражали все основные обороты предприятия, вспомогательные — отдельные хозяйственные обороты, в них разрабатывались соответствующие счета основных книг, что позволяло вести последние более сжато. Записи во вспомогательных книгах более подробны, учет в них велся в отличие от основных книг не только в денежном, но и в натурально-количественном выражении.

Как правило, велись две основные бухгалтерские книги: Журнал и Главная. В первую из них (хронологическую) по каждой операции заносились сведения о времени совершения и содержании операции, названии счетов дебитора и кредитора, сумме операции, а также делалась ссылка на оправдательный документ. Однородные операции показывались в Журнале суммарно, и в этом случае разбивка общей суммы по операциям производилась во вспомогательных книгах. После того как операции были проведены по Журналу, они разносились по счетам Главной книги, которые открывались по основным операциям предприятия (в отличие от Журнала Главная книга, или просто Главная, являлась не хронологической, а систематической). В Главной книге каждому счету отводились две страницы, составлявшие одно фолио. В каждый счет (в соответствующие его графы) заносились сведения о времени совершения операции, о том, какому счету дебетуется или за каким счетом кредитруется данная операция. Вместо объяснительного текста, как правило, делалась ссылка на номер журнальной статьи. Одновременно со ссылкой на нее в

счете Главной книги Журнала делалась ссылка на фолио названного счета Главной книги.

Данные бухгалтерского учета в обобщенной форме регулярно сообщались руководителям предприятия. Первичные материалы в течение определенного времени должны были находиться в архиве фирмы. После национализации частнокапиталистических предприятий бухгалтерские книги вместе с другими документами фондообразователей поступили в государственные архивы СССР.

В распоряжении историков, изучающих прошлую действительность по статистическим источникам, находятся главным образом публикации сводок первичных материалов. Исследователь должен уметь оценить репрезентативность данных источника и надежность зафиксированной в нем информации. В методическом отношении представляется полезным опыт И. Д. Ковальченко, проанализировавшего сведения о ценах на землю, тягловый скот и рабочую силу в конце XIX — начале XX в. в связи с изучением всероссийского аграрного рынка¹.

Материалы о ценах на землю в пореформенной России за период с 1863 по 1910 г. опубликованы Министерством финансов в 1896—1917 гг. в 25 выпусках в составе серии «Материалы по статистике движения землевладения в России». В издании обобщены сведения о купле-продаже частновладельческих земель, зафиксированные в нотариально заверенных купчих крепостях и напечатанные в Сенатских объявлениях. Репрезентативность этих данных заведомо высока, поскольку именно частновладельческие земли составляли фонд свободно обращающихся земель. Поэтому при изучении земельного рынка цены на эти земли представляли первостепенный интерес. Надежность сведений также в целом не вызвала сомнений. Количество продаваемой земли в купчих крепостях указывалось точно, поскольку в этом был заинтересован покупатель. Цены, разумеется, могли отклоняться от действительной рыночной стоимости земли, но при учете большого числа сделок, как выяснил исследователь, «они в очень большой степени взаимопогашались, и средние цены вполне отражали реальную картину».

Статистики Министерства финансов систематизировали сведения купчих крепостей по сословной принадлежности продавцов и покупателей, размерам участков, числу сделок, количеству проданной земли, ее стоимости как общей, так и подесятинной. Были составлены годовые сводки данных по большим районам, по губерниям, а иногда и по уездам. Всего только за 1863—1902 гг. были учтены 911,3 тыс. сделок, или в среднем по каждой губернии по 500 сделок в год. «Если учесть, что доля сделок, не учтенных при обработке, была очень невелика (всего несколько процентов от общего числа),

¹ См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок: XVIII — начало XX века: опыт количественного анализа. М., 1974. С. 243—246.

то перед нами тот редкий случай, когда исследователь располагает данными, охватывающими почти всю изучаемую совокупность», — делает вывод ученый.

В отличие от цен на землю доступные статистические данные о ценах на рабочих лошадях и рабочую силу являются выборочными. Они опубликованы в серии «... год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев» и охватывает период с 1881 по 1915 г. Сведения собирались Министерством земледелия и государственных имуществ через добровольных корреспондентов на местах: помещиков, управляющих имениями, сельских священников, представителей уездных земских управ и волостных правлений, местной администрации. Компетентность корреспондентов в вопросах, на которые они давали ответы, неофициальный и добровольный характер анкетирования обеспечивали в целом высокую достоверность сведений.

В Министерстве данные анкет обрабатывались, обобщались в масштабе губерний или губерний и уездов и готовились к печати. По ценам на хлеб, рабочих лошадях и рабочую силу составлялись таблицы, в которых по соответствующим показателям выводились средние из всех ответов и указывались минимальные и максимальные значения. Сведения опубликованы по каждой губернии Европейской России. Репрезентативность данных в целом является высокой. В течение всего периода проведения исследования в каждом уезде было хотя бы несколько корреспондентов. Поэтому, подвел итог своим наблюдениям ученый, «губернские показатели действительно являются среднегубернскими, что особенно важно при изучении аграрного рынка».

9.2. Методика изучения

Многоэтапность создания статистических источников обусловила многократность субъективизации зафиксированной в них информации. На каждом из этапов — разработки программы сбора сведений, ее реализации, обработки первичных материалов и подготовки статистических трудов — составители (субъекты), исходя из собственных представлений об объекте изучения и стоящих перед ними задачах, по-своему корректировали материал. В результате возникали дополнительные искажения исходной картины действительности, получившие отражение в источнике.

Проследим этот процесс на примере социологического изучения динамики и проблем уровня жизни населения СССР, организованного в августе—сентябре 1960 г. редакцией газеты «Комсомольская правда» в рамках рубрики «Институт общественного мнения». Материалы этого исследования, сохранившиеся в личном архиве

Б. А. Грушина, руководившего проводившимися тогда работами, опубликованы им в 2001 г.¹

В качестве метода данного социологического исследования использовался анкетный выборочный опрос на основе условной стратифицированной непропорциональной выборки и техники самозаполнения. Стратифицированная выборка, или метод квот, при котором состав будущих респондентов (в зависимости от задач опроса) определяется в соответствии с их принадлежностью к тем или иным социально-демографическим группам, позволяет, при прочих равных условиях, получать вполне репрезентативные данные об объекте изучения.

Для того чтобы обеспечить при проведении опроса максимально широкий охват экономико-географических районов страны, был использован оригинальный прием: анкету предложили заполнить пассажирам 65 поездов дальнего следования, отправлявшихся со всех девяти железнодорожных вокзалов Москвы по 65-ти маршрутам: в лежащую за Полярным кругом Воркуту и на южные курорты Черного моря, к берегам Тихого океана и предгорья Карпат. Пунктами назначения этих составов были столицы всех союзных республик, большие и малые города.

Чтобы повысить репрезентативность данных, анкетёры — проводники вагонов, в соответствии с разработанной инструкцией для исполнителей полевых работ, должны были ориентироваться преимущественно на пассажиров, направлявшихся в конечный (или максимально удаленный от Москвы) пункт каждого маршрута и следить за тем, чтобы количество опрашиваемых в каждом вагоне пассажиров-москвичей не превышало трех человек. Общее количество опрашиваемых в каждом вагоне было определено в 25 человек, при этом в примерно равной пропорции следовало опросить мужчин и женщин, молодых людей и людей в возрасте.

Для того чтобы в опросе смогли принять участие граждане, имевшие разный уровень доходов, в выборку были включены пассажиры всех типов вагонов (общих, купейных, мягких, спальных) в соответствии с реальной их пропорцией в условном среднем пассажирском составе, «ходившем» в СССР в 1960 г. Респонденты находились в поездах, отправившихся по маршрутам различной степени дальности и, следовательно, стоимости билетов. Значительную часть регулярно пользовавшихся услугами железнодорожного транспорта составляли командировочные, проезд которых оплачивали направившие их предприятия и организации.

¹ См.: Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. М., 2001. (Общие итоги исследования были опубликованы Б. А. Грушиным и В. В. Чикиным в газете «Комсомольская правда» 7 октября 1960 г.)

Наконец, хотя вопросы формально адресовались отдельным респондентам, зафиксированные в анкетах сведения о членах семьи, находящихся на иждивении работающих (домохозяйках, пенсионерах, учащихся), расширяли фактически репрезентативность выборки за счет косвенного учета групп населения, которые в силу образа жизни или материального положения сравнительно редко пользовались поездками дальнего следования. Колхозник — единственная категория населения, количественная представительность участия которой в опросе, проводившемся в конце лета, в страдную пору в деревне, по объективным причинам не была предусмотрена программой исследования. Поэтому данные опроса выявляли общественное мнение прежде всего городского населения.

Целью исследования было выявить отношение советских людей к осуществленным во второй половине 1950-х гг. мероприятиям правительства СССР, по-разному сказавшимся на конкретных категориях населения: снижению цен на продукты питания и товары; расширению жилищного строительства; сокращению рабочего дня; упорядочению заработной платы, предусматривающему сближение величины должностных окладов низко- и высокооплачиваемых работников и пересмотр тарифных расценок и др. Планировалось измерять результаты произошедших изменений в качестве жизни на уровне субъективных ощущений людей, а также определить отношение общественного мнения к отдельным направлениям деятельности правительства и собрать предложения относительно путей и способов решения наиболее острых социальных проблем.

Программа исследования включала получение ответов на четыре содержательных вопроса: 1. Как изменился уровень вашей жизни за последние годы? (повысился, остался без изменений, понизился). 2. В чем это выразилось, с чем вы это связываете прежде всего? 3. Какую проблему вы считаете первоочередной? (Сокращение рабочего дня. Производство товаров широкого потребления. Жилищное строительство. Улучшение бытового обслуживания. Производство продуктов питания. Рост заработной платы. Расширение сети детских учреждений). 4. Что бы вы могли предложить для быстреего решения выдвинутой вами проблемы?

Содержание высказанных мнений должно было фиксироваться с учетом пяти социально-демографических признаков респондентов: пола, возраста, рода занятий, состава семьи (с уточнением числа работающих и иждивенцев) и места жительства. При этом в последнем случае необходимо было указать тип поселения и экономико-географический район страны.

На вопросы анкеты ответили 1 399 респондентов. Они представляли население всех союзных республик СССР, 15 из 19-ти автономных республик, всех 6 краев и 49 областей РСФСР, 19 областей Украинской ССР, 10 областей Казахской ССР, 6 областей Белорусской ССР и т. д. В тех случаях, когда число опрошенных жителей региона

было недостаточным, чтобы получить сведения о всех предусмотренных программой группах населения, данные объединялись в масштабе более широких региональных образований типа: «Дон, Северный Кавказ, республики Закавказья», «Восточная Сибирь и Дальний Восток», «Казахстан и республики Средней Азии».

Состав участников опроса характеризуют следующие количественные данные (в абсолютных цифрах и в процентах к общему числу респондентов):

• по полу		
мужчины (Муж)	830	59,3 %
женщины (Жен)	569	40,7 %
• по возрасту		
до 30 лет (до 30)	583	41,7 %
30—55 лет (30—55)	750	53,6 %
56 лет и старше (56 и ст.)	66	4,7 %
• по роду занятий		
рабочие (Рабоч)	476	34,0 %
инженерно-технические работники (Инж-тех)	184	13,2 %
служащие (Служ)	467	33,4 %
колхозники (Колхоз)	32	2,3 %
военнослужащие (Воен)	105	7,5 %
школьники и студенты (Учаш)	45	3,2 %
пенсионеры (Пенс)	43	3,1 %
домохозяйки (Домхоз)	47	3,3 %
• по составу семьи		
половина и более работающих (>Работ)	919	65,7 %
более половины иждивенцев (<Иждив)	480	34,3 %
• по месту жительства		
Москва (Москва)	179	12,8 %
Центр России (Центр)	386	27,6 %
Северо-Запад и Север России (Сев Зап/Сев)	128	9,1 %
Поволжье (Поволж)	56	4,0 %
Дон, Сев. Кавказ и респ. Закавказья (Дон/Кавказ)	80	5,7 %
Урал (Урал)	100	7,1 %
Западная Сибирь (Зап Сиб)	85	6,1 %
Вост. Сибирь и Дальний Восток (Вост Сиб/ДВ)	98	7,0 %
республики Прибалтики (Прибалт)	22	1,6 %
Белоруссия (Белорус)	43	3,1 %
Украина (Украина)	115	8,2 %
Молдавия (Молдав)	15	1,1 %
Казахстан и респ. Сред. Азии (Каз/Сред Азия)	65	4,6 %
район не указан (неопред)	27	2,0 %

Полученные материалы первичного учета содержали ответы на четыре вопроса анкеты, указанные в программе исследования, которую собственноручно заполняли респонденты.

Приведем несколько примеров ответов. Шахтер, 28 лет, г. Инта, Коми АССР (семья — 3 человека, работает один): «1. Повысился. 2. Это связано с мероприятиями партии и правительства по сокращению рабочего дня и повышению заработной платы рабочим. Так, по сравнению с 1957 годом зарабатываем теперь при сокращенном рабочем дне на 50—60 % больше и продукцию выпускаем лучшего качества. 3. Жилищное строительство. Производство продуктов питания. Рост заработной платы. Расширение сети детских учреждений. 4. Жилищное строительство много страдает от бесхозяйственности руководителей и самих рабочих. Много строительных материалов, примерно двадцать процентов, разбивается, затапывается в грязь, приводится в негодность. На строительство постоянно не хватает рабочей силы. Чтобы устранить этот недостаток, надо повысить заработную плату строителям».

Домохозяйка, 46 лет, г. Москва (семья — 5 человек, работает один муж): «1. Понизился. 2. Снизилась заработная плата у мужа в связи с ее упорядочением. 3. Сокращение рабочего дня. 4. Нужно воспитывать у рабочих сознательное отношение к труду. Ввести рабочий контроль над внедрением рационализации и механизации в производство, а также контроль за работой органов сбыта. Привлекать к полезному труду домашних хозяек путем устройства на предприятиях смен с 4-часовым рабочим днем».

Инженер и преподаватель, 60 лет, Пермская обл. (семья — 5 человек, в том числе дочь-студентка школьницы 16 и 14 лет, работает один): «1. Остался без изменения. 2. Качество продуктов и товаров в провинции хуже, чем в больших городах. Это бьет по зарплате. 3. Производство продуктов питания. Улучшение бытового обслуживания. 4. Ликвидировать очереди в магазинах. Все семьи снабдить дешевыми холодильниками, а в новых домах их монтировать при строительстве. Больше магазинов без продавцов! Лучше планировать сезонную торговлю».

Студент, 24 года, г. Тбилиси, Грузинская ССР (семья — 3 человека, работающих нет): «1. Понизился. 2. Наша семья состояла из четырех душ: отец, мать и нас два брата. Жили все в одной комнате. Мы с братом женились, у нас родились дети, а комната одна и та же. 3. Жилищное строительство. 4. Стройку жилых зданий объявить народной. Лично я с удовольствием поработаю 30 дней в году и больше».

Учительница, 25 лет, г. Свердловск (семья — 4 человека, работают двое): «1. Безусловно повысился. 2. Снизились цены на товары. У мужа увеличилась заработная плата. Сократился рабочий день, а это дает возможность больше времени уделять семье, заниматься самообразованием. Муж учится в заочном институте; в последнее время ему стали давать отпуск на 10 дней больше для сдачи экзаменов с сохранением заработной платы. 3. Рост заработной платы. 4. Думаю, что учителям школ необходимо увеличить заработную плату.

Причем сделать это можно путем сокращения часов преподавания с 18 до 15 в неделю, сохранив прежний заработок. Кроме того, надо уменьшить контингент учащихся в классах до 30 — 35 человек».

После кодировки сведений, сообщенных респондентами, в редакции «Комсомольской правды» были сделаны количественные подсчеты полученных данных и составлены таблицы, подытоживающие результаты опроса. Через четыре десятилетия Б. А. Грушин повторно обработал эту информацию, используя методы компьютерного анализа, и представил полученные результаты в восьми таблицах, которые воспроизведены ниже (табл. 9.1 — 9.8).

Как видим, в ходе исследования удалось произвести своего рода замер субъективных ощущений советских людей, связанных с изменением их материального благосостояния. Без малого три четверти опрошенных в ответе на первый вопрос анкеты отметили повышение уровня своей жизни. Это массовое ощущение было не только господствующим, но главное — всеобщим и повсеместным. Как ясно из табл. 9.1, даже в наименее удовлетворенных группах опрошенных — домохозяйек и жителей Молдавской ССР — количество отметивших рост своего жизненного уровня превышает 50 %.

Таблица 9.1. Ответы на вопрос: «Как изменился уровень вашей жизни за последние годы?» (в % к общему числу опрошенных, n = 1399)

Группа	Повысился	Остался без изменений	Понизился	Итого
В целом	73,2	19,8	7,0	100,0
Муж	72,0	20,4	7,6	100,0
Жен	74,9	19,0	6,1	100,0
До 30	75,8	19,2	5,0	100,0
30-55	71,3	20,4	8,3	100,0
56 и ст	71,2	18,2	10,6	100,0
Рабоч	72,7	20,6	6,7	100,0
Инж-тех	72,3	18,5	9,2	100,0
Служ	74,9	20,6	4,5	100,0
Колхоз	87,5	9,4	3,1	100,0
Воен	71,4	23,8	4,8	100,0
Учащ	80,0	8,9	11,1	100,0

Группа	Повысился	Остался без изменений	Понижился	Итого
Пенс	69,7	16,3	14,0	100,0
Домхоз	55,3	21,3	23,4	100,0
> Работ	77,4	18,4	4,2	100,0
> Иждив	65,2	22,5	12,3	100,0
Москва	68,7	22,9	8,4	100,0
Центр	74,2	17,8	8,0	100,0
Сев-Зап/Сев	68,7	22,7	8,6	100,0
Поволж	73,2	17,9	8,9	100,0
Дон/Кавказ	80,0	17,5	2,5	100,0
Урал	76,0	17,0	7,0	100,0
Зап Сиб	81,2	17,6	1,2	100,0
Вост-Сиб/ДВ	71,4	20,4	8,2	100,0
Прибалт	81,8	18,2	0,0	100,0
Белорус	69,7	23,3	7,0	100,0
Украина	68,7	20,9	10,4	100,0
Молдав	53,4	33,3	13,3	100,0
Каз/Сред Азия	76,9	15,4	7,7	100,0
Неопред	66,6	26,0	7,4	100,0

Ответы на второй вопрос свидетельствуют, что такая оценка была обусловлена не сиюминутным настроением респондентов, а имела в основе реальные изменения в сфере материального благосостояния народа. Табл. 9.2 дает представление о том, какие факторы, по мнению принявших участие в опросе, оказали наибольшее влияние на улучшение их положения. Спектр высказанных суждений оказался значительным. В целом первые позиции в рейтинге высказанных мнений заняли четыре фактора: рост заработной платы, улучшение в снабжении товарами широкого потребления и продуктами питания, сокращение рабочего дня. В ответах пенсионеров на первой позиции ожидаемо оказался фактор «увеличение размеров пенсии».

Таблица 9.2. Ответы на вопрос: «В чем выразилось повышение уровня вашей жизни, с чем это связано прежде всего?» (в % к числу опрошенных, отметивших повышение своего жизненного уровня, $n_1 = 1024$)

Группа	Рост заработной платы	Улучшение снабжения товарами широкого потребления	Улучшение снабжения продуктами питания	Сокращение рабочего дня	Увеличение заработной платы в связи с перемещением по должности, окончанием учебы	Улучшение жилищных условий	Снижение розничных цен на продукты и товары	Отмена, снижение налогов; прекращение проведенных государственных займов	Увеличение размеров пенсии	Рост доходов семьи в связи с увеличением числа работающих членов
В целом	30,6	21,9	19,9	17,5	11,5	11,2	10,3	7,4	3,7	1,2
Муж	30,6	21,3	20,6	17,7	7,5	11,0	10,2	7,7	2,8	1,5
Жен	30,6	22,7	19,0	17,1	17,1	11,5	10,5	7,0	5,0	0,9
Рабоч	28,6	17,9	14,1	27,5	8,9	8,9	7,5	7,8	2,0	1,4
Инж.-тех	40,6	24,8	26,3	21,8	21,8	12,8	14,3	6,0	5,3	2,3
Служ	36,6	24,3	22,3	10,8	14,3	12,3	12,0	8,0	2,6	0,3
Колхоз	28,5	21,4	17,8	0,0	7,1	0,0	3,5	21,4	7,1	3,5
Воен	16,0	26,6	18,7	13,3	4,0	16,0	10,7	5,3	2,7	2,7
Учаш	13,9	16,6	22,2	2,8	5,6	11,1	11,1	2,8	0,0	2,8
Пенс	3,3	16,6	26,6	3,3	0,0	13,3	13,3	3,3	36,6	0,0
Домхоз	23,1	26,9	26,9	19,2	3,8	15,4	7,7	3,8	0,0	0,0
> Работ	31,3	20,5	19,4	16,9	14,3	11,1	10,1	6,7	2,5	1,7
> Ижлив	28,7	24,9	21,1	18,8	5,1	11,5	10,8	8,9	6,4	0,3

Вместе с тем были выявлены оценки, типичные для определенных групп респондентов. Важное значение для инженерно-технических работников имело увеличение заработной платы в связи с изменением должностного положения, а также в связи с окончанием учебы. Военнослужащие отметили улучшение жилищных условий. Колхозники подчеркнули первостепенную роль фактора «отмена, снижение налогов; прекращение проведений государственных займов», но косвенно указали на малозначительность в то время для данной категории населения СССР факторов «сокращение рабочего дня» и «улучшение жилищных условий».

Из числа респондентов, которые указали, что их положение ухудшилось, на второй вопрос ответили 98 человек (табл. 9.3). Главные причины изменений большинство видело в потере разного рода льгот, надбавок к заработной плате, снижении заработной платы. Кроме того, для отдельных категорий определяющую роль сыграли другие факторы: увеличение числа неработающих членов семьи в связи с рождением ребенка — прежде всего для женщин; выход на пенсию — для пенсионеров; поступление на учебу — для учащихся; ухудшение снабжении продуктами питания — для инженерно-технических сотрудников.

Ответы на третий вопрос позволяли ранжировать проблемы с точки зрения их социальной значимости (табл. 9.4). Следует иметь в виду, что для ответа в анкете предлагалось в качестве «подсказки» семь проблем на выбор и, будучи неальтернативным (т.е. допускающим более одного ответа), этот вопрос должен был породить множество их комбинаций. Однако фактически главное внимание участники опроса уделили двум темам. Более половины респондентов считали первоочередной проблемой жилищное строительство. Наиболее высокий показатель здесь у группы «военнослужащие» (71,4 %), что объяснялось проводившимся сокращением армии, и у группы «учащиеся» (60 %) в которую входили молодые люди, нередко уже имеющие семью, но живущие с родителями. Примерно треть опрошенных полагали, что приоритет должен быть отдан повышению заработной платы.

Ответы на четвертый вопрос, обобщенные в табл. 9.5, дают представление о диапазоне подходов, на основе которых, по мнению респондентов, было возможно дальнейшее повышение уровня жизни граждан. Поскольку наиболее острой социальной проблемой, согласно данным опроса, была жилищная, наибольшее количество предложений было направлено именно на ее скорейшее решение. Выделялись в количественном отношении также рекомендации, направленные на обеспечение роста доходов населения, совершенствование процессов труда, торговли и бытового обслуживания населения, развитие сети дошкольных учреждений. Обратим внимание, что позиции 3, 7, 8, 10 табл. 5 характеризуют не личностный, а государственный подход респондентов к вопросам, касающимся их, казалось бы,

Таблица 9.3. Ответы на вопрос: «В чем выразилось понижение уровня вашей жизни, с чем это связано прежде всего?» (в % к числу опрошенных, отметивших понижение своего жизненного уровня, $n = 98$)

Группа	Потеря разного рода льгот, надбавок к заработной плате	Снижение заработной платы	Уменьшение заработной платы в связи с перемещением по должности, поступлением на учебу	Увеличение числа неработающих членов семьи, связанное с рождением детей	Выход на пенсию	Ухудшение снабжения продуктами питания	Ухудшение снабжения товарами широкого потребления	Ухудшение жилищных условий	Другие ответы
В целом	26,5	24,5	16,3	14,3	7,1	4,0	2,0	2,0	17,3
Муж	31,7	30,1	19,0	12,7	4,7	3,1	3,1	1,6	9,5
Жен	17,2	14,3	11,4	17,2	11,4	5,7	0,0	2,8	31,4
Рабоч	18,7	37,4	15,6	18,7	0,0	3,1	3,1	3,1	25,0
Инж-тех	41,2	29,4	23,5	0,0	5,9	17,6	5,9	0,0	5,9
Служ	33,3	14,2	14,2	19,0	0,0	0,0	0,0	4,7	9,5
Колхоз	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Воен	40,0	20,0	20,0	20,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Учаш	20,0	0,0	40,0	0,0	0,0	0,0	0,0	20,0	0,0
Пенс	33,3	0,0	0,0	0,0	66,6	0,0	0,0	0,0	0,0
Домхоз	9,0	18,1	9,0	18,1	18,1	0,0	0,0	0,0	55,5
> Работ	30,7	30,7	25,6	5,1	5,1	0,0	2,5	2,5	10,2
> Ижлив	23,7	20,3	10,2	20,3	8,5	6,8	1,7	1,7	22,0

Таблица 9.4. Ответы на вопрос: «Какую проблему вы считаете первоочередной?» (в % к общему числу опрошенных, n =1399)

Группа	Жилищное строительство	Рост заработной платы	Расширение сети дошкольных детских учреждений	Увеличение производства продуктов питания	Увеличение производства товаров широкого потребления	Сокращение рабочего дня	Улучшение бытового обслуживания	Другие проблемы
В целом	52,8	27,4	19,3	17,7	16,5	12,1	10,2	2,6
Муж	54,3	27,6	16,6	21,3	17,2	10,2	10,1	3,0
Жен	50,6	27,1	23,2	12,5	15,5	14,1	10,4	2,1
Рабоч	52,9	33,0	17,4	18,5	14,1	13,4	9,7	2,7
Инж.-тех	54,9	20,1	21,2	19,6	17,4	12,0	14,1	3,8
Служ	51,2	27,8	20,6	14,8	14,8	13,5	9,8	2,5
Колхоз	21,9	40,6	15,6	18,7	15,6	3,1	12,5	3,1
Воен	71,4	18,1	11,1	20,0	19,0	8,6	5,7	1,9
Учаш	60,0	28,9	22,2	11,1	3,3	8,9	8,9	2,2
Пенс	34,9	16,3	20,9	30,2	18,6	6,9	16,3	2,3
Домхоз	48,9	14,9	34,0	21,3	31,9	6,4	8,5	0,0
> Работ	54,1	24,7	20,3	17,0	15,3	13,3	10,8	2,8
> Ижлив	50,4	32,5	17,3	19,2	18,7	9,8	9,2	2,3
Повыс	53,0	24,0	20,2	16,5	17,1	12,8	10,2	2,2
Б/изм	54,5	34,6	16,6	20,6	14,8	11,5	8,3	2,9
Пониз	45,9	41,8	17,3	22,4	15,3	6,1	15,3	6,1

Таблица 9.5. Ответы на вопрос: «Что бы вы могли предложить для быстрого решения выдвинутой вами проблемы?» (в % к общему числу опрошенных, n = 1399)

Группа	Общее кол-во предложений	в т.ч. предложения, связанные с									
		жилищной проблемой	ростом доходов	совершенствованием процессов труда	торговлей и бытовым обслуживанием населения	проблемой дошкольных учреждений	производством сельскохозяйственных продуктов	совершенствованием кадров производства, обслуживания	проблемой разрушения	производством промышленных товаров широкого потребления	совершенствованием системы общественного контроля
В целом	95,8	39,1	13,4	10,9	9,3	7,4	4,1	3,3	2,6	2,1	2,0
Муж	104,9	41,7	16,4	13,1	8,8	6,1	5,9	4,7	2,4	2,3	2,4
Жен	82,4	35,2	9,1	7,5	10,0	9,3	1,9	1,4	2,8	1,9	1,2
Рабоч	93,5	34,8	16,0	11,1	8,6	6,9	5,0	3,3	2,5	1,6	1,9
Инж-тех	119,0	51,2	14,1	13,0	12,5	6,0	6,0	5,4	3,8	4,3	1,1
Служ	92,7	37,4	11,6	11,1	8,8	8,3	3,0	3,4	2,8	1,7	2,3
Колхоз	90,5	18,7	21,9	21,9	15,6	3,1	3,1	6,2	0,0	0,0	0,0
Воен	101,9	62,0	12,1	5,7	4,8	6,7	4,8	1,9	1,0	1,0	1,9
Учаш	80,0	40,3	11,1	6,6	4,4	4,4	0,0	2,2	2,2	4,4	4,4

Пенс	72,1	23,3	9,4	11,6	6,9	9,4	6,9	0,0	2,3	2,3	0,0
Домхоз	85,1	31,8	4,3	4,3	21,3	14,9	21,3	14,9	0,0	0,0	2,1
>Работ	96,4	40,5	12,2	11,7	8,6	7,5	4,8	3,4	2,4	2,2	1,5
>Иждив	95,5	36,2	15,6	9,2	10,7	7,3	3,0	3,1	2,9	2,1	2,7
Повыс	92,1	37,4	9,7	12,0	9,1	7,6	4,5	3,0	3,1	2,4	2,0
Б/изм	103,4	46,2	21,3	7,2	10,0	7,2	2,9	4,3	1,1	0,7	0,7
Пониз	111,2	35,7	29,6	9,2	10,2	6,1	4,1	4,1	1,0	3,1	4,1

сугубо персональной ситуации. Показательно, что при обсуждении вопросов благосостояния граждане СССР имели в виду не только свое собственное или семейное бытие, но бытие всего советского общества. Эта чрезвычайно значимая особенность массового сознания того времени отчетливо проявилась по целому ряду конкретных вопросов. Высказанные в ходе опроса предложения относительно способов решения назревших социальных проблем, сформулированные конструктивно, при их обобщении могли составить определенную программу действий, как это имело место применительно к вопросу о перспективах жилищного строительства (табл. 9.6).

В отношении способов повышения доходов населения большинство участников опроса (и в целом, и в 12 из 15 групп) одобрило политику правительства по выравниванию номинальной заработной платы у высоко- и низкооплачиваемых категорий работников (табл. 9.7). С точки зрения «эгоистичного» массового сознания более предпочтительным должен был бы стать путь снижения розничных цен, поскольку он давал немедленную и зримую выгоду всем. Но массы, поверив в политику государства и поддержав ее, встали на позицию общественного, а не личного интереса. С этой позиции объяснима и оправдана поддержка респондентами курса на дальнейший рост производительности труда как главное условие повышения благосостояния народа (табл. 9.8).

В результате проведенного опроса общественного мнения редакция газеты «Комсомольская правда» получила дополнительный канал связи с читателями. Об этом было прямо сказано в обращении к ним: «Одним из главных каналов для выражения общественного мнения в масштабах всей страны является печать <...> «Комсомольская правда» открывает на своих страницах Институт общественного мнения. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение дает возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы». Поэтому в публикации об итогах проведенного исследования были отражены только главные его результаты, проиллюстрированные примерами ответов респондентов на вопросы анкеты. Количественные характеристики высказанных участниками опроса суждений были представлены немногими избранными цифрами, составленные исследователями таблицы не воспроизводились.

Оценка проделанной работы ясна из заголовка материала, напечатанного в газете 8 октября 1960 г.: *«Радостные итоги, ценные предложения»*. Результаты опроса комментируют председатель Государственного комитета Совета министров СССР по делам строительства В.А. Кучеренко, председатель Государственного комитета Совета министров СССР по вопросам труда и заработной платы

Таблица 9.6. Предложения относительно способов решения жилищной проблемы (в % к числу таких предложений, $m_3 = 546$)

Группа	Увеличение объема строительства (прежде всего за счет роста капиталовложений)	Привлечение к строительству населения в форме дополнительной рабочей силы	Изменение практики распределения жилья	Внедрение в строительстве индустриальных методов	Расширение производства строительных материалов	Улучшение качества строительства	Привлечение к строительству денежных средств населения (в первую очередь расширение кооперативного строительства)	Расширение индивидуального строительства
В целом	30,7	18,3	15,7	14,5	5,9	5,9	5,5	3,5
Муж	28,0	17,4	14,7	18,2	6,7	6,3	5,2	3,5
Жен	35,5	20,0	17,5	8,0	4,5	5,0	6,0	3,5
Рабоч	38,4	16,5	15,3	13,4	6,1	3,6	3,1	3,6
Инж-тех	29,8	21,3	12,8	19,1	4,3	4,3	6,3	2,1
Служ	28,2	19,0	18,4	12,6	4,0	8,0	5,2	4,6
Колхоз	16,6	16,6	16,6	16,6	33,6	0,0	0,0	0,0
Воен	26,2	15,4	15,4	12,3	9,2	9,2	7,7	4,6

Группа	Увеличение объема строительства (прежде всего за счет роста капиталовложений)	Привлечение к строительству населения в форме дополнительной рабочей силы	Изменение практики распределения жилья	Внедрение в строительство индустриальных методов	Расширение производства строительных материалов	Улучшение качества строительства	Привлечение к строительству денежных средств населения (в первую очередь расширение кооперативного строительства)	Расширение индивидуального строительства
Учаш	17,0	22,1	0,0	44,4	5,5	5,5	5,5	0,0
Пенс	30,0	20,0	20,0	0,0	0,0	0,0	30,0	0,0
Домхоз	26,7	20,1	26,7	0,0	13,3	6,6	6,6	0,0
> Работ	32,0	19,1	15,1	15,6	5,3	5,1	4,3	3,5
> Ижжив	28,2	16,6	17,2	12,3	6,8	7,4	8,0	3,5
Повыс	30,0	20,9	12,5	16,2	6,8	4,7	5,0	3,9
Б/изм	32,9	11,7	22,7	10,9	3,9	7,8	7,0	3,1
Пониз	31,4	14,3	25,8	8,6	2,8	11,4	5,7	0,0

Таблица 9.7 Предложения относительно способов повышения доходов населения (в % к числу соответствующих предложений, $m_4 = 187, m_5 = 152$)

Группа	Дальнейшее упорядочение заработной платы	Снижение цен
В целом	62,0	38,0
Муж	58,1	41,9
Жен	72,6	27,4
Рабоч	58,0	42,0
Инж-тех	73,3	26,7
Служ	70,4	29,6
Колхоз	28,6	71,4
Воен	61,5	38,5
Учаш	80,0	20,0
Пенс	25,0	75,0
Домхоз	0,0	100,0
> Работ	66,9	33,1
> Иждив	54,7	45,3
Повыс	52,5	47,5
Б/изм	76,3	23,7
Пониз	65,5	34,5

Таблица 9.8. Предложения относительно способов совершенствования процессов труда (в % к числу соответствующих предложений, $m_4 = 187, m_5 = 152$)

Группа	Дальнейший рост производительности труда	Воспитание коммунистического отношения к труду	Совершенствование организации труда, внедрение научной организации труда (системы НОТ)
В целом	80,2	14,5	5,3
Муж	84,4	9,2	6,4

Группа	Дальнейший рост производительности труда	Воспитание коммунистического отношения к труду	Совершенствование организации труда, внедрение научной организации труда (системы НОТ)
Жен	69,7	28,0	2,3
Рабоч	86,8	7,5	5,7
Инж-тех	79,2	12,5	8,3
Служ	82,7	17,3	0,0
Колхоз	57,1	0,0	42,9
Воен	66,7	33,3	0,0
Учащ	66,7	33,3	0,0
Пенс	60,0	40,0	0,0
Домхоз	50,0	50,0	0,0
> Работ	81,5	13,9	4,6
> Иждив	77,2	16,0	6,8
Повыс	80,5	15,4	4,1
Б/изм	80,0	5,0	15,0
Пониз	77,8	22,2	0,0

А. П. Волков и первый заместитель министра торговли РСФСР Д. Д. Королев».

Обращает на себя внимание заинтересованное отношение руководителей государственных ведомств к предложениям участников опроса. «Жилищное строительство названо проблемой номер один. Что можно сказать по этому поводу? Строим мы много. Сейчас как никогда много. Но потребность людей в жилищах остается все еще очень острой <...> И все же данные «Института» радуют. Радует то, что каждый двенадцатый из опрошенных уже получил новую квартиру, радуют и те сотни предложений, которые высказаны советскими людьми с целью быстрого решения проблемы», — отметил В. А. Кучеренко и далее перешел к разбору высказанных респондентами рекомендаций. Так, он однозначно поддержал предложения о «создании бóльших жилищных удобств», в частности квартир, рас-

считанных на одну семью. Подчеркнув, что проблема увеличения темпов строительства детских дошкольных учреждений «не случайно была выдвинута опрошенными в число первых трех», председатель Госкомстроя поддержал предложение конструктора из Москвы о строительстве детсадов и яслей «не в больших домах, а отдельными зданиями. Правильная мысль! Так и нужно делать».

А. П. Волков обратил внимание на то, что «абсолютное большинство людей, заполнивших анкеты, отметило, что жизненный уровень трудящихся в Советском Союзе из года в год заметно повышается. 313 человек из 1 024 важнейшей причиной повышения своего жизненного уровня называют рост денежной заработной платы». Разъяснив, что доходы некоторых категорий трудящихся снизились вследствие устранения «несоответствий и излишеств в заработках отдельных, главным образом высокооплачиваемых, работников», а также «в связи с пересмотром тарифных расценок», он резюмировал: «Это уменьшение может быть временным, так как работник может повысить производительность труда, свою квалификацию и обеспечить тем самым дальнейший рост своей заработной платы». Д. Д. Костин заверил читателей газеты, что в Министерстве торговли «серьезно изучили пожелания советских граждан, опрошенных Институтом общественного мнения “Комсомольской правды”».

Как любое статистическое исследование, опрос предоставил редакции влиятельной газеты и через ее посредство — государственным институтам СССР массовые данные об отношении граждан к актуальным социальным проблемам. Некоторые из высказанных респондентами предложений вошли в программу правительства, декларировавшую начало экономической реформы в стране (сентябрь 1965 г.).

ЗАДАНИЯ

1. Используя материалы этого пособия и главы 9 «Статистические источники» в учебном пособии А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории», охарактеризуйте основные задачи и приемы источниковедческого изучения статистических источников второй половины XIX — начала XXI в.
2. Охарактеризуйте репрезентативность данных социологического опроса, организованного редакцией газеты «Комсомольская правда».
3. Используя материал пособия, самостоятельно проведите источниковедческое изучение статистического источника второй половины XIX — начала XX в. (по своему выбору). Обсудите работу с преподавателем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Астафьев И. И. Русско-германская торговля в период империализма: (Опыт источниковедческого анализа) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1978. № 2.

Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. — 1908 г. М., 1984.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. М., 2001.

Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (опыт структурного анализа по материалам профсоюзной переписи 1918 г.). М., 1974.

Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858 — 1917) // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979.

Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 179.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.

Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи (обзор методологии). М., 1961.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

10.1. Общая характеристика

Документы личного происхождения — собирательное наименование совокупности письменных исторических источников, созданных в частном порядке с целью самоосознания, самовыражения и самоутверждения автора. В источниковедении принято различать три главные их разновидности: личные дневники, частную переписку и воспоминания (синоним — мемуары). Особенности конкретных источников данного вида обусловлены индивидуальностью их создателей.

В каждом конкретном случае *ценность документа* личного происхождения как исторического источника определяется для исследователя той информацией, которую он может извлечь из него для своей темы. Как нет двух одинаковых людей, так нет и двух одинаковых дневников, частных писем или воспоминаний. Побудительные причины, вследствие которых возникают документы личного происхождения, в каждом конкретном случае субъективно-индивидуальны. Социальное происхождение автора, его общественное положение, профессия, жизненный опыт, мировоззрение, пол, возраст, характер, самочувствие, настроение, а также множество других факторов и обстоятельств влияют на содержание, достоверность, точность записей.

Так, публицист, издатель газеты «Новое время» А. С. Суворин начал вести дневник в 1893 г. в возрасте без малого 60-ти лет. По-видимому, подтолкнули его к этому решению сугубо личные мотивы: состояние здоровья, ощущение надвигающейся старости, все усиливающееся чувство одиночества. «Какое глупое положение в одиночестве! — записал он 25 июня 1893 г. — Я совсем к нему не привык, и в одиночестве и работать не могу. Мне все надо на миру, как актеру»¹. По журналистской привычке он стал фиксировать *для себя* то, что видел, то, что слышал, то, что волновало и беспокоило. Но записи делались нерегулярно. «Я записываю очень неаккуратно, — сетовал он три года спустя. — Когда есть что записывать и стоит, я либо не имею времени, либо забываю. Таким образом, моя запись — совершенно случайная <...> а сколько людей видел и столько слышал вещей интересных. Но раз не записал, все это исчезает из памяти» (с. 147).

¹ Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 76.

Тема нерегулярности собственных дневниковых записей и утра по этой причине информации, которую, как подсказывало ему чутье старого журналиста, стоило бы сохранить, — постоянно волновала Суворина: «Пробасть сплетен за эти дни, но я имею способность немедленно их забывать» (с. 22). «Сколько дней не записывал, и все эти дни прошли, не оставив воспоминаний» (с. 163). «Сколько всего переживалось. Но все записывать не хочется. К чему? Иногда тянет меня к этим листкам, а ничего не выходит Я не записывал очень интересных вещей, потому что они требуют того, чтобы хорошо их передать, а записывал вздорные вещи» (с. 296). «Мои заметки носят характер случайный. Вносится часто то, что не стоит, и пропускается то, что записать следовало бы» (с. 306).

Со временем все больше места в дневниковых записях занимают размышления о старости, одиночестве, о неумолимо приближающейся смерти. В этом контексте Суворин оценивает свои записки как средство самоосознания. «Вести дневник — нелегкое дело для себя самого. Надо бы вести дневник своим ошибкам и грехам. Тогда можно было бы подвести итог и своим добродетелям. А то прожил жизнь, а не знаешь, что она такое <...> Недолго мне осталось держать перо в руках <...> Воистину горько. И в старости чувствуешь себя таким одиноким, что не будь у меня театра, не владей я пером, я бы пропал» (с. 269, 296).

Порой в записях прорывается и слышен крик души человека — наблюдательного, умного, но вынужденного постоянно сдерживать себя: «Иногда ужасно хочется высказаться, может быть, грубо, но все равно как-нибудь высказаться откровенно, чтоб меня дураком не считали, — читаем запись от 23 июня 1902 г. — Мое самолюбие постоянно уязвлялось и уязвляется» (с. 350). Таким образом, ведение дневника рассматривается Сувориным и как средство самоутверждения в собственных глазах. Журналист явно не рассчитывал на то, что впоследствии этот личный документ может обессмертить его имя: «Все у меня отрывки и набросанные кое-как. Их выбросят, вероятно, как хлам никому не нужный» (с. 269). А вот С. И. Смирнова (Сазонова), отметил он с завистью, чуть не с детства ведет дневник. И резюмировал: «Прославится!» (с. 398). Но даже нерегулярные записи осведомленного современника часто предоставляют в распоряжение ученых важные свидетельства о прошлом.

В источнике личного происхождения *не только фиксируется какой-либо факт действительности, но зачастую одновременно дается его оценка*, т. е. восприятие этого факта. В дневнике за 1879—1912 гг. А. В. Богданович — хозяйки одного из известнейших салонов, в котором собирались представители петербургского бомонда — историк находит массу свидетельств о закулисной стороне деятельности придворно-сановных сфер самодержавной России.

Весьма показателен эпизод, связанный с подготовкой официального визита Николая II во Францию в 1901 г. В правящих кругах со-

юзицы России настойчиво добивались этого посещения как по внешнеполитическим причинам, так и по внутривнутриполитическим соображениям. Царь колебался. Но министр финансов С. Ю. Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф и управляющий Министерством внутренних дел Д. С. Сипягин настояли на целесообразности такой поездки в связи с необходимостью облегчить заключение на парижской бирже займа, который не удалось устроить в предыдущем году. По информации А. В. Богданович, Париж обещал обеспечить заем, если Николай II приедет во Францию, пока нынешний кабинет находится у власти. «И царь приехал, — возмущалась мемуаристка. — Стыдно, что устроил этот триумvirат — пустить брандевром царя!»¹

Хорошо известно, что в документах личного происхождения весьма велика доля субъективизма в оценках людей и событий, и исследователь, используя этот вид источников, прежде всего должен учитывать такой фактор. Вместе с тем в этих документах всегда отчетливо проявляется личность автора. Так, огромный интерес для историка-международника представляют дневники Ф. Ф. Мартенса — известного юриста, неперемного члена Совета МИД России, которые он достаточно регулярно вел в течение многих лет (январь 1883 г. — апрель 1909 г. с некоторыми пропусками). Однако на их страницах преимущественно отражены те события, в которых он играл заметную роль. Записи очень выпукло характеризуют самого Мартенса — этого бесспорно выдающегося специалиста, но крайне тщеславного, себялюбивого, желчного и брюзгливого человека, который болезненно переживал, что его заслуги недооценивали в МИД и в родном отечестве.

Мнение Мартенса о людях зависело от их отношения личного к нему. Нешадно ругая всех и вся на страницах дневника, он сделал исключение для Витте: «Я не люблю личность Сергея Юльевича, но не могу не сказать, что двумя головами он стоит выше всех нынешних министров как по уму, так и по способностям. Это, несомненно»². Так писал он в 1898 г., но в 1905 г., оказавшись в составе делегации России на Портсмутской конференции в качестве консультанта Витте, который далеко не всегда прислушивался к советам Мартенса, он отзывался о нем более резко и неллицеприятно.

Как человек умный и наблюдательный Мартенс — во многом справедливо — порицал российскую бюрократию (преимущественно отдельных ее представителей и лично ему не симпатичных лиц), подчеркивая «мелочное самолюбие», стремление «удержаться у власти во что бы то ни стало и *всеми* (выделено в тексте. — А. Г.) средствами», угождение начальству, использование людей, нужных в данную

¹ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 272.

² Здесь и далее дневник Ф. Ф. Мартенса цит. по: Рыбачёнок И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.

минуту, желание добиться очередного чина или награды, «до которых у нас, в России, можно только <...> доподличать». Однако при этом он сам, часть той же бюрократии, вовсе не свободен от таких пороков: не получив вожденной должности советника министерства в январе 1897 г., Мартенс страшно обиделся: «Меня надули!» Крайне негативно и язвительно он характеризовал графа В. Н. Ламздорфа, в высшей степени работоспособного и образованного человека, прекрасно знавшего всю дипломатическую «кухню»: «Муравьев назначил товарищем министра дурака и недоумка Ламздорфа. Менее способного человека я не знаю: ни писать, ни говорить он не умеет <...> Это просто ужасно. Бедная Россия!». Мечта Мартенса — оказаться подальше от козней и сплетен Петербурга, получив пост посланника в Гааге. Но для этого, по словам профессора права, надо было «сохранить хорошие отношения» с начальством и не оказаться «между двух стульев» при разладе между министром иностранных дел М. Н. Муравьевым и В. Н. Ламздорфом.

Замысел правящих верхов России провести международную конференцию по сокращению вооружений, сформулированный в обращении к державам в августе 1898 г., Мартенс встретил в штыки, прежде всего потому, что не знал о нем с самого начала. Когда же его попросили представить материалы к предстоящему форуму, злорадствовал и торжествовал: Муравьев и Ламздорф, которые даже не поставили его в известность о подготовке августовского циркуляра, «теперь в затруднении и нуждаются в его помощи!». Но, исходя из личных интересов, Мартенс был готов сотрудничать с «невежественными и бездарными», как он считал, «графами-башибузуками».

Обратим внимание на лексику, использованную профессором права. Башибузуками называли в то время участников отрядов иррегулярной конницы, которые в Османской империи применялись, прежде всего, для карательных акций. В ответ на предложение России сократить вооружения турецкий султан объявил об увеличении численности не только армии, но и отрядов башибузуков. Таким образом, применительно к Муравьеву и Ламздорфу такое сравнение имеет уничижительный смысл. Но подобную лексику Мартенс позволяет себе только в дневнике, на страницах которого откровенно изливает свои чувства. Для подтверждения вывода обратимся к тексту его совершенно доверительного письма к Ламздорфу от 13 декабря 1898 г., где профессор не только корректен, обращаясь к начальнику, но даже льстив и угодлив.

«Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Вашему сиятельству *удобно было сообщить мне ваши мысли* (здесь и далее курсив мой. — А. Г.) о предстоящей “конференции мира”. *Позвольте мне* в дополнение и пояснение моих словесно высказанных взглядов на этот животрепещущий вопрос, *изложить вам тот план действия, который, мне кажется*, с одной стороны, основанным на установленной практике международных кон-

грессов и конференций, и, с другой, согласным с буквальным смыслом и с духом августовского циркуляра. *Может быть, ваше сиятельство признаете мой план достойным вашего внимания. Я был бы счастлив, если б его сиятельство г. министр также одобрил его, хотя бы только в основных положениях.*

Излагая свои предложения, Мартенс использует выражения: «осмеливаюсь думать», «мне думается», «мне кажется вполне возможным», «смею думать», «таковы немногие соображения насчет плана действия будущей “конференции мира”, которые имеют честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства» — т. е. лексику, которая должна свидетельствовать о его лояльности и почтительности. Даже в заключительной общепринятой формуле вежливости в конце письма автор употребляет суффикс, подчеркивающий пиитет: «Примите, ваше сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и искреннейшей преданности вашего покорнейшего слуги Ф. Мартенса».

Всем, что происходило не по его инициативе, Мартенс оставался недоволен: выбором места проведения форума (в Гааге), его подготовкой и прочим. Его надежда — возглавить делегацию России, так как, по самооценке, он занимал исключительное положение в международном мире («за границей меня считают и умным, и способным, и знающим, и чуть ли не великим мужем») — не оправдалась. Мартенс был возмущен назначением первым уполномоченным посла в Лондоне Е. Е. Стааля, полагая, что того «мало и немногие знают», тогда как его, Мартенса, «знают весьма многие и повсюду». Свое назначение делегатом-специалистом от МИД на Гаагскую конференцию Мартенс расценил как унижение. На Брюссельской конференции 1874 г. он был в роли «прикомандированного» к барону Жомини — представителю России. И вот теперь, вспоминает юрист на страницах дневника, «после 25 лет честной и успешной службы меня графы М(уравьев) и Л(амздорф) из попов обращают в дьяконы и без малейшей причины мне наносят чувствительное оскорбление».

Опытный юрист выполнял задание руководства не только потому, что владел предметом, но в значительной степени по личным мотивам. Провал конференции, по его словам, мог бы пагубно сказаться, прежде всего, на его собственной карьере. Составленная им в марте 1899 г. записка не вполне отвечала намерениям руководства МИД — дать возможность делегатам всех держав выдвигать предложения на конференции, и министр попросил дополнительных материалов. Представив составленный загодя по собственной инициативе проект декларации, Мартенс считал, что без конкретных предложений России на форуме может возникнуть «политический скандал который обрушится, разумеется, на моей судьбе больше, чем на судьбе Стааля».

Приписывая себе все заслуги на Гаагской конференции (что не соответствовало действительности), он утверждал: «на мою же само-

отверженную и выдающуюся деятельность, наверное, только злятся и злятся петербургские башибузуки графы», и даже опасался: «пожалуй, отдадут под суд за мой подвиг на конференции?!». Мартенс огорчен недостаточной, по его мнению, наградой: «Я же защищал интересы и честь России всеми силами и вывел из болота все дело конференции и получил шиш!»

Для характеристики Мартенса важно отметить, что его оценки, зафиксированные в дневниковых записях, гораздо эмоциональнее, чем в письме к известному государственному деятелю Д. А. Милютину, в обращении с которым профессор права «держал лицо» и соблюдал сдержанность. Сравним два документа. В письме к бывшему военному министру: «Брюссельская декларация 1874 г., без существенных перемен, в составе 60-ти статей принята была единогласно представителями <...> держав, участвовавших в Гаагской конференции. Такого результата я сам совершенно не ожидал. Теперь уже 16 держав признали эту «Гаагскую конвенцию об обычаях и законах войны» обязательным для себя законом». А вот строки из дневника: «Моя комиссия блестяще окончила пересмотр Брюссельской конвенции. Все (подчеркнуто в документе. — А. Г.) открыто выражали мне свой восторг и глубокую благодарность. Даже французы. Я сам не ожидал такого блестящего успеха. Брюссельская декларация — мое любимое детище 1874 г. — из незаконного ребенка сделалось законным и всеми признанным! Какой восторг! Какая радость!» Этот восторг и эту радость не разделяли, по словам Мартенса, лишь его «доморощенные начальники», которые, думал он, «наверно не понимают все значение одержанной победы. Ничем они не высказывают своего удовольствия».

Обращаясь к документам личного происхождения конкретного автора, исследователю необходимо корректировать встречающиеся в них оценки людей и событий, для чего обязательно сопоставлять их с такими же документами других современников, а также использовать иные виды источников.

Автор документа личного происхождения, фиксируя на бумаге те или иные сведения о фактах действительности и давая им оценку, одновременно как бы рисует автопортрет. Убедительность образа во многом зависит от таланта «художника» и выразительности использованных им средств и приемов. С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» удалось создать масштабное историческое полотно, на котором автор поместил собственный тщательно выписанный автопортрет в окружении многих лиц, характеристики которых лишь намечены немногими штрихами.

Мемуарист так изложил свое творческое кредо: «Человек — существо крайне сложное, не только фразой, но целыми страницами определить его трудно. Нет такого негодяя, который когда-либо не помыслил и даже не сделал чего-либо хорошего. Нет также такого честнейшего и благороднейшего человека (конечно, не святого), ко-

торый когда-либо дурно не помыслил и даже при известном течении обстоятельств не сделал гадости. Нет также и дурака, который когда-либо не сказал и даже не сделал чего-либо умного, и нет такого умного, который когда-либо не сказал и не сделал чего-либо глупого. Чтобы определить человека, надо написать роман его жизни, а потому всякое определение человека — это только штрихи, в отдаленной степени определяющие его фигуру. Для лиц, знающих человека, эти штрихи бывают достаточными, ибо остальное восстанавливается собственным воображением и знанием, а для лиц не знающих штрихи дают очень отдаленное, а иногда и совершенно неправильное представление»¹

Возложив, таким образом, ответственность за «неправильное» прочтение воспоминаний на «лиц не знающих», а потому не способных воссоздать действительную картину «собственным воображением и знанием», Витте, следуя заявленной позиции, дает современникам двусмысленные характеристики. Так, отметив, что Николай II «человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей», он припечатывает царя убийственным для монарха определением: «по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства» (т. 1. с. 436; т. 2, с. 6).

Этот прием самоутверждения автор постоянно использует на страницах мемуаров. Витте ни о ком не пишет только хорошо или только плохо. В его характеристиках каждого из современников читатель найдет и то и другое. Царский шурин великий князь Александр Михайлович — «красивый по наружности, неглупый... в отношениях довольно симпатичный» и вместе с тем «полуобразованный, с большим сомнением, скрытный и страстный интриган» (т. 2, с. 228). Министр юстиции Н. В. Муравьев — «вообще человек выдающегося таланта, образцовый оратор, отличный юрист... что же касается его нравственности, то, к сожалению, она имеет некоторые темные стороны». (т. 1, с. 322). Президент Академии наук поэт великий князь Константин Константинович — «благородный, образованный... не глупый, но и не орел» (т. 2 с. 356). Генерал-инспектор по инженерной части великий князь Петр Николаевич — «очень милый», однако «весьма ограниченный и с точки зрения деловой — человек совершенно ничтожный» (т. 1, с. 163).

Единственный, кого мемуарист характеризовал исключительно положительно — это сам Витте. «В течение десятилетнего моего управления финансами, — утверждал он, — я их привел в блистательное состояние <...> Я глубоко уверен, что если бы его императорскому величеству благоугодно было принимать во внимание мои мнения по вопросам как внутренней, так и внешней политики, то может быть и были бы сделаны ошибки, может быть были бы сделаны даже крупные ошибки, но тем не менее мы избегли бы всех тех

¹ См.: *Vumme С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 350.

катастроф, которые последовали, начиная с 1903 года, когда я вынужден был покинуть пост министра финансов» (т. 2, с. 207, 117).

Как известно, степень объективности информации источника определяется, прежде всего, той целью, которую ставил автор. Витте-мемуарист заверял будущих читателей, что решил написать воспоминания, «удалившись от активной политической жизни», чтобы его беспристрастные записки, где факты и суть дела изложены «с полной правдивостью и точностью», «могли послужить к освещению многих событий» (т. 1. С. LXXI). Однако исследователи установили: «Цель написания воспоминаний — вернуть утраченное влияние и власть»¹.

Используя мемуары как исторический источник, исследователь всегда должен иметь в виду, что *все сообщаемые в них сведения следует тщательно перепроверять* по другим источникам. Неточности, недоговоренности и умолчания в воспоминаниях происходят по разным причинам. Мемуариста может подвести память — в таком случае ошибочные указания на дату и место события и чье-либо имя легко поддаются исправлению. Мемуарист может о чем-то не знать или что-то считать не заслуживающим внимания, а потому не упомянуть в записях. Наконец, он может сознательно исказить информацию.

Показательно в этом отношении освещение Витте известного дипломатического эпизода, связанного со встречей в Бьерке в июле 1905 г. Николая II и Вильгельма II, в ходе которой ими было подписано политическое соглашение.

Его вступление в силу после ратификации заключенного в Портсмуте русско-японского договора о мире изменило бы принципиально соотношение сил на международной арене. В условиях нараставшего англо-германского антагонизма Берлин стремился разрушить русско-французский союз и помешать возможному англо-русскому сближению созданием континентальной лиги Германии, России и Франции.

Плод личной дипломатии двух императоров оказался незрелым, поэтому Николай II в «Дневнике» ограничился упоминанием о факте свидания и замечаниями о погоде в эти дни, а Вильгельм II в «Воспоминаниях» вообще «забыл» упомянуть о встрече.

Но этот пробел восполняет его переписка с германским канцлером Б. Бюловым, а дневники А. А. Савинского (ближайшего сотрудника министра иностранных дел России В. Н. Ламздорфа) позволяют восстановить некоторые обстоятельства усилий Ламздорфа добиться отказа царя от выполнения условий неосторожно подписанного им документа. Наконец, Витте в «Воспоминаниях», грешащих многочисленными передержками, излагает трактовку событий, выгодную лично ему.

¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994. С. 3.

Посвятив целую главу¹ этому сюжету, он подробно описал, как, возвращаясь из Портсмута, поделился с германским послом в Париже замыслом сближения Германии, Франции и России, как был принят в охотничьем замке Роминтен Вильгельмом II, которому выразил враждебное отношение к Англии. Но мемуарист «забыл» упомянуть о своей беседе с Бюловым, который сообщил ему о Бьеркском договоре и от которого он получил письмо кайзера к царю. Версия Витте, будто бы он узнал о договоре лишь вернувшись в Петербург, опровергается опубликованными в Германии документами, так же, как приписываемая им себе заслуга ликвидации результата «политического творчества» Николая II дезавуируется записями Савинского.

Каждой из разновидностей документов личного происхождения придают свои, во многом отличные приемы реализации целевых установок автора.

Личные дневники и частные письма, как правило, не предполагают их прочтения посторонними. Но если создатели первых делают записи для себя, то корреспонденты по переписке всегда имеют в виду конкретного адресата, для которого формируют сообщение. Воспоминания пишутся в расчете на многих читателей, поэтому повествование о жизни мемуариста ведется в контексте общественно значимых событий, в рассказе о которых явно или неявно присутствует положительный образ автора. При этом документы личного происхождения наиболее непосредственно, по сравнению с источниками других видов, отражают субъективизм их творцов.

10.2. Методика изучения

И личные дневники, и частная переписка, и воспоминания содержат непосредственную информацию об авторе и опосредованную — об описываемых им событиях. Наряду с записями, сделанными по собственному побуждению, как бы для себя, в переписке адресант отвечает также на вопросы корреспондента, адаптирует текст сообщения с учетом его интересов и вкусов. В дневнике П. И. Чайковского в записи от 27 июня 1888 г. есть характерные слова: «Мне кажется, что письма никогда не бывают вполне искренни. Сужу по крайней мере по себе. К кому бы и для чего бы я не писал, я всегда забочусь о том, какое впечатление произведет письмо и не только на корреспондента, а и на какого-нибудь случайного читателя. Следовательно я рисуюсь. Иногда я *стараюсь, чтобы* (курсив мой. — А. Г.) тон письма был простой, искренний, т. е. чтобы так *казалось* (курсив мой. — А. Г.). Но кроме писем, написанных в минуты аффекта, никогда в письме я не бываю сам собой. Зато этот последний род

¹ См.: *Bumme С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. Гл. 47. Роминтен.

писем бывает всегда источником раскаяния и сожаления, иногда даже очень мучительных»¹.

Рассмотрим некоторые методические аспекты источниковедческого изучения документов личного происхождения на примере переписки П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк. Сохранились свыше 1 200 писем, которыми они обменивались в 1876—1890 гг. Письма опубликованы в серии «Труды Дома-музея П. И. Чайковского» в 1934—1935 гг. издательством «Academia»².

Переписка началась в декабре 1876 г. О том, насколько она была обширна, можно судить по цифрам.

1877 г. — 72 письма (24 от фон Мекк и 48 от Чайковского).

1878 г. — 202 (61 от фон Мекк и 141 от Чайковского).

1879 г. — 200 (76 от фон Мекк и 124 от Чайковского).

1880 г. — 123 (49 от фон Мекк и 74 от Чайковского).

1881 г. — 107 (39 от фон Мекк и 68 от Чайковского).

1882 г. — 96 (39 от фон Мекк и 58 от Чайковского).

1883 г. — 93 (33 от фон Мекк и 60 от Чайковского).

1884 г. — 63 (22 от фон Мекк и 41 от Чайковского).

1885 г. — 57 (23 от фон Мекк и 34 от Чайковского).

1886 г. — 50 (18 от фон Мекк и 32 от Чайковского).

1887 г. — 49 (17 от фон Мекк и 32 от Чайковского).

1888 г. — 49 (18 от фон Мекк и 31 от Чайковского).

1889 г. — 27 (10 от фон Мекк и 17 от Чайковского).

1890 г. — 13 (4 от фон Мекк и 9 от Чайковского).

Очевидно, что достигнув пика в 1878—1879 гг., интенсивность переписки в дальнейшем постепенно снижалась. При этом на всем ее протяжении количество писем Чайковского примерно вдвое превышало количество писем к нему от фон Мекк.

По взаимному согласию они никогда не встречались. «Я привык относиться к Вам как моему доброму, но невидимому гению. Вся неоценимая прелесть и поэзия моей дружбы к Вам в том и состоит, что Вы так близки, так бесконечно дороги мне, а между тем мы с Вами незнакомы³ в обыденном смысле слова», — писал Чайковский (т. 2 с. 169). «Совершенно так же как и Вы, я чувствую наши отношения, так же как и Вы, я не хочу ничего в них изменить», — ответила фон Мекк (т. 2, с. 179). Таким образом, корреспонденты как бы «настраивались» на одну «волну».

Эта особенность взаимоотношений наложила своеобразный отпечаток на характер переписки. Письма давали обоим возможность

¹ Чайковский П. И. Дневники 1873—1891 годов. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. СПб., 1993. С. 213—214.

² См.: Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк. Т. 1. 1876—1878. М.; Л., 1934; Т. 2. 1879—1881. М.; Л., 1935; Т. 3. 1882—1890. М.; Л., 1936.

³ Здесь и далее в текстах писем П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк воспроизведены шрифтовые выделения, имеющиеся в документах.

беседовать заочно и весьма откровенно. «Меня обуяло непреодолимое желание побеседовать с Вами <...> я поддался порыву сердца» (т. 1, с. 66—67), — сообщает композитор. И уже на следующий день начинает новое письмо словами: «Продолжаю свой дневник» (т. 1, с. 69). Но это все же не личный дневник, хотя порой писали они друг другу ежедневно.

Начало переписки было почти случайным. Надежда Филаретовна фон Мекк, урожденная Фроловская, в 16 лет вышедшая замуж за инженера путей сообщения К. Ф. фон Мекк, впоследствии разбогатевшего, покровительствовала молодым талантливым музыкантам. Узнав о материальных затруднениях Чайковского, 36-летнего профессора Московской консерватории, еще только начинающего приобретать известность как композитор, она нашла удобный способ прийти на помощь. Через посредство скрипача И. И. Котека, приятеля Чайковского, фон Мекк заказала композитору несколько музыкальных работ, щедро оплатив их.

Так возник повод для первого письма: «Милостивый государь Петр Ильич! Позвольте принести Вам мою искреннейшую благодарность за такое скорое исполнение моей просьбы. Говорить Вам, в какой восторг меня приводят Ваши сочинения, я считаю неуместным, потому что Вы привыкли и не к таким похвалам, и поклонение такого ничтожного существа в музыке, как я, может показаться Вам только смешным, а мне так дорого мое наслаждение, что я не хочу, чтобы над ним смеялись, поэтому скажу только и прошу верить этому буквально, что с Вашею музыкой живется легче и приятнее. Примите мое искреннее уважение и самую искреннюю преданность. Надежда фон Мекк» (т. 1, с. 3).

На следующий день последовал ответ: «Милостивая государыня Надежда Филаретовна! Искренно Вам благодарен за все любезное и лестное, что Вы изволите мне писать. Со своей стороны, я скажу, что для музыканта среди неудач и всякого рода препятствий утешительно думать, что есть небольшое меньшинство людей, к которому принадлежите и Вы, так искренно и тепло любящее наше искусство. Искренно Вам преданный и уважающий П. Чайковский» (т. 1, с. 3).

Начавшийся таким образом диалог в письмах продолжался в течение тринадцати с половиной лет. Для 40-летней Надежды Филаретовны, недавно овдовевшей, ощущавшей себя человеком, «кончающим жить, почти уже мертвым» (т. 1, с. 7), обремененной заботами о детях, постоянно погруженной в хозяйственные хлопоты, переписка с композитором стала, по ее признанию, «благотворным бальзамом» для «истомленного сердца, одержимого несовладаемой тоской» (т. 1, с. 158). Музыка Чайковского уносила ее «в мир ощущений, стремлений и желаний, которых жизнь не может удовлетворить. Сколько наслаждений и сколько тоски доставляет эта музыка. Но от этой тоски не хочется оторваться, в ней человек чувствует свои высшие способности, в ней находит надежду, ожидание, счастье, кото-

рых жизнь не дает <...> Надо Вам сказать, — писала она, — что я не умею отделять музыканта от человека, и даже в нем, в слуге такого высокого искусства, я еще более, чем в других людях, ожидаю и желаю тех человеческих свойств, которым поклоняюсь. Мой идеал человека — непременно музыкант, но в нем свойства человека должны быть равносильны таланту: тогда только он производит глубокое и полное впечатление <...> Из всего, что я сама наблюдала в Вас и слышала от других сочувственных и несочувственных отзывов, я вынесла к Вам самое задушевное, симпатичное, восторженное отношение. Я счастлива, что в Вас музыкант и человек соединились так прекрасно, так гармонично, что можно отдаваться полному очарованию звуков Вашей музыки, потому что в этих звуках есть благородный неподдельный смысл, они написаны не для людей, а для выражения собственных чувств, дум, состояния. Я счастлива, что моя идея осуществима, что мне не надо отказываться от своего идеала, а, напротив, он становится мне еще дороже, еще милее. Когда бы Вы знали, что я чувствую при Вашей музыке и как я благодарна Вам за эти чувства» (т. 1, с. 5—6).

Чайковский воспринимал фон Мекк как своего доброго гения, который в критическую минуту удержал его «на краю пропасти» и которому он «обязан своим спасением» (т. 1, с. 53). Взяв на себя заботу о материальном благополучии композитора, она создала исключительно благоприятные условия для его творчества. В ней, восторженной почитательнице его таланта, он стал находить тот отклик, ту поддержку, которые ему в данный момент были очень нужны и своевременны. «Что за непостижимая женщина! — с восхищением констатировал Чайковский в письме брату. — Она угадывает, когда и как мне написать, чтоб утешить меня» (т. 1, с. 580).

Переписка для обоих корреспондентов переросла в жизненную необходимость. Об этом свидетельствуют не только ее длительность, регулярность, интенсивность, но и оценки авторов писем. «От времени до времени, — признавался Чайковский, — мне нужно для моего спокойствия и благополучия читать Ваши строки, получать Ваши письменные ласки, словом, сообщаться с Вами» (т. 2, с. 94). Он неоднократно возвращается к этой теме. Как бы суммируя свои размышления о значении для него переписки с фон Мекк, композитор отметил: «Не мне, конечно, определять достоинства моих сочинений, но могу, положа руку на сердце, сказать, что они все (за немногими исключениями) пережиты и прочувствованы мной и исходят непосредственно из души моей. И для меня величайшее благо, что есть на свете другая родственная мне душа, которая так чутко отзывается на мою музыку. Мысль, что она прочувствует все, чем я был полон, когда писал то или другое сочинение, всегда одушевляет и согревает меня, и Вы не думайте, что таких душ много у меня. Даже среди людей, между которыми я живу, лишь только в братьях, и особенно в Модесте, я имею человека, связанного со мной близким ду-

ховным родством. Что касается музыкантов по профессии, то в них всего менее я встречал живого сочувствия» (т. 2, с. 438).

Эти мысли и чувства полностью разделяла Надежда Филаретовна: «Милый, несравненный друг мой! — писала она. — Вчера получила Ваше письмо, и так мне стало хорошо, тепло на душе, как давно не было, и Вам, Вам, мой бесценный друг, я обязана такими моментами счастья, которые заставляют забывать все горькое, тяжелое в жизни. Какой любовью, какой признательностью к Вам наполнено все мое существо, Вы мирите меня с людьми, с жизнью. Как мне знакомы Ваши ощущения экстаза, я испытываю их также от природы, от музыки и — от Вас. И если бы не такие моменты, то и жить невозможно было бы» (т. 2, с. 97).

В письменных источниках важную роль играет *лексика*. В эпистолярном документе существенное значение имеет также *форма обращения к адресату*, варианты которого в дореволюционной России были строго определены. Любое отступление от общепринятых правил эпистолярного этикета, даже в частной переписке, не было случайным, а потому должно привлечь внимание исследователя.

В первых письмах фон Мекк и Чайковский используют традиционную форму обращения — «Милостивый государь!», «Милостивая государыня!» Но уже в письме от 7 марта 1877 г. Надежда Филаретовна предложила в их завязавшейся переписке «откинуть такие формальности как “Милостивый государь” и т. п., — они мне право не по натуре», — пояснила она и попросила в письмах к ней в дальнейшем также «обращаться без этих тонкостей. Не правда ли, Вы не откажете мне в этом?». В ответное письмо Петр Ильич не включил предусмотренную эпистолярным этикетом формулу обращения и таким образом косвенно подтвердил, что принял предложение. Переписка стала выглядеть менее официальной. Первое время Чайковский иногда предварял текст письма обращением: «Многоуважаемая Надежда Филаретовна!» Но постепенно обращение к адресату переместилось в текст письма, стало более интимным.

Корреспонденты чаще всего использовали формулу: «Дорогой, милый друг!». Более эмоциональная фон Мекк называла Чайковского также: «Милый, несравненный друг мой!», «Милый, бесценный друг!». Эта формула появляется в переписке в связи с обсуждением корреспондентами вопроса о работе Чайковского над Четвертой симфонией, которую композитор решил посвятить фон Мекк. Она ответила: «Вы писали мне, Петр Ильич, о Вашей симфонии и хотели, чтобы я сказала свое желание, что касается до ее посвящения <...> прежде чем высказать это желание, позвольте мне сделать Вам один вопрос, а именно: считаете ли Вы меня своим другом? Я по своему расположению, взгляду на Вас, участию и безграничному желанию Вам всего доброго, имею основание называть себя Вашим другом. Но так как Вы ни разу еще не назвали меня этим именем, то я не знаю, признаете ли Вы меня другом и относитесь ли ко мне как

к другу. Если на этот вопрос Вы можете сказать мне да, то мне было бы ужасно приятно, если бы Вы на Вашей симфонии выставили, что Вы посвящаете ее Вашему другу, не называя никакого имени» (т. 1, с. 24). Чайковский ответил: «На симфонии своей я поставляю: “Посвящается моему другу”, как Вы того желаете. Это совершен согласно и с моим желанием». И впервые обратился к Надежде Филаретовне со словами: «мой дорогой, добрый и милый друг!» (т. 1, с. 27). Впоследствии в переписке корреспонденты называли это сочинение «наша симфония», но, по настоянию фон Мекк, композитор никогда публично не упоминал об их дружеских отношениях.

Предложение переменить форму обращения с «Вы» на «ты», «как обыкновенно бывают с друзьями» (т. 1, с. 242), Чайковский отклонил. «Что касается перемены Вы на ты, то у меня просто не хватает решимости это сделать, — объяснил он. — Я не могу выносить никакой фальши, никакой неправды в моих отношениях к Вам, а между тем, я чувствую, что мне было бы неловко в письме отнестись к Вам с фамильярным местоимением. Условность всасывается в нас с молоком матери, и как бы мы ни ставили себя выше ее, но малейшее нарушение этой условности порождает неловкость, а неловкость в свою очередь — фальшь. Между тем я хочу быть с Вами всегда самим собой и эту безусловную искренность ценю выше всякой меры. Итак, друг мой, предоставляю Вам решить этот вопрос. Та неловкость, о которой я говорил выше, разумеется, пройдет по мере того, как я привыкну к перемене, но я счел долгом предупредить Вас о том, что мне придется вначале несколько насиловать себя. Во всяком случае, буду ли я с Вами на Вы или на ты, сущность моего глубокого, беспредельного чувства любви к Вам никогда не изменится от изменения формы моего обращения к Вам. С одной стороны, для меня тяжело не исполнить тотчас же всякое малейшее Ваше желание, с другой стороны, не решаюсь без Вашей инициативы принять новую форму. Скажите, как поступить? До Вашего ответа буду писать Вам по-прежнему» (т. 1, с. 254).

Ответ Надежды Филаретовны подвел черту под обсуждением. «Сейчас получила Ваше письмо и благодарю Вас от всего сердца, мой дорогой, бесподобный друг, за Вашу искренность и откровенность относительно меня. Эти-то именно свойства я так люблю в Вас, так ставлю высоко, и они внушают мне такое безграничное доверие к Вам, а ведь самое дорогое, что есть для меня в Ваших отношениях, есть именно то, что я верю им, а вы понимаете, что я менее, чем кто-нибудь избалована и с к р е н н и м и отношениями. Теперь объясню Вам, почему я выразила мое желание о перемене формы. Когда я писала мое письмо, я находилась в таком ненормальном, отвлеченном состоянии, что я забыла даже, на какой планете нахожусь, я чувствовала только Вашу музыку и ее творца. В этом состоянии мне было неприятно употреблять слово Вы, это утонченное изобретение <...> приличий и вежливости, которыми так часто прикрывается нена-

висть, злора, обман. В ту минуту для меня было жаль говорить это Вы, но на другой же день, когда я пришла в нормальное состояние, я уже раскаивалась в том, что написала, потому что поняла, что доставила Вам неудобство, и очень боялась, чтобы Вы из баловства ко мне не согласились сделать то, что Вам было бы трудно, и тем более благодарю Вас, мой бесценный друг, что Вы избавляете меня от сознания злоупотребления чужою доброю, и еще более благодарю за то хорошее мнение обо мне, которое Вы высказали Вашею откровенностью. Итак, пусть этот предмет будет похоронен, даже без всякого воспоминания об нем» (т. 1, с. 270—271). Переписка Чайковского и фон Мекк на всем ее протяжении оставалась очень личной, доверительной, о чем косвенно свидетельствовали также формулы обращения к адресату, которые использовали корреспонденты.

Документы личного происхождения всегда *полифоничны*. В рассматриваемом комплексе переписки много места занимает обсуждение семейных дел, отношение к внутри и внешнеполитическим проблемам современной им действительности. Но для исследователей главный интерес в письмах Чайковского и фон Мекк составляет *тема музыкального творчества композитора*. В этом смысле данный комплекс исторических источников уникален, поскольку одну только Надежду Филаретовну Чайковский допускал в свою творческую лабораторию.

«Получил Ваше письмо, милый друг мой, и прочел его с величайшим наслаждением. Отвечу по порядку на вопросы Ваши. Мне чрезвычайно приятно говорить с Вами о процессе сочинения, усвоенном мной. До сих пор никогда еще не случалось мне кому-нибудь открывать эти таинственные проявления духовной жизни, — отчасти потому, что об этом спрашивали очень немногие, отчасти потому, что эти спрашивающие не внушали желания отвечать как следует. Именно Вам мне необыкновенно приятно говорить о подробностях сочинительского процесса, ибо в Вас я нашел душу, которая наиболее чутко отзывается на мою музыку. Никогда и никто (за исключением, может быть, братьев) не радовал меня так, как Вы, своим сочувствием. А если б Вы знали, как это сочувствие ценно для меня и как мало я избалован им!

Не верьте тем, которые пытались убедить Вас, что музыкальное творчество есть холодное и рассудочное занятие. Только та музыка может тронуть, потрясти и задеть, которая вылилась из глубины взволнованной вдохновением артистической души. Нет никакого сомнения, что даже и величайшие музыкальные гении работали иногда не согреты вдохновением. Это такой гость, который не всегда является на первый зов. Между тем, работать нужно всегда, и настоящий честный артист не может сидеть, сложа руки, под предлогом, что он не расположен. Если ждать расположения и не пытаться идти навстречу к нему, то легко упасть в лень и апатию. Нужно терпеть и верить, и вдохновение неминуемо явится к тому,

кто сумел победить свое н е р а с п о л о ж е н и е. Со мной это случилось не далее как сегодня. Я писал Вам на днях, что хотя и работаю ежедневно, но без увлечения. Стоило мне поддаться неохоте работать, и я бы, наверное, долго ничего не сделал. Но вера и терпение никогда не покидают меня, и сегодня с утра я был охвачен тем непонятным и неизвестно откуда берущимся вдохновением, о котором я говорил Вам и благодаря которому я знаю заранее, что все написанное мною сегодня будет иметь свойство западать в сердце и оставлять в нем впечатление. Я думаю, что Вы не заподозрите меня в самохвальстве, если я скажу, что со мной очень редко случаются те н е р а с п о л о ж е н и я, о которых я говорил выше. Я это приписываю тому, что одарен терпением и приучил себя никогда не поддаваться н е о х о т е. Я научился побеждать себя» (т. 1, с. 235 — 236).

В Надежде Филаретовне композитор, по собственному утверждению, нашел родственную душу, которая «так же сильно и так же глубоко перечувствует все то, что и он чувствовал, когда замышлял и приводил в исполнение свой труд» (т. 1, с. 9). Музыка для Чайковского — «о т к р о в е н и е. И в том именно ее победоносная сила, что она открывает нам недоступные ни в какой другой сфере элементы к р а с о т ы <...> Она просветляет и радует. Уловить и проследить процесс музыкального наслаждения очень трудно <...> Как бы мы различно ни объясняли себе значение музыкального наслаждения, но одно несомненно, это то, что мы любили с Вами музыку одинаково сильно. Роль ее в наших жизнях одинакова. Этого для меня совершенно достаточно. Мне приятно, что Вы так горячо любите и называете б о ж е с т в е н н ы м то искусство, которому я посвятил свою жизнь» (т. 1, с. 112 — 113).

Получив в Италии письмо от фон Мекк с сообщением об исполнении в Москве его Четвертой симфонии, Чайковский писал: «Как я неизмеримо счастлив, что симфония понравилась Вам, что слушая ее, Вы испытали те ощущения, которыми я был полон, когда писал ее, что моя музыка запала Вам в сердце. Вы спрашиваете меня, есть ли определенная программа этой симфонии? Обыкновенно, когда по поводу симфонической вещи мне предлагают этот вопрос, я отвечаю: н и к а к о й. И в самом деле, трудно отвечать на этот вопрос. Как пересказать те неопределенные ощущения, через которые проходишь, когда пишется инструментальное сочинение без определенного сюжета? Это чисто лирический процесс. Это музыкальная исповедь души, на которой многое накипело и которая по существенному свойству своему изливается посредством звуков, подобно тому как лирический поэт высказывается стихами. Разница только та, что музыка имеет несравненно более могущественные средства и более тонкий язык для выражения тысячи различных моментов душевного настроения. Обыкновенно вдруг, самым неожиданным образом, является з е р н о будущего произведения. Если почва благодарная, т.е. если есть расположение к работе, зерно это с непостижимою си-

люю и быстротою пускает корни, показывается из земли, пускает стебелек, листья, сучья и, наконец, цветы. Я не могу иначе определить творческий процесс, как посредством этого уподобления. Вся трудность состоит в том, чтоб явилось зерно и чтоб оно попало в благоприятные условия. Все остальное делается само собою. Напрасно я бы старался выразить Вам словами все неизмеримое блаженство того чувства, которое охватывает меня, когда явилась главная мысль и когда она начинает разрастаться в определенные формы. Забываешь все, делаешься точно сумасшедший, все внутри трепещет и бьется, едва успеваешь намечать эскизы, одна мысль погоняет другую. Иногда посреди этого волшебного процесса вдруг какой-нибудь толчок извне разбудит от этого состояния сомнамбулизма. Кто-нибудь позвонит, войдет слуга, прозвонят часы и напомнят, что нужно идти по делу <...> Тяжелы, невыразимо тяжелы эти перерывы. Иногда на несколько времени вдохновение отлетает; приходится искать его, и подчас тщетно. Весьма часто совершенно холодный, рассудочный, технический процесс работы должен придти на помощь. Может быть вследствие этого и у самых великих мастеров можно проследить моменты, где недостает органического сцепления, где замечается шов, части целого, искусственно склеенные. Но иначе невозможно. Если б то состояние души артиста, которое называется *вдохновением* и которое я сейчас пытался описать Вам, продолжалось бы непрерывно, нельзя было бы и одного дня прожить. Струны лопнули бы, и инструмент разбился бы вдребезги! Необходимо только одно: чтоб главная мысль и общие контуры всех отдельных частей явились бы не посредством *искания*, а сами собой, вследствие той сверхъестественной, непостижимой и никем не разъясненной силы, которая называется *вдохновением*. Что касается «нашей симфонии», то в ней, разъяснил композитор, «программа есть, т. е. есть возможность словами изъяснить то, что она пытается выразить, и Вам, только Вам одним, я могу и хочу указать на значение как целого, так и отдельных частей его. Разумеется, я могу это сделать только в общих чертах» (т. 1, с. 216—217).

В тот же день Чайковский писал брату: «Получил письмо от М-ме Мекк, которая в восторге от моей симфонии. Какая она милая! Как тепло и лестно ее письмо! Заметь, что из моих московских друзей никто и ничего мне покамест не пишет о симфонии» (т. 1, с. 585). Прошло десять дней и в очередном послании к Надежде Филаретовне композитор возвращается к этой чувствительной для него теме: «Хочу Вам сделать одно признание. Я глубоко огорчен, оскорблен и удивлен непостижимым молчанием всех моих московских друзей о симфонии. Я до сих пор имел о ней сведения только от Вас и еще косвенно от Котека, который сообщил мне, что его приятелю, ученику консерватории Порубиновскому, она очень понравилась. Я ожидал, что симфония эта должна если не тронуть и не потрясти моих музыкальных друзей, то, по крайней мере, заинтересовать их.

Я ожидал, что они поймут, как нетерпеливо и жадно я ждал от них сочувственных отзывов, что каждый из них обстоятельно опишет мне свои впечатления, и не только обдумавши, а свежие, первые впечатления, как это сделали Вы, дорогой мой друг. Это было мне очень нужно. И представьте, ни единого слова, кроме телеграммы, в которой было сказано, что симфония была исполнена превосходно, каковое уверение, как я вижу из Вашего последнего письма, несправедливо. Ну как тут не обижаться, не огорчаться! Положим, что я вполне удовлетворен Вашим горячим отзывом и что могу обойтись без их восторгов, но мне нужны не восторги их, а дружеское внимание. Не будь Ваших писем, я бы был в полном неведении относительно симфонии, и не странно ли, что из всей консерватории до меня дошел, и то не прямо, только голос ученика-фаготиста, Порубиновского? <...> Вы являетесь моим утешителем. Не будь Вашей дружбы, которая мне сторицей воздаст за невнимание моих со товарищей, я бы огорчился донельзя, я бы пришел в отчаяние. Вы понимаете меня, мой горячо любимый друг, Вы понимаете, что, написавши большое сочинение, в которое вложил всю свою душу, и зная заранее, что в массе услышавших это сочинение людей найдется мало таких, которые хоть наполовину оценят его, только и утешаешь себя мыслью, что друзья поймут, ободрят, оценят. И вдруг от них ни слова, ни привета. Это больно и донельзя обидно» (т. 1, с. 232 — 233). Спустя еще неделю Чайковский вновь сетует: «Из Москвы до сих пор не имею никаких отзывов о симфонии. Ни одного слова сочувствия и похвалы» (т. 1, с. 246). В тот же день в письме брату он жалуется: «До сих пор еще ни один из московских приятелей не прислал мне ни единого сочувственного слова по поводу этой симфонии. А я-то, дурак, ожидал, что все будут тронуты, потрясены, восхищены!» (т. 1, с. 586).

Чайковский жаждал признания. В одном из первых писем к фон Мекк он высказал свою мечту вполне определенно: «Я еще не сказал и десятой доли того, что мне хотелось бы сказать. Сердце мое полно. Оно жаждет излияния посредством музыки. Кто знает, быть может, оставлю после себя что-нибудь в самом деле достойное славы перво-степенного художника. Я имею дерзость надеяться, что это будет» (т. 1, с. 34).

Но слава и манила и одновременно отпугивала композитора. «С л а в а! Какие противоположные чувства она заставляет переживать меня! С одной стороны, я ее желаю, я к ней стремлюсь, добиваюсь ее, с другой, она мне ненавистна. Если весь смысл моей жизни заключается в моем авторстве, то я не могу не желать славы. Ведь если я постоянно нахожу нужным говорить музыкальным языком, то, разумеется, нужно, чтобы меня слушали, и чем больше, чем сочувственнее круг моих слушателей, тем лучше. Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпо-

ру. В этом смысле я не только люблю славу, но она составляет цель всей серьезной стороны моей деятельности. Но, увы! стоит мне подумать, что параллельно с увеличением моей авторской известности увеличивается и интерес к моей личности в приватном смысле, что я на виду у публики, что найдутся всегда праздно-любопытствующие люди, готовые приподнять завесу, которой я стараюсь заслонить свою интимную жизнь, и меня тотчас берет тоска, отвращение и желание даже замолчать навсегда или надолго, чтобы меня оставили в покое. Мысль, что когда-нибудь я и в самом деле добьюсь частички славы и что интерес к моей музыке возбудит и интерес к моей персоне, очень тягостна для меня. Не оттого, что я боялся бы света. Я мог, положив руку на сердце, сказать, что совесть моя чиста и что мне нечего стыдиться. Но думать, что когда-нибудь будут стараться проникнуть в интимный мир моих чувств, мыслей, во все то, что в течение жизни я так бережливо таил от соприкосновения с толпой, очень тяжело и грустно. Если хотите, милый друг, в этой борьбе между стремлением к славе и отвращением к ее последствиям заключается даже трагический элемент. Подобно бабочке, я стремлюсь в огонь и беспрестанно обжигаю себе крылья. Иногда меня охватывает безумное желание навсегда куда-нибудь скрыться, заживо умереть, дабы не видеть всего, что делается, и дабы другие, чуждые мне люди, забыли обо мне... Но, увы! является порыв к творчеству... и я опять лечу на огонь и снова обжигаю крылья. А знаете, крыльям моим придется порядочно пострадать по поводу постановки оперы. Придется по горло окунуться в море театральных и чиновнических дрязг, до тошноты надышаться этой гнилой атмосферы мелких интрижек, микроскопических, но ядовитых амбиций, всякого рода каверз и проявлений грубого самодурства. Что делать! Или не пиши опер или будь готов ко всему этому» (т. 2, с. 397 — 398).

Очевидная субъективность целей создателей документов личного происхождения отнюдь не означает, что в них не содержится объективная информация как об авторе, так и о действительности. Как в любом историческом источнике «диапазон объективности» сообщаемых сведений здесь может колебаться в пределах от 0 до 1. Однако ни объективная, ни субъективная составляющие информационных возможностей личных дневников, частной переписки, воспоминаний — никогда не достигают этих крайних значений.

ЗАДАНИЯ

1. Используя материалы этого пособия, охарактеризуйте основные задачи и приемы источниковедческого изучения документов личного происхождения второй половины XIX — начала XXI в.
2. В письмах П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк выявите и охарактеризуйте лексические формы, в которых композитор выразил самоощущение процесса музыкального творчества.

3. Используя материал пособия, самостоятельно проведите источниковедческое изучение документов личного происхождения второй половины XIX — начала XXI в. (по своему выбору). Обсудите работу с преподавателем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ананьич Б. Р., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994.

Воспоминания и дневники как историко-психологический источник. СПб., 2011.

Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.

Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // *История СССР.* 1961. № 4.

Курносков А. А. Приемы внутренней критики мемуаров: (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник) // *Источниковедение. Теоретические и методические вопросы.* М., 1969.

Сидоров А. Л. К вопросу о характере текста и источников воспоминаний С. Ю. Витте // *Сидоров А. Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970.

Трухановский В. Г. Размышления в связи с книгой Р. Эдмонса «Большая тройка» // *Новая и новейшая история.* 1992. № 2.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

11.1. Общая характеристика

Периодическая печать — вид исторических источников, в которых зафиксирована информация, предназначенная для осведомления современников о наиболее важных событиях и явлениях действительности с целью выявления, выражения и отстаивания определенных общественно-групповых интересов. Отличительной чертой периодической печати является то, что в общественной жизни она выполняет функцию средства массовой информации.

Для историка периодическая печать — источник, содержащий сведения практически по любой теме второй половины XIX — начала XXI в. Информация периодической печати *полифонична*. Каждый экземпляр периодического издания представляет собой единство многих, различных по происхождению и по содержанию материалов. При работе с периодикой принято выделять два главных подхода, «каждому из которых присущи свои источниковедческие особенности: 1) всестороннее изучение данного органа периодической печати как целостного источника (как темы); 2) отыскание и изучение в данном органе (органах) печати отдельных текстов-источников по теме, которая сама по себе не является темой об этом органе»¹

Наиболее полно историю газет и журналов позволяют проследить документы, сохранившиеся до нашего времени в редакционно-издательских архивах и личных фондах журналистов. Таких комплексов сравнительно немного. В ряде случаев, в частности для правительственных изданий, их утрату отчасти позволяют восполнить документальные собрания ведомств-учредителей.

Так, материалы о газете «Journal de St-Petersbourg» (1806 — 1906 гг.), находившейся в собственности российского МИД, вошли в состав нескольких комплексов Архива внешней политики Российской империи. С 1856 по 1903 г. редакторами-издателями газеты были частные лица, подданные иностранных государств. С каждым из них внешнеполитическое ведомство заключало контракт, по традиции именовавшийся «Условием». Этот документ регламентировал взаимные отношения сторон.

Газета царского МИД, выходявшая шесть раз в неделю в Петербурге на французском языке, должна была «сообщать русской публи-

¹ Дмитриев С. С. Периодическая печать // Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 223 — 224.

ке самые свежие сведения об иностранных политических происшествиях, а заграничным читателям главные правительственные меры и правительственные акты, равно как любопытные сведения о промышленности и торговле России». Министерство предоставляло редакции для публикации политические телеграфные депеши, поступавшие из-за рубежа, и приказы министра «в самый день их подписания». В газете регулярно сообщались сведения о пожаловании орденов как чиновникам Министерства иностранных дел, так и иностранцам, о разрешении на принятие и ношение орденов, пожалованных русским подданным, и «вообще все официальные по министерству сведения, которые могут интересовать читателей».

Тираж «*Journal de St-Pétersbourg*» не превышал нескольких сот экземпляров. При этом 100 экземпляров предоставлялись редакцией министерству бесплатно. Эти экземпляры газеты получали: император, императрица, наследник-цесаревич и его супруга, некоторые великие князья, министр, товарищ министра, чиновники канцелярии и департаментов, архивы МИД. Почти половина бесплатной рассылки предназначалась российским миссиям за границей. Для консульских учреждений МИД делал дополнительные закупки: в 1885 г. для них приобрели 78 экземпляров газеты, в 1896 г. — уже 96.

Однако главным адресатом публикаций этого, по выражению В. Н. Ламздорфа, «полуофициального органа министерства иностранных дел»¹ была отечественная и иностранная печать. Во внешнеполитическом ведомстве вполне разделяли точку зрения, изложенную министром внутренних дел А. Е. Тимашевым редакторам петербургских периодических изданий в связи с декларацией А. М. Горчакова об отмене нейтрализации Черного моря: «Общественного мнения самостоятельного в России не существует. Известно, как оно слагается у нас: каждый читает утром за чашкой кофе газету и в течение дня пробавляется тою мудростью, которую он в газете прочитал»². Роль камертона для отечественной и иностранной прессы в изложении вопросов внешней политики как раз и предназначалась «*Journal de St-Pétersbourg*». Согласно «Условию», заключенному с редактором-издателем, в газете помещались статьи, подготовленные чиновниками ведомства.

Так как архив «*Journal de St-Pétersbourg*» не сохранился, проследить эффективность воздействия газеты на отечественную и иностранную прессу позволяют материалы, сохранившиеся в делах, сформированных в связи с решением МИД оперативных вопросов. В литературе убедительно показано, что изданию внешнеполитического ведомства нередко удавалось задавать отечественной прессе нужную тональность в трактовке тех международных акций, в которых рос-

¹ Ламздорф В. Н. Дневник. 1894—1896 гг. М., 1991. С. 209.

² Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848—1896): Воспоминания. М., 1991. С. 122.

сийская сторона принимала деятельное участие¹. Статьи, опубликованные в этом официозе при каждом новом повороте событий, другие отечественные газеты в большем или меньшем объеме перепечатывали или давали в пересказе.

Вопросы методики выявления и анализа информации по конкретно-исторической тематике, зафиксированной в периодической печати, получили многоаспектное отражение в литературе². Значительно меньше внимания исследователи уделяют изучению тех *средств и приемов*, которые использовали журналисты, чтобы привлечь внимание к наиболее важным публикациям и сообщить читателям свою оценку содержащейся в них информации. Такими средствами являются, прежде всего, лексика письменных текстов и язык зрительных образов, зафиксированных в изобразительных материалах. Воздействие их на читателей усиливает продуманная верстка полос и разворотов газеты или журнала. Значимость публикации может быть подчеркнута ее местоположением в номере. На направленность сообщения нередко указывает заголовок, а дополнительной подсказкой порой служит выделение фрагментов текста шрифтом, отличающимся от того, каким набрана статья.

Комплекс средств и методов воздействия журналистских публикаций на читательскую аудиторию рассмотрен в кандидатской диссертации Е. В. Черненко «Образ постсоветской России в немецком еженедельном иллюстрированном журнале “Шпигель” (источниковедческое исследование)» (М.: МГУ, 2009). В ряду выходящих в Германии общественно-политических еженедельников это влиятельное издание традиционно уделяет наибольшее внимание международной и, в частности, российской тематике. Публикуемые в нем аналитические и оценочные статьи и заметки, а также повседневная информация о текущих событиях систематически формируют общественные представления.

В первую очередь читатель обращает внимание на заголовки и подзаголовки публикаций. Они дают общее представление о тематике материала и одновременно настраивают читателя на восприятие сообщаемой информации в определенном ключе. Для «Шпигеля» характерны два типа заголовков: цитаты, часто высказывания одного из персонажей, упоминаемых в тексте, или образное обозначение темы публикации, которое нуждается в расшифровке. Во втором случае функции пояснения выполняют подзаголовки. В заголовках к материалам о России постоянно присутствуют лексемы, как бы «погружающие»

¹ См.: Голиков А. Г. «Journal de St-Petersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2; Рыбачёнок И. С. Первая конференция мира в Гааге в зеркале русской прессы // Отечественная история. 2002. № 3.

² См., например: Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории. 5-е изд., испр. М., 2012. С. 437—451.

читателя в атмосферу военных действий, преступности, насилия: *опасность, угроза, кровопролитие, террор, жестокость, опасный теневой мир, русская мафия...* Позитивные оценки России можно обнаружить только в заголовках статей о Второй мировой войне: *мощь советской армии, Гитлер недооценил советскую систему.*

Лексика письменных текстов в журнале «Шпигель» играет первостепенную роль в формировании у немецких читателей образа постсоветской России. Для привлечения внимания к главным характеристикам публикаций используется особый прием: слова русского языка пишутся латиницей. Чаще других в материалах о России за 1994—2004 гг. латиницей воспроизведены слова, аббревиатуры и словосочетания, несущие вполне конкретную смысловую нагрузку: *аппаратчик, указ, номенклатура, ОМОН, погром, бизнесмены, боевики, олигархи, силовики, ваучер, валюта, рэкетеры, бомжи, воры в законе, челноки, алкаш, бардак, коррупция, показуха.* Очевидно, что большая часть этих лексем вызовет негативные ассоциации, и атмосфера российской действительности, в которую авторы журнала «Шпигель» «погружают» таким образом немецких читателей, создает и закрепляет в их сознании определенный стереотип. Меняются президенты, трансформируется экономическая и социальная конъюнктуры, но настрой, вызывающий представление о потенциальной «российской угрозе», постоянно присутствует на страницах издания.

Постсоветская Россия в интерпретации журнала «Шпигель» — это «рушащаяся империя», «колосс на ватных ногах», «гигант, которого шатают во все стороны». Читателю из номера в номер как бы исподволь внушают: русские всегда склонны к анархии. После развала СССР «преступная экспансия», которую осуществляют «всесильная русская мафия» и бандитские группировки выходцев из других восточноевропейских стран, создала непосредственную угрозу «спокойной и размеренной жизни немецких граждан». Угроза усугубляется тем, что эта «отсталая страна», где «каждый четвертый гражданин живет за чертой бедности», имеет 10 тыс. ядерных ракет. В журнале не утверждается дословно: «Россия — опасная для Германии страна». Такой вывод сделают сами немецкие читатели, которые доверяют якобы беспристрастной информации влиятельного еженедельника и в большинстве своем не догадываются, что оценка подсказана им редакцией.

В иллюстрированном журнале *изобразительные материалы* являются равными по значению, а иногда и ведущими, по отношению к письменным текстам, содержательно-смысловыми компонентами. Публикации о России, как правило, сопровождаются большим количеством фотографий. Хотя рисунок, по наблюдениям психологов, нередко более выразителен, более заметен и лучше запоминается, фотографии как документу, моментально зафиксировавшему факт действительности, доверяют больше.

Постоянно помещая фотографии, посвященные одним и тем же сюжетам, редакция приучает читателей видеть в них своеобразные «символы» постсоветской России. Для немецкой аудитории журнала это прежде всего: бедные граждане РФ (пенсионеры, бомжи, нищие) и так называемые «новые русские» (кутящие в ресторанах, ночных клубах и казино). Фотоизображение воспринимается как не требующее доказательств свидетельство достоверности сообщаемой информации, а частота публикаций — как свидетельство обыденности явления.

В связи с переходом современных журналов и газет от преимущественно черно-белого к многоцветному оформлению *при анализе изобразительных материалов в периодической печати необходимо учитывать информативность цвета и символическое значение, которое придается определенному цвету* или его сочетаниям. В цветовом решении изобразительного ряда, касающегося России, в журнале «Шпигель» преобладают все оттенки красного, военный камуфляж, много черного и коричневого.

Текст задает определенный порядок чтения. Но *верстка* позволяет размещать материалы на полосе таким образом, что между ними устанавливаются смысловые взаимосвязи, не очевидные для читателя, а также ранжировать публикации по степени их важности. Наиболее значимые, по мнению редакции, темы выносятся на обложку журнала (в газете они, как правило, анонсируются на первой полосе).

Анализ обложек журнала «Шпигель», посвященных российской тематике, где само местоположение материала в номере свидетельствует о его первостепенной важности для редакции, отчетливо выявляет составляющие приема синтеза текста и изображения, посредством которого немецкие журналисты формируют у читателей заданный образ России. Как «символы»-изображения современной России в публикациях постоянно присутствуют: люди в военной форме, оружие, огонь, водка, деньги. На обложку выносятся слова, которые вызывают у немецкой аудиторией журнала негативные ассоциации — такие, как: *преступность, опасность, кризис, пропасть, война...* Этот образ явно пристрастен.

Как известно, степень объективности информации в источнике определяется целью, для которой она зафиксирована. При этом субъективные искажения могут быть весьма существенны. Знание средств и приемов, которые используются в периодической печати, позволяет исследователю точнее понять смысл сообщения и выявить механизм его воздействия на читателя.

11.2. Методика изучения

При многообразии задач, для решения которых могут быть использованы материалы периодической печати, успех работы исследова-

дователя в значительной степени определяется его способностью разработать и применить методiku, оптимальную для конкретного случая. Рассмотрим это на примере публикаций о А. Ф. Керенском в отечественной печати.

Февральская революция 1917 г. вывела на авансцену российской истории новые, прежде сравнительно малоизвестные фигуры. Об их деятельности в дни революции массы информировали крупные буржуазные газеты, издававшиеся в Петрограде и в Москве значительными тиражами и имевшие штат опытных журналистов. Они формировали в общественном сознании определенный образ этих людей.

Одним из тех, кто оказался в фокусе общественного внимания, был 35-летний Александр Федорович Керенский. В марте-октябре 1917 г. он сделал головокружительную карьеру — от товарища председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и одновременно министра юстиции Временного правительства до министра-председателя и верховного главнокомандующего вооруженными силами страны.

Бегство Керенского из Петрограда утром 25 октября и официальное сложение с себя должности министра-председателя, подписанное в Гатчине 1 ноября 1917 г. после неудачной попытки подавить революционное восстание в столице, подвели черту под его министерской карьерой.

Публикации о Керенском в периодической печати позволяют проследить, как воспринималась его личность современниками и какой образ Керенского-министра формировали в массовом общественном сознании газеты и журналы. Возникнув на революционной волне февраля 1917 г., феномен Керенского стремительно вспыхнул и быстро погас. В прессе оказались зафиксированы этапы этого явления, которые в целом хронологически совпадают со ступенями его министерской карьеры: март-апрель — министр юстиции, май-июнь — военный и морской министр, июль-август — министр-председатель и военный и морской министр, сентябрь-октябрь — министр-председатель и верховный главнокомандующий.

Наибольшее количество материалов о Керенском за март-октябрь 1917 г. выявлено в газетах «Русское слово», «Утро России», «Биржевые ведомости», «Речь». Двудеиная функция периодической печати — информировать современников о наиболее важных событиях и одновременно давать их оценку — обусловила жанровое разнообразие публикаций: статьи, хроникальные заметки, репортажи, отчеты, фельетоны, стихотворения, рисунки, фотографии и т.д. (их соотношение менялось со временем). При этом местоположение в номере — первая полоса газеты или обложка журнала, жанр передовой (редакционной) статьи — подчеркивали первостепенную важность материала, а лексика текстов выражала авторскую позицию журналиста.

Впервые имя Керенского в связи с революционными событиями 1917 г. появилось на страницах периодических изданий в начале марта. Все крупные буржуазные газеты поместили в первых вышедших после победы революции номерах отчеты о его выступлении в Петроградском Совете рабочих депутатов 27 февраля. Керенский, которому предложили пост министра юстиции в сформированном Временным комитетом Государственной думы составе правительства, должен был получить санкцию Совета, товарищем председателя которого он ранее был избран. Решение Исполкома Совета об отказе делегировать своих представителей в новый орган государственной власти поставило кандидата в министры в сложное положение. Он уже принял предложение, но хотел получить одобрение Совета. Поэтому, явившись в общее собрание членов Петроградского Совета, Керенский обратился к присутствующим в зале с внеочередным заявлением.

Воспроизведем основные положения этой речи по опубликованному в газете «Утро России» отчету, выделив курсивом эмоционально окрашенные лексические обороты, характерные для Керенского-оратора, умеющего убеждать слушателей: «Товарищи, *доверяете ли вы мне?* (Возгласы на всех скамьях: “Доверяем, доверяем”). Я *говую*, товарищи, *от всей глубины моего сердца. Я готов умереть, если это нужно.* (В зале общее волнение. Керенского приветствуют продолжительными рукоплесканиями, превращающимися в длительную овацию.) Товарищи, ввиду организации нового правительства я должен был дать немедленно, не дожидаясь вашей формальной санкции, ответ на сделанное мне предложение занять пост министра юстиции (Бурные аплодисменты, общий энтузиазм.) Товарищи, *в моих руках оказались представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук.* (Бурные аплодисменты и возгласы: “Правильно”.) Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав нового Временного правительства в качестве министра юстиции. *Первым моим шагом было распоряжение немедленно освободить всех политических заключенных* (Громовые аплодисменты, общий энтузиазм) <...> Ввиду того, что я принял на себя обязанности министра юстиции раньше, чем получил на то от вас формальное полномочие, я слагаю с себя обязанности товарища председателя Совета рабочих депутатов. Но я готов вновь принять от вас это звание, если вы признаете это нужным (Бурные аплодисменты и общие возгласы: “Просим принять”). Товарищи, *войдя в состав нового Временного правительства*, я остался тем же, чем был, *я остался республиканцем.* Я сказал Временному правительству, что я явился представителем демократии и *Временное правительство должно смотреть на меня, как на выразителя требований демократии* и должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя демократии. (Слова Керенского, произнесенные с огромным подъемом, были покрыты бурны-

ми аплодисментами. Трудно передать энтузиазм, охвативший зал заседания. Единичные возгласы, протестовавшие против того, что Керенский действовал без формального согласия Совета рабочих депутатов, были заглушены единодушными возгласами подавляющего большинства Совета рабочих депутатов, устроивших Керенскому бурную овацию, которой не бывало, кажется, в стенах Таврического дворца)»¹ Как видим, автор отчета зафиксировал поддержку Керенского со стороны «подавляющего большинства» слушателей.

Керенский предстает как провозвестник нового строя и в визуальном ряду. Так, в популярный иллюстрированный литературно-художественный журнал «Огонек», издававшийся в Петрограде как приложение к газете «Биржевые ведомости», опубликовал в одном из мартовских номеров рисунок «В дни Великой революции в Таврическом дворце». На рисунке, поясняя подпись, изображена «встреча представителей нового и старого режима» — арест министром юстиции Временного правительства Керенским последнего председателя Государственного совета Российской империи И. Г. Щегловитова².

В марте-апреле 1917 г. пресса знакомила читателей с повседневной деятельностью министра-демократа, подчеркивая те ее аспекты, которые позитивно воспринимались массами. Сообщалось, в частности, что во всех канцеляриях министерства по распоряжению Керенского сняты портреты прежних царей, что чинам ведомства воспрещено именовать начальство «превосходительствами и тому подобными званиями». При этом себя Керенский приказал называть скромно — «господин министр». Подчеркивалось, что направляясь в кабинет, он запросто здоровался за руку со старшим курьером; в Сенате был в пиджаке; для выступлений в «социалистической» аудитории надевал «неофициальную» темную рабочую куртку со стоячим воротником, а для выступлений перед солдатами — защитного цвета куртку без погон и английскую фуражку-кепи без кокарды.

В газетах печаталось подробное изложение речей Керенского. Он чутко улавливал общественные настроения и в яркой эмоциональной форме доносил их до жадно внимавшей ему аудитории. Но исследователь заметит, что содержание выступлений Керенского двойственно. Крестьянам, рабочим, солдатам он говорил: «землю народ должен получить в полном объеме», «8-часовой рабочий день должен быть нормой работы для всех трудящихся», «мир должен быть заключен всеми народами на равных условиях и на равных положениях». Обращаясь к помещикам, представителям буржуазии, офицерам, он ставил акценты по-другому: *«вопрос (курсив мой. — А. Г.) о новых формах землевладения может решить только Учредительное собрание»*, «8-часовой рабочий день не означает сокращения про-

¹ Утро России. 1917. 3 марта.

² См.: Огонек. 1917. № 10. 19 марта (1 апреля).

дуктивности труда», «мы придем к миру<...> только путем постепенным <...> Временное правительство делает все, чтобы скорей кончить войну, но конец ее должен быть достоин великой страны». Таким образом, в словах Керенского каждый мог услышать отзвуки собственных чаяний.

Газеты зафиксировали отчетливо обозначившуюся тенденцию роста его популярности. В апреле «Биржевые ведомости» констатировали: «В столичных театрах за последние дни значительно упали сборы. Даже гастролеры с именами теперь не привлекают публику. Полные сборы делают только концерты-митинги, в особенности те, в которых выступает министр юстиции Керенский»¹. *Лексика отзывов прессы* о нем в это время позитивна: «вестник новой народной свободы», «прообраз молодой демократической России», «носитель лучших народных чаяний, светлых надежд на будущее».

Назначение Керенского в мае 1917 г. на пост военного и морского министра, утверждалось в передовой статье газеты «Русское слово», вручило судьбу армии «в руки вождя русской революционной демократии»². С этого времени публикации о Керенском выходят на первые полосы газет, ему посвящаются передовые статьи, в поездках его сопровождают собственные корреспонденты крупнейших изданий, хроникальные заметки о его деятельности, ранее печатавшиеся эпизодически, теперь помещаются постоянно.

Пресса подробно информировала о каждом шаге министра. Так, газета «Биржевые ведомости» в заметке «Что успел сделать Керенский за три часа» сообщала: «8 мая в 8 час. утра министр прибыл в помещение Гвардейского экипажа, в 8 час. 30 мин. он был в среде Кексгольмского полка, в 9 час. он приветствовал Финляндский полк, в 9 час. 15 мин. Керенскому представлялся 180-й запасной пехотный полк, в 9 час. 40 мин. Керенский посетил Гренадерский полк, ровно в 10 час. военный министр прибыл в гвардии Московский полк, в 10 час. 15 мин. он выступил перед 1-м запасным пулеметным полком, в 10 час. 40 мин. Керенский говорил в самокатном батальоне и, наконец, в 11 час. военный министр приветствовал 1-й пехотный запасной полк»³

За те минуты, что Керенский провел в перечисленных воинских частях, он успевал обойти ряды солдат и офицеров, выступить перед ними с краткой речью и даже сфотографироваться на память. В тот же день он присутствовал на открытии Всероссийского офицерского съезда, где произнес речь, в которой под аплодисменты присутствующих потребовал «подчинения всех дисциплине и порядку». На

¹ Биржевые ведомости. Первое издание, вечерний выпуск. 1917. 21 апреля, заметка «У рампы».

² Русское слово. 1917. 3 мая (передовая статья «Коалиционное правительство»).

³ Биржевые ведомости. Первое издание, вечерний выпуск. 1917. 9 мая.

следующий день, 9 мая, Керенский выступил в общем собрании депутатов армии и флота в Гельсингфорсе. Возвратившись в Петроград 10 мая в 10 часов утра, он уже в полдень выехал в длительную командировку для объезда фронтов.

Корреспондент газеты «Русское слово» опубликовал непосредственные впечатления о пребывании министра в Киеве: «Как только стало известно, что Керенский пробудет всего один час на вокзале, *тысячные толпы народу* (курсив здесь и далее мой. — А. Г.) отправились к вокзалу и устроили популярному министру исключительно торжественную *всенародную встречу* <...> Явились представители от общественных организаций и Советов рабочих и солдатских депутатов, делегации от солдат ближайших к Киеву пунктов и казаков, многие организации с красными знаменами и стягами, оркестры музыки, множество рабочих и солдат. На перроне выстроился почетный караул 1-го Кирасирского полка, который носил до переворота имя бывшего царя. Вся станционная территория и вокзальная площадь представляли *сплошное море людей*. На крышах вокзала появились огромные красные знамена. Публика все прибывала. Для поддержания порядка была устроена двойная цепь из рабочих и солдат.

<...> Поезд остановился. Вышел Керенский в защитного цвета куртке без погон и в английской фуражке-кепи без кокарды. Министра окружает сопровождающий его караул из преображенцев и балтийских матросов. Раскланиваясь на все стороны, Керенский, осыпаемый дождем цветов, под звуки «Марсельезы» и возгласы «ура» переходит в парадные комнаты вокзала. Здесь *многочисленные делегации* приветствуют министра <...> Керенский в ответ произнес страстную речь...»¹. Выделенные лексемы должны были убедить читателей во всенародной и единоклюшной поддержке, которую имел Керенский.

В Москве, куда военный министр приехал в конце мая, его встречали цветами, многотысячные толпы окружали его автомобиль. В передовой статье, опубликованной на следующий день в газете «Утро России», давалось восторженное описание этого события: «Люди ссорятся между собой из-за места, с которого «слышнее» и лучше видно Керенского, стоящие на площади завидуют тем, что слушают его, сидя в театре, и просят его выйти сказать и им несколько слов, и он выходит и говорит. И каждое слово его приводит в движение эти тысячи сердец, потрясает массы, и массы, нестройные и шумные, становятся тихи и сосредоточены, и уже готовы идти за ним, куда он прикажет. И каждый шаг его сопровождается восторженным «ура», которое долго гремит вслед за унесшимся автомобилем»².

¹ Русское слово. 1917. 13 мая. Керенский на фронте.

² Утро России. 1917. 27 мая (передовая статья «А. Ф. Керенский в Москве»).

Но на той же первой полосе газеты «Утро России» впервые прозвучала нота скептицизма — была помещена статья-комментарий публициста А. Тамарина «Толпа и министр», в которой журналист высказал сомнение в долговременности адресованных военному министров восторгов: «Старый скептик я не верю толпе <...> Дай бог, чтобы эта встреча, эти восторги не оказались мыльными пузырями... В толпе, выражающей страстное желание умереть за Керенского, я вижу лица, в середине марта горевшие пламенной жадностью умереть за Гучкова. Те же клики: Веди! Умрем! Спасибо! <...> Уходит автомобиль, увитый цветами <...> — Ура! Спасибо! Все умрем! — гремит в толпе <...> Толпа остывает; на полуслове обрывает: «Умр...», и разбегается под навесы и ворота»¹. Этот первый тревожный сигнал в то время утонул в потоке славословия.

Начавшееся наступление русских войск вызвало новый всплеск публикаций о военном министре. Сообщения следуют одно за другим: вот он воодушевляет солдат в непосредственной близости от линии огня; с самолета наблюдает за ходом боевых действий; вручает красные знамена полкам 8-й армии, взявшим под командованием генерала Л. Г. Корнилова Галич. На обложке журнала «Огонек» публикуется специально подготовленный для еженедельника рисунок художника П. Жилина «К наступлению русской армии» (рис. 1). На нем Керенский изображен рядом с прославленным полководцем генералом А. А. Брусиловым — верховным главнокомандующим. Почти всю площадь обложки следующего номера занимает фотография, сделанная собственным корреспондентом «Огонька», запечатлевшим выступление военного министра перед солдатами на фронте (рис. 2). Фотодокумент должен был засвидетельствовать личное участие Керенского в подготовке наступления².

Несмотря на поражение на фронте политическая карьера Керенского продолжилась: он был назначен министром-председателем Временного правительства с сохранением должности военного и морского министра. Для буржуазной прессы Керенский еще не утратил ореол сильной личности, для нее он по-прежнему «герой русской революции», «символ новой революционной России». Газеты цитируют его слова на Государственном совещании в Большом театре в Москве в августе 1917 г.: любые попытки антиправительственных выступлений «будут прекращены железом и кровью».

Однако в комментариях печати в эти дни впервые отчетливо прозвучала неудовлетворенность политикой Временного правительства. «Биржевые ведомости» отметили, что «представители правой и левой частей Совещания остались недовольны речью Керенского». Газета процитировала высказывание октябриста И. В. Годнева: «Весь недостаток речи Керенского в том, что он грозит, а никому не страшно,

¹ Утро России. 1917. 27 мая (передовая статья «А. Ф. Керенский в Москве»).

² Огонек. 1917. 9 (22) июля. № 26; 16 (29) июля. № 27.

Къ наступленію русской арміи.

Рисунокъ для журнала «Огонекъ» худ. П. ЖИЛИНА.

Рис. 1. «Повинуясь призыву военного и морского министра, поставленного волей революционного народа, в сознании долга своего перед родиной и завоеванной свободой, войска с красными знаменами в руках кинулись на приступ неприятельских укреплений». Рисунок П. Жилина «К наступлению русской армии» (для журнала «Огонек», 1917, 9 (22) июля)

РЕДАКЦИЯ «ОГОНЬКА»
 Петроград, Александровской ман., № 37, таб. л. Гусевская, пролегающая близ обозначенных знаков, издающаяся по старинному адресу. Издается в редакционной или общественной типографии. Главные редакторы: Петроград, Гаврилов, № 30, таб. л. Бульварная, напротив при Исаевой Кухоньки. Петроград, Издательство, № 30 (ул. Саломей). Местная Типография № 27.

Еженедельный художественно-литературный
ЖУРНАЛЪ
«ОГОНЕКЪ»

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
 съ притоком в России
 съ 1-го июля по конец года
4 руб. 80 коп.
 Издается адресом 30 коп.
ОБЪЯВЛЕНИЯ:
 за место, специальное строение, иллюстрация по 2-8 страницам объявлений — 1 руб., на 3-6 и 4-8 страниц объявлений — 2 руб.

№ 27

Воскресенье, 16 (29) июля 1917 г.

№ 27

Переложение литературного, художественного и фотографического материала «Огонька» без всякого ущерба и восточная восприимчивость. (Земля 20 марта 1917 г.)

Военный и морской министр на Юго-Западном фронте.

Из фотографии корреспондента «Огонька» из театра войны.

А. Ф. Керенский приветствует войска съ трибуны во время посещения 6-го корпуса.

117

Рис. 2. Обложка журнала «Огонек»

потому что для того, чтобы грозить, надо иметь авторитет власти, а этого именно и нет»¹. В передовой статье кадетской «Речи» констатировалось, что в докладе премьера не было «определенной государственной программы»². Газета «Утро России» в передовой статье так прокомментировала речь Керенского в Государственном совещании: «Какими мерами спасти Россию? <...> Тот, кто хочет “*кровью и железом*” (курсив мой. — А. Г.) пресечь внутреннее распадение и внутреннюю борьбу в стране, не должен колебаться и вздыхать <...> Железную дисциплину не могут вводить ораторы, проповедники, политические агитаторы, ее могут осуществлять только вожди, и только «железом» <...> Общая воля ясна, надо только иметь мужество и бесповоротную решимость ее выполнить»³

Провал попытки генерала Корнилова установить военную диктатуру и большевизация Советов создали в стране новую политическую ситуацию.

Это изменение чутко уловила и сразу же отметила буржуазная печать: «Буржуазия и демократия сейчас, в сущности, ни та, ни другая не поддерживает Керенского. Покинув ряды социалистов-революционеров, Керенский оказался политически висющим в воздухе <...> Усиление большевизма — знак момента»⁴. Напомнив читателям о речи главы правительства, произнесенной в Государственном совещании со сцены Большого театра в Москве, газета «Утро России» задавала риторический вопрос: неужели Керенский — *«лишь»* (курсив мой. — А. Г.) разрумяненный актер, махающий мечом картонным?»⁵. Здесь отчетливо слышна аллюзия — намек, отсылавший читателя к заключительным строкам стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе»: «Для них смешон твой плач и твой укор / С своим напевом заученным / Как разрумяненный трагический актер / махающий мечом картонным...»

Керенский по-прежнему много выступает. Газеты печатают изложение его речей, посвящают их комментированию передовые статьи, предлагают вниманию читателей личные впечатления присутствовавшего в зале журналиста. Форма публицистических заметок позволяла периодической печати не только высказать мнение внимательного слушателя-наблюдателя о содержании выступления, но также сообщить о том, как оно было воспринято. Так, корреспондент «Утра России», давая описание первого дня работы Демократического совещания, отметил, что появление Керенского было встречено

¹ Биржевые ведомости. Первое издание, утренний выпуск. 13 августа. С. 3. Л. Неманов «Впечатления»; С. 4. «Видные политические деятели о речи А. Ф. Керенского».

² Речь. 1917. 15 августа.

³ Утро России. 1917. 18 августа.

⁴ Утро России. 3 сентября. Передовая статья.

⁵ Утро России. 1917. 14 сентября. П. Сурмин. Сумерки России.

аплодисментами, при безмолвии «нескольких лож с серыми солдатскими гимнастерками»¹.

Газета «Русское слово», озаглавив отчет о речи Керенского на открытии Совета Республики (Предпарламента) — «Впечатления», констатировала, что выступление главы правительства было построено «по всем правилам его декларативных речей». Автор материала зафиксировал определенно проявившуюся поляризацию общественных настроений: речь неоднократно прерывалась бурными аплодисментами, «главным образом, на скамьях правой и центра. Большевики почти все время хранят молчание»².

Осенью 1917 г. произошла перемена жанра публикаций о Керенском. Он становится «героем» фельетонов. Т. Ардов в фельетоне «Признаки конца» намечал историческую параллель: «Помните, как погиб «старый режим»? Это был постепенный спуск. Со ступеньки на ступеньку. Сначала он потерял пафос. Все, что было в нем великого, умерло. Содержание исчезло и пустая форма торжественных слов стала звучать пошлостью. Но оставалось еще привычное доверие. Но оставалась еще сила. И все-таки что-то еще поддерживало его. Наконец, случилось самое страшное: он стал смешным. Помните эти анекдоты: Протопопов, Распутин, эти каламбуры, прибаутки, что передавались по всей России сначала на ушко, потом и вслух, эти усмешки, потом хохот, наконец, эту мощную волну всеобщего глумления, которая несколько месяцев перекатывалась по всей российской низменности, сотрясая всплесками презрительного хохота и городские громады и деревенские избы. Эта волна и залила “старый режим”, она его свалила. Он погиб, когда он стал смешным.

И вот, теперь, оглянитесь вокруг. Где вдохновенный пафос? Умер. Где доверие? Исчезло. Где сила? Ее нет. И вот приходит и оно, самое последнее: глум, неудержимый глум. Главнокомандующий — уже «главноуговаривающий», “верховный заклинатель” <...> Про Керенского, хихикая, повествуют, что он спит на кровати Александра третьего и носит рубашки Николая второго <...> Повсюду глум: над властью, которая не имеет власти, над путями сообщения, которые стали путями разобщения, над деньгами, на которые ничего нельзя купить, над съездами, собраниями, учреждениями, которые съезжаются, собираются и учреждаются для того, чтобы говорить, говорить, говорить <...> Вот верный признак конца <...> Увы! Психологический круг совершился, и «строй» стал смешным <...> Вновь наступает «критический момент» в истории, когда нужны определенные действия»³

Как своего рода поэтическая эпитафия феномену Керенского прозвучало стихотворение К. Д. Бальмонта «Говорителю», опубликован-

¹ Утро России. 1917. 16 сентября. Демократическое совещание. Впечатления.

² Русское слово. 1917. 8 октября. Впечатления.

³ Утро России. 1917. 14 октября.

ное 15 октября 1917 г. в газете «Утро России». На этой же полосе, в колонке справа, напечатано его же стихотворение «Генералу Л. Г. Корнилову»¹. Верстка текстов делает наглядной антитезу.

Говорителю

Говоритель, ты мной заподозрен
давно,
Оценить ты бессилён мгновенье,
Но в мгновенье звено переходит в
звено,
Неразрывною силой скрепленья.
Ты упрямо твердишь, закрывая
глаза,
То, что правдою быть перестало.
Если молнией брызнула миру гроза,
Говорения слишком нам мало.
В том лишь видимый блеск, и душа
не жива,
В том крикливое сердце не смело,
Кто веления судьбы укрывает в
слова,
Не вливая их в точное дело.
Кем ты был? Что ты стал? Погляди
на себя.
Прочитай очевидную повесть.
Тот, кем был ты любим, презирает
тебя,
Усмотрев двоедушную совесть.
Ты не воля народа, не цвет, не
зерно,
Ты вознесшийся колос бесплодный,
На картине времен ты всего лишь
пятно,
Только присказка к сказке народной

Генералу Л. Г. Корнилову

В стране, что ложью обессилена,
Средь жалких умственных калек,
Где что ни слово, то извилина,
Ты прямодушный человек.

<...>

Где власть — безвластье, где
скоплением
Кривых затей всех душат нас,
Своим достойным выступлением
Напомнил ты, что грозен час.

<...>

Как белый лебедь полный
гордости,
Плывет, и им светла волна,
Твой лик твердит: «Нам нужно
твердости,
Любовь к России нам нужна».
Перед тобой склонен в восторге
я,
Он предрешенный твой удел: —
Ведь имя Лавра и Георгия
Герою битв и смелых дел.
С тобой душою вместе в плене я,
Но что бы ни промолвил суд,
Бойцу, я знаю, поколения
Венец лавровый принесут

Буржуазная печать, используя богатый арсенал средств и приемов воздействия на массовое общественное сознание, отразила разочарование различных слоев во вчерашнем кумире. На авансцене отечественной истории все отчетливее виднелись другие фигуры.

ЗАДАНИЯ

1. Используя материалы этого пособия, охарактеризуйте средства и приемы, которые используют журналисты для создания образа действительности.

¹ См.: Утро России. 1917. 15 октября.

2. В текстах публикаций о А. Ф. Керенском, приведенных в главе 11 пособия, выявите лексемы (слова, словосочетания), характеризующие Керенского: а) позитивно; б) негативно.
3. Используя материалы этого пособия и главы 11 «Периодическая печать» в учебном пособии А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории» выявите и самостоятельно проведите источниковедческое изучение конкретного комплекса публикаций периодической печати второй половины XIX — начала XXI в. (по своему выбору). Обсудите работу с преподавателем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеева А. Н. Метод Жака Кайзера (Из опыта исследования французской ежедневной прессы) // Проблемы современной зарубежной печати: сб. статей. Л., 1969.

Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1984.

Голиков А. Г. Российские монополии в зеркале прессы (газеты как источник по истории монополизации промышленности). М., 1991.

Голиков А. Г. «Journal de St-Petersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2.

Дергачева Л. Д. Источниковедческие проблемы советской журналистики военного времени (1941 — 1945 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 2.

Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории. 1975: сб. статей. М., 1976.

Кан А. С. Газета как источник по истории международных отношений: (На примере шведского официоза за первую половину 1941 г.) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

Рыбаченок И. С. Первая конференция мира в Гааге в зеркале русской прессы // Отечественная история. 2002. № 3.

Черненко Е. В. Образ России в немецком еженедельнике «Шпигель» (по материалам публикаций 2000 — 2004 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 5.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА

12.1. Общая характеристика

Наряду с письменными источниками важную для историка информацию содержат источники изобразительные. Своеобразным зеркалом, отразившим реалии своего времени, является политическая карикатура. Отличительная ее черта — злободневность.

Термин «карикатура» происходит от итальянского *caricare* — то есть «перегружать», «подчеркивать», «преувеличивать». Карикатура — жанр изобразительного искусства, использующий, преимущественно в графике, приемы сатирического гротеска. Эту характерную особенность карикатуры отметил В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Карикатура — рисунок, содержащий что-либо в извращенном, смешном виде»¹.

Карикатурист намеренно предлагает зрителю смешное изображение лица, персонажа или события. При этом специфика сатирического творчества диктует ему «такой отбор художественных приемов, который зачастую исключает чрезмерное приближение к натуре и правдоподобию», — утверждал известный отечественный карикатурист Б. Е. Ефимов. Он подчеркивал, что карикатура имеет свои законы, свою метафорическую логику, свою систему. В карикатуре «самым дерзким образом совмещается несовместимое: реальное переплетается с фантастическим <...> тем не менее структура и композиция сатирического рисунка подчинены строгому расчету и замыслу автора, вся внешняя ее фантастика, управляемая твердой рукой художника, служит для выражения конкретной и ясной мысли». Обращаясь не только к рассудку человека, но и к его эмоциональному восприятию, карикатурист «переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»².

Как правило, изображение сопровождается текстом. Текст могут образовывать: название, надпись, реплики персонажей, наконец, подпись — в том случае, если отсутствует или неочевидно портретное сходство. Все это является существенной составляющей сатирической графики. Текст может пояснять рисунок, дополнять созданный образ, акцентировать внимание на тех или иных нюансах. В названии и подписи, как и в рисунке, всегда отражена позиция карикатуриста.

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М., 2009. С. 312.

² Ефимов Бор. Основы понимания карикатуры. М., 1961. С. 26, 45.

катуриста, который синтезирует изображение и текст в едином художественном произведении.

Сатирическая графика, будучи публицистическим произведением, в художественно-образной форме оперативно сообщает современникам об актуальных событиях общественно-политической жизни и международных отношений. То главное, что они несут в себе, талантливый художник точными штрихами, продуманными деталями, метким словом запечатлевает в карикатуре и предлагает зрителю не только определенную информацию, но и оценку того, что произошло.

Большая часть карикатур сохраняется и становится доступной для историка благодаря публикации в прессе. Только в XIX в. технические усовершенствования в полиграфии позволили удешевить и ускорить тиражирование произведений сатирической графики, а также совмещать рисунок и текст в периодической печати. Изобретение литографии дало возможность печатать изображение с камня, на котором художник рисовал особым карандашом, не прибегая, как прежде, к длительной и сложной процедуре изготовления гравюры на меди. Первый специально посвященный сатирической графике журнал «La Caricatur» основал в 1830 г. во Франции литограф Ш. Филиппон. В каждом номере он помещал две-три литографии.

Усовершенствование способа торцовой ксилографии (гравирования на дереве), открытого англичанином Т. Бьюиком еще в 1775 г., позволило использовать для изготовления печатной формы дерево не продольного, а поперечного распила, имевшее более однородную структуру. При работе острым резцом получался тонкий и гибкий штрих, а различная густота штрихов позволяла передать светотеневые переходы, наметить тоновые градации. Техника торцовой гравюры давала возможность заверстывать карикатуру и текст на одну страницу журнала или полосу газеты. Кроме того, она существенно увеличила количество отпечатков и удешевила стоимость отдельного номера. Все эти обстоятельства благоприятствовали становлению нового типа периодических изданий — еженедельного сатирического журнала с карикатурами. Так, с 1841 г. в Лондоне начинает издаваться «Punch»; в дни революции 1848 г., породившей многочисленную сатирическую прессу, в Берлине выходит первый номер журнала «Kladderadatsch». В 1859 г. в Турине был основан «Pasquino». Тогда же, в конце 1850-х гг., в Петербурге почти одновременно появляются «Весельчак», «Гудок», «Искра». В последней трети XIX в. тип еженедельного сатирического журнала с карикатурами представлял уже общемировое явление.

Принципиальное значение для развития сатирической графики имело открытие фотомеханического способа печати. С начала 1890-х гг. для воспроизведения изображений начали применять специальную сетку-растр. С помощью клише, изготовленных этим способом, массово репродуцировались тоновые иллюстрации, а возмож-

ность включать клише в набор позволяла заверстывать карикатуры непосредственно в тексты статей, которые публиковались в журналах и газетах. Взаимосвязь напечатанных в номере письменных и изобразительных материалов становится более тесной.

Поскольку карикатура адресована широкой аудитории, ее авторы используют такие средства и приемы, которые способны внятно и доходчиво передать замысел. Справедливо утверждение, что карикатура может говорить на «языке улицы». Так, совсем не случайно своеобразной эмблемой Июльской монархии во Франции XIX в. стал созданный Ш. Филиппоном аллегорический образ «короля-груши». Подметив, что голова короля французов Луи-Филиппа по форме напоминает грушу, художник выразил это наблюдение в серии зарисовок и показал этапы метаморфозы (рис. 3).

На первом рисунке король изображен таким, каким он известен по парадным портретам: немолодой уже мужчина, чуть прищурившись, добродушно смотрит на зрителя; завитые в тугие локоны во-

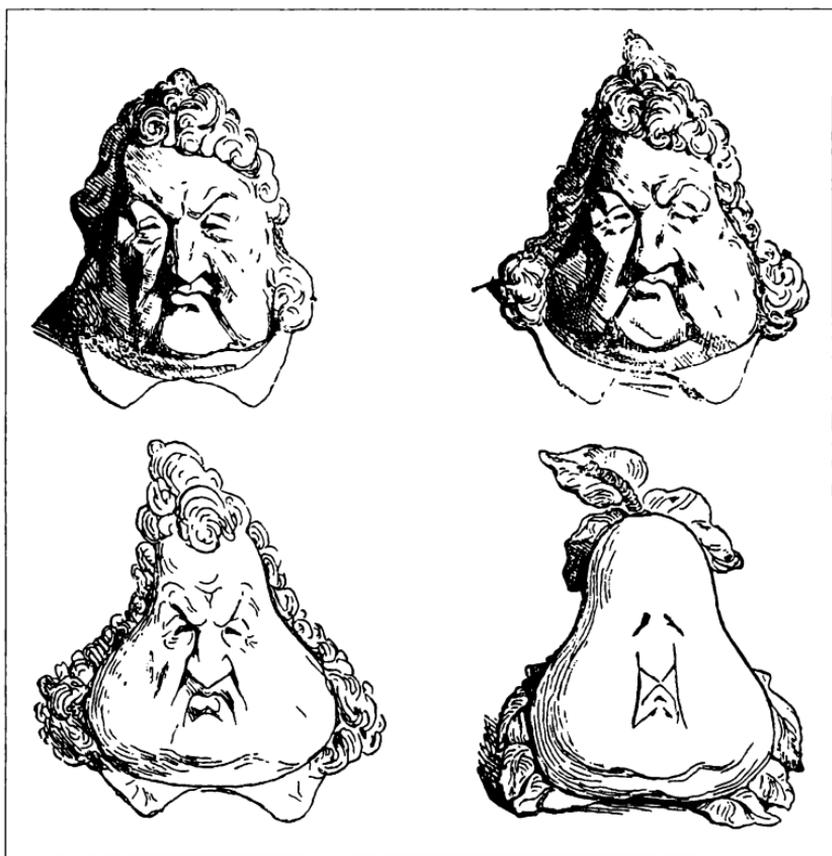

Рис. 3. Ш. Филиппон. Карикатура «Груши»

лосы открывают кажущийся широким лоб. Во втором рисунке художник только немного округлил щеки и слегка изменил прическу, подняв локоны надо лбом в виде кока. Но в результате нижняя часть лица оказалась непропорционально большой, а лоб стал казаться ниже и уже; к тому же добродушие во взгляде сменилось подозрительностью. Затем художник «разгладил» складки кожи на лице, и оно сделалось моложе, а менее пышная прическа явственно подчеркнула диспропорцию массивной нижней и узкой верхней части лица. По форме оно очень напоминало грушу, но у нее были нос, глаза, зло смотрящие из-под сердито поднятых бровей. На последнем рисунке зритель видел обыкновенную грушу. Как бы случайно прочертившие ее кожу трещинки только обозначали местоположение носа, глаз, губ; кок превратился в плодоножку, а локоны — в листья.

Как отмечали современники, суженная верхняя часть груши намекала на небольшой ум монарха, а раздутая нижняя часть, свидетельствующая о мощных челюстях, вызывала ассоциации с широко известным корыстолюбием этого короля. Но главная причина популярности карикатуры Филиппона, несомненно, заключалась в подписи под рисунком: «Груши». Дело в том, что во французском языке слово «роге» (груша) многозначно. Кроме названия всем известного плода, форму которого обыграл художник, в просторечии оно употреблялось как синоним слова «физиономия» в иронично-грубой форме: *морда, физиомордия*. Кроме того, в разговорной речи слово «роге» нередко употреблялось в уничижительном смысле: *простофиля, шляпа, балда*. Эти нюансы были хорошо понятны современникам, которым и адресовалась карикатура. Использованный автором эвфемизм никого не обманывал: подданные короля, увидев изображение груши, смеялись. Королевский суд запретил издание сатирической газеты «Le Charivari», в которой была напечатана карикатура. Тогда Филиппон в последнем номере своей газеты перепечатал текст судебного постановления, но набран он был... в виде груши!

Общепризнано, что карикатура — искусство символическое. При этом она должна быть понятна массовой аудитории как на бытовом уровне, так и в том случае, если речь идет об общественно значимых событиях. Прежде всего это касалось международной тематики. Под пером или карандашом художника каждая держава обретала характерные атрибуты-символы, которые легко «прочитывались» современниками. Образ той или иной державы в сатирической графике карикатуристы зачастую представляли в виде какого-либо животного (зверя, птицы или рыбы). Так, Германию символизировал черный орел, Францию — петух, Россию — медведь, США — белый орел, Китай — дракон, Англию — лев... Показательна в этом смысле заставка, которую помещал на титульном листе сатирический журнал «Punch» (рис. 4). В ней очень точно передана соль карикатуры: Панч — английский аналог русского Петрушки — с плутовской усмешкой стоит перед мольбертом; ему позирует полная самомнения

**HOTEL METROPOLE,
FOLKESTONE**

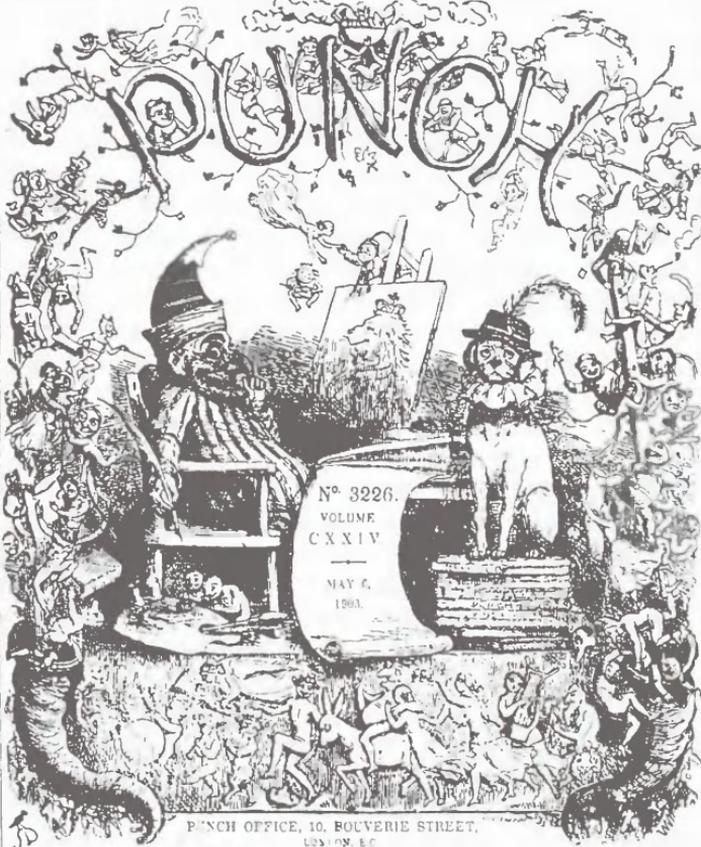
A Postal and Luxurious Hotel. Finest position on the Coast
By far the most sumptuous and comfortable Hotel at the fashionable resort.
Proprietors: GORDON HOTELS, Ltd.

**HOTEL ROYAL
DIEPPE**

RE-OPENS MAY 10.
Facing the Sea and near the Casino, with beautiful views of the picturesque Normandy Coast.
Proprietors: GORDON HOTELS, Ltd.

Copyright Notice.—Communications or Contributions, whether MS., Printed or otherwise, or Pictures of any Description, should always be accompanied by a stamped and addressed Envelope, Cover or Wrapper.

PUBLISHED EVERY WEDNESDAY

Yearly subscription including the Almanack and Postage, 15s. 6d.
Agents for CANADA: The Toronto News Co., and the Montreal News Co.
Agents for the UNITED STATES: The International News Co., NEW YORK.

PUNCH OFFICE, 10, BOUVERIE STREET, LONDON, E.C.

BULTEAUX PÈRE Grand Ideal **CHAMPAGNE**

To be obtained of all Wine Merchants, &c. Wholesale: L. BULTEAUX PÈRE & CO., 72, RUE DE LA HARPE, PARIS.

Рис. 4. Титульный лист сатирического журнала «Punch»

собака, а под кистью «художника» появляется портрет... льва. Но в рисунке есть «второе дно». Обратим внимание: на голове льва корона — символ королевской власти. Лев на заставке журнала — это Англия, историю которой намерен запечатлеть «Punch» на своих страницах средствами сатирической графики.

Соотношение изображения и текста в карикатуре в разное время было различным. По наблюдению исследователя отечественной сатирической графики Г. Ю. Стернина, в России до начала XX в. основное значение в карикатуре имела литературная фабула. Только во

Рис. 5. Н. А. Степанов. Карикатура «Либерал-эквilibрист»

время революции 1905—1907 гг. акцент переносится на рисунок, который воздействует на зрителя эмоциональной выразительностью создаваемого художественного образа, а текст отходит на второй план¹.

В 1862 г. Н. А. Степанов создал образ успешного карьериста, изобразив его в виде канатоходца (рис. 5). Очевидное портретное сходство с министром внутренних дел П. А. Валуевым раскрывало современникам инкогнито. Этот честолюбивый чиновник, имевший репутацию либерала, оказался ловким царедворцем: искусно маневрируя, он чутко улавливал мнения в верхах. Эту двойственность Валуева-политика — то либерала, то консерватора — талантливо показал художник. Умело балансируя, канатоходец старается пройти между «Да» и «Нет». Смысл этой политики отражен и в подписи к

¹ См.: *Стернин Г. Ю.* Очерки русской сатирической графики. М., 1964. С. 242.

рисунку: «Либерал-эквilibрист, колеблющийся во все стороны и отыскивающий благоразумную середину». Впоследствии отечественные карикатуристы неоднократно сравнивали деятельность политика с мастерством канатоходца.

В конце 1905 г. журнал «Жупел» поместил аллегорический рисунок И. Я. Билибина «Sic transit»... (рис. 6): величественный петух в короне, облаченный в горностаевую мантию, с ужасом взирает на блюдо, где лежит его обезглавленный и зажаренный собрат. Разумеется, в стране, где четыре пятых населения были неграмотными, латынь знали немногие. Круг тех, кто мог закончить фразу, добавив: «gloria mundi» — был заведомо ограничен. Но рисунок настолько выразителен, что смысл иносказания современники расшифровывали однозначно: цыпленок на блюде — грозное предупреждение царю. Ведь корона и горностаевая мантия — символы-атрибуты монарха. «Так проходит мирская слава», — напоминала подпись под рисунком. Обе составляющие карикатуры — изображение и текст — каждая своими средствами утверждали: революция — это смертельная угроза не только для монархии, но и лично для монарха.

Немецкий художник Рата Ланга в карикатуре «Видение царя» (рис. 7) для выражения той же идеи использовал прием аналогии. Он изобразил Николая II перед зеркалом, в котором самодержец видит не собственное отражение, а... обезглавленного Людовика XVI. Король левой рукой указывает на свою голову, держа ее правой за косичку парика. Чтобы сконцентрировать внимание зрителей на отрубленной голове французского монарха, художник так располагает эфес сабли царя, что созданная диагональ тоже указывает на нее.

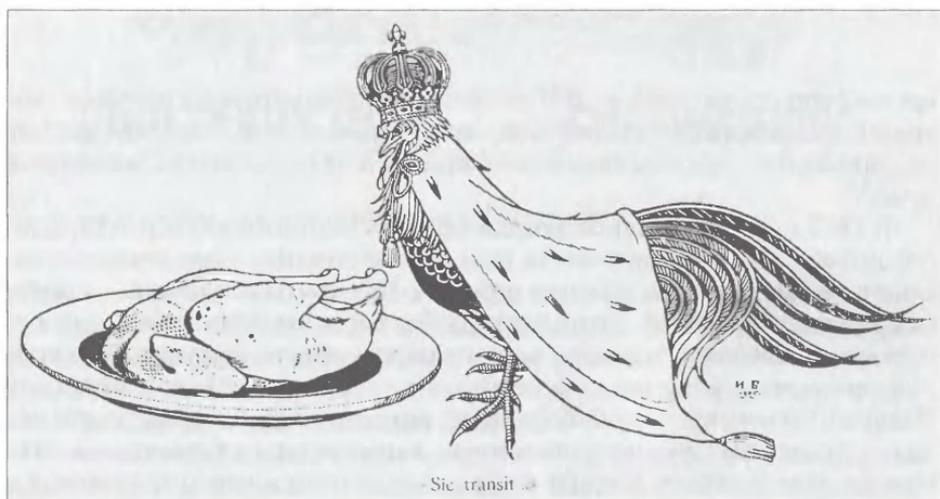

Рис. 6. И. Я. Билибин. Карикатура «Sic transit...»

Рис. 7. Р.Ланга. Карикатура «Видение царя»

По верному наблюдению отечественного мастера сатирической графики А. А. Радакова, «если внимательно просмотреть историю карикатуры, то заметишь, что художники одной нации, хотя и пользуются каждый своей собственной излюбленной, ему одному присущей манерой, но в общем имеют что-то общее в передаче натуры». В частности, отмечал Радаков, «рисунки немецких карикатуристов большею частью очень закончены, очень реалистичны, правильны в смысле верности натуры, с заботливо отделанными деталями. Они не заставляют предполагать и добавлять, — в них все ясно»¹. В ка-

¹ Радаков А. Карикатура. Л., 1926. С. 18—19.

рикатуре Рата Ланга «верность натуре» граничит с натурализмом: на рисунке видно, как из отрубленной головы короля струйкой вытекает кровь. Там, где русский художник ограничился бы намеком, немецкий карикатурист стремится к тому, чтобы зрителю было «все ясно». Так, на камзоле французского монарха отчетливо читается: «Louis XVI», на мундире царя — «Nicolas». Все детали рисунка свидетельствуют: Николай II смертельно напуган. И хотя пока это лишь видение, под карандашом художника оно приобретает характер прочтения.

Публикации в периодической печати дали политической карикатуре многочисленную аудиторию читателей-зрителей и одновременно позволили художникам разных стран знакомиться с произведениями коллег. Удачные находки мастеров мировой сатирической графики с разными вариациями использовались другими карикатуристами. Так формировался «язык карикатуры». Творческое переосмысление образцов способствовало постоянному обогащению его лексики и грамматики. Получил распространение прием аллюзии — намека, косвенной отсылки к уже известным читателю-зрителю произведениям.

12.2. Методика изучения

В отличие от источниковедения письменных источников, уже сложившегося в систему, источниковедение изобразительных источников пока разработано слабо. Во многом это обусловлено тем, что изобразительные источники отличаются особой формой выражения социальной информации.

Как отметил И. Д. Ковальченко, в содержательном плане зафиксированная в них информация об исторической действительности «является как бы закодированной, а потому скрытой. Для ее «прочтения» и использования в историческом исследовании необходима дешифровка, своеобразное «снятие» прикрывающей ее системы изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников»¹.

Очевидно, что без знания специальных средств и приемов, которые используют художники-карикатуристы, нельзя адекватно понять смысл созданного ими образа и механизм его воздействия. Поскольку политическая карикатура — всегда отклик на какое-либо общественно значимое событие или явление, постольку исследователь должен поставить ее в исторический контекст времени, выяснить информационный повод ее создания. Только тогда карикатура как исторический источник вполне раскроет свой потенциал. Решение каждой из этих задач требует от историка значительного запаса вне-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 120.

источникового знания и умения его использовать в работе с тем или иным произведением сатирической графики.

Покажем, как может быть выстроена методика источниковедческого изучения политической карикатуры, на примере произведений Кукрыниксов, созданных в годы Великой Отечественной войны. Кукрыниксы — коллективный псевдоним советских художников: М. В. Куприянова, П. Н. Крылова и Н. А. Соколова. Начавшаяся война стала для художников моментом истины: Кукрыниксы беспощадно выставляли на всеобщее обозрение безобразие врага, его слабости, отвратительно-комические черты. День за днем они писали языком сатирической графики летопись войны, которую СССР вел с врагом, вторгшимся в его пределы. Их произведения печатались на страницах газет, размножались в форме плакатов «Окон ТАСС», попадали к бойцам на передовой в виде рисунка на упаковке пищевого концентрата... Как известно, сатирическая графика «отличается острой тенденцией», она «воспитывает, агитирует, борется»¹.

22 июня 1941 г., в день начала войны, по радио выступил заместитель председателя СНК СССР В. М. Молотов с объявлением о нападении Германии. Он, в частности, сказал: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и *Наполеон потерпел поражение*, пришел к своему краху. *То же будет и с зазнавшимся Гитлером*, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу». Кукрыниксы тут же откликнулись карикатурой-плакатом, в название которой были вынесены слова, выделенные нами в тексте выступления Молотова. Рисунок адекватно переводил письменный текст на язык зрительных образов. На нем видно, как Наполеон пятится, стараясь уклониться от нацеленной на него рогатины, на которой читается: «1812». К императору в страхе прижимается маленькая фигурка А. Гитлера, возомнившего себя новым Наполеоном — на голове у него тоже треуголка, но украшенная знаком свастики. В одной руке у фюрера пистолет, из дула которого вьется струйка дыма, в другой — обрывки листка с текстом мирного договора с СССР. Смертельно перепуганный Гитлер, кажется, намертво припечатан к Наполеону прикладом красноармейской винтовки. Символика карикатуры проста и понятна: германскому рейхсканцлеру грозит судьба французского императора.

В сложных условиях начального периода войны, когда доставка центральных газет на фронт была затруднена, боец, достав из мешка упаковку пищевого концентрата, часто видел на ней рисунок с хорошо знакомой подписью: Кукрыниксы. Сюжет карикатур, как правило, незамысловат. Вот немецкий солдат в каске, со свастикой на нарукавной повязке, с пистолетом в руке и с большим мешком за

¹ *Bunnep Б. Р.* Введение в историческое изучение искусства. М., 1985. С. 60.

спиной, полным награбленного добра — крадется, воровато озира-ясь. Подпись поясняет: «Смотрят жадные враги...». На втором помещенном тут же рисунке немецкий солдат, для маскировки нацепивший поверх мундира женское платье и прикрыв каску платком, изображен в момент несостоявшейся трапезы. «К нам явился он за кашей...» — сообщает подпись. Немец уже приготовил большой котелок, наполнил его «реквизированной» у хозяев кашей, но... дворový пес срывает с него маскировку, и под дулами красноармейских винтовок вояка в страхе тянет руки вверх.

Итог «эпопеи» подведен в третьем рисунке — «Хотел отведать каши»... Зритель видел стоящий в поле деревянный крест, увенчанный немецкой каской и наряженный как огородное пугало в обтрепанный немецкий военный китель. Несколько деталей дополняют картину: к горизонтальной перекладине креста привязаны ложка и вилка, на локтевом сгибе чучела висит ведро с надписью «Для каши», а на «плече» сидит ворон — птица, питающаяся мертвечиной.

В ноябре 1941 г., когда немецкие войска стояли под Москвой, Кукрыниксы создали карикатуру «Не так страшен черт, как его малюют» (рис. 8). В ней показан процесс рождения «монументального художественного произведения» — парадного портрета Гитлера. Художнику позировал маленький тщедушный человечек, а под кистью «живописца» (имперского министра пропаганды фашистской Германии Й. Геббельса) фюрер предстает воителем, один вид которого должен внушать страх и трепет всем и каждому. Его грозный взгляд, могучий торс, закованный в рыцарские латы, мощные бицепсы и огромный кулак, казалось, символизировали несокрушимую силу Третьего рейха. Человечек пыжится изо всех сил, но, вследствие очевидного несоответствия двух изображений, рисунок производит комическое впечатление. Информационным поводом для этой работы Кукрыниксов стала речь И. В. Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. Напомнив русскую пословицу: «Не так страшен черт, как его малюют» — верховный главнокомандующий пояснил свою мысль: «Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков? Враг не так силен <...> Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские войска стоят перед катастрофой».

После провала немецкого наступления на Москву Кукрыниксы подготовили для очередного выпуска «Окон ТАСС» карикатуру «Превращение “фрицев”» (рис. 9). Такие агитационные политические плакаты, размноженные с помощью трафарета, размещались в Москве и других крупных городах страны. Символика рисунка легко прочитывалась. Под карандашом художников марширующие на восток гитлеровские солдаты превращаются сначала в огромные знаки

Рис. 8. Кукрыниксы. Карикатура «Не так страшен черт, как его малюют»

свастики, а затем в ряды деревянных крестов на могилах, над которыми кружит воронье. Рисунок дополнял стихотворный текст Д. Бедного: «Здесь, где окна все — бойницы, / здесь, где смерть таят кусты, / здесь, глотнув чужой землицы, / одуроченные «фрицы» / превращаются в кресты». Симптоматичен выбор лексики, обозначающей немецких солдат — «фрицы». В отличие от слов «гитлеровцы», «фашисты», воспринимавшихся негативно, обозначение «фриц» — нейтрально, поскольку это не что иное как ставшее нарицательным распространенное немецкое имя. Автор текста чутко откликнулся на слова приказа наркома обороны СССР И. В. Сталина в связи с 24-й

Рис. 9. Кукурыникисы. Карикатура «Превращение “фрицев”»

годовщиной создания Красной Армии: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается».

Традиция, подводя итоги уходящего года, попытаться предугадать, что сулит год наступающий, дала тему для карикатуры «Новогоднее гадание» (рис. 10). На листке отрывного календаря — 31 декабря 1942 г. Гитлер гадает на картах. Рисунок полон намеков. Брошенный

Рис. 10. Кукрыниксы. Карикатура «Новогоднее гадание»

в воду перстень отсылает зрителя к описанию сцены гадания в поэме В. А. Жуковского «Светлана». Отклоняющееся коптящее пламя свечи, основание которой имеет сходство с формой головы Б. Муссолини, напоминает о недавней высадке в Северной Африке англо-американских союзников, открывшей перспективу распада итало-германской коалиции. Туз пик, выпавший при гадании, предрекает фюреру казенный дом, а в зеркале Гитлер видит собственную смерть. Детали рисунка свидетельствуют: будущее не сулит Гитлеру ничего хорошего.

Летом 1943 г. Кукрыниксы изобразили фюрера в виде канатоходца, балансирующего над пропастью. Карикатура называлась «Смертельный номер, или нарушенное равновесие» (рис. 11). Зритель видел, что шест-балансир, который Гитлеру помогали поддерживать его марионетки — лидеры союзных Германии государств-саттелитов (Й. Антонеску, М. Хорти, Б. Муссолини) — с одной стороны надло-

Рис. 11. Кукрыниксы. Карикатура «Смертельный номер, или нарушенное равновесие»

мился. Ухватившийся за обломок итальянский дуче вот-вот свалится в пропасть. Современникам, следившим за событиями мировой войны, иносказание было понятно: англо-американские войска, выбив итальянцев из Северной Африки, заняли Сицилию и крах режима Муссолини стал вопросом нескольких дней. «Нарушенное равновесие», грозившее распадом итало-германской коалиции, создавало смертельную опасность и для «канатоходца».

В 1944 г., в преддверии окончания войны, Кукрыниксы выразили обозначившуюся для Гитлера перспективу в двухчастной карикатуре

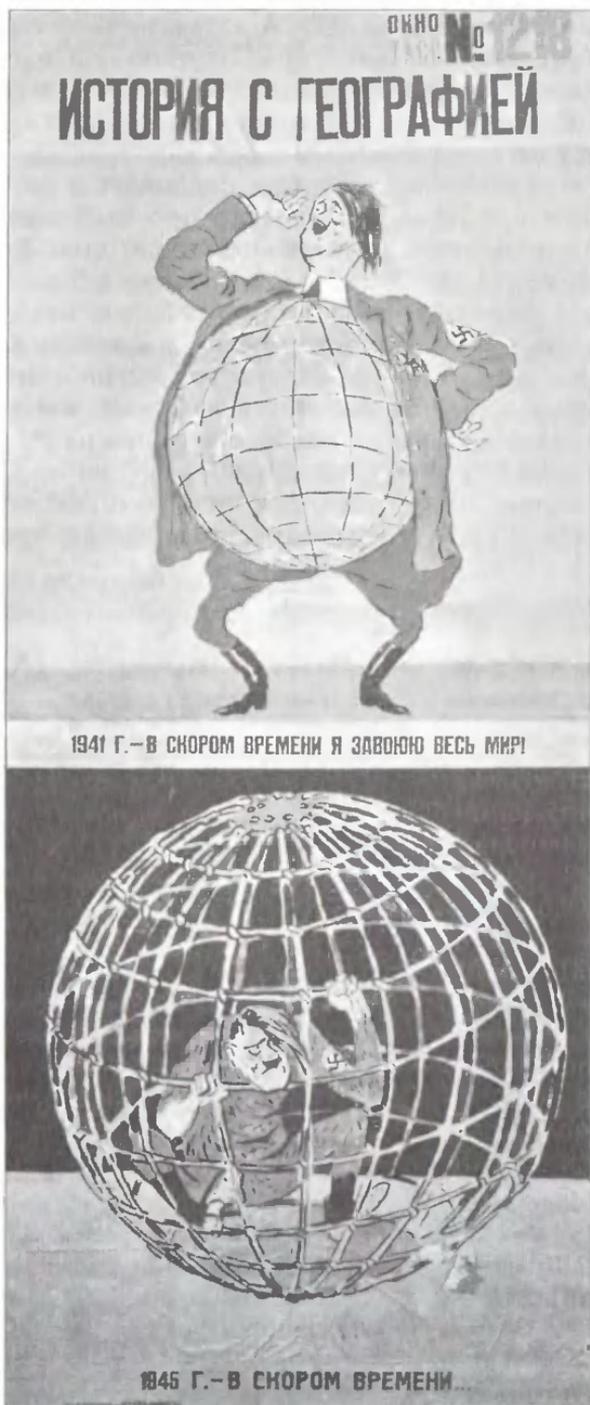

Рис. 12. Кукрыниксы. Карикатура «История с географией»

«История с географией» (рис. 12). В название вынесена цитата из популярного рассказа А. М. Горького «Озорник». На первом рисунке: «1941 г. — В скором времени я завоюю весь мир» «озорник»-Гитлер изображен с огромным животом, в котором находится Земной шар. На втором рисунке ситуация изменилась кардинально: фюрер, хваставший своим отменным аппетитом, оказывается внутри Земного шара, параллели и меридианы образуют прочный каркас-клетку, в которой заключен претендент на мировое господство. В подписи под рисунком утверждалось: «1945 г. — В скором времени...». Созданные Кукрыниксами образы утверждали: мы сильнее, правда на нашей стороне, а значит, как бы ни было трудно, мы победим.

Как исторический источник карикатура важна и интересна тем, что емко отображает знания людей о своем времени и позволяет выявить способы формирования массового сознания. Понимая язык сатирической графики и обращаясь к ней в сочетании с другими источниками, историк получает возможность комплексного, а значит, более многомерного и адекватного представления о прошлом.

ЗАДАНИЯ

1. Используя материалы этого пособия, охарактеризуйте средства и приемы, которые применяют художники-кариатуристы.
2. Найдите в карикатурах, включенных в изобразительный ряд главы 12 пособия, примеры использования художественных средств и приемов кодирования информации о действительности.
3. Самостоятельно проведите источниковедческое изучение подборки карикатур (по своему выбору). Обсудите работу с преподавателем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Виппер Б. Р.* Введение в историческое изучение искусства. М., 1985.
- Голиков А. Г.* Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4.
- Голиков А. Г., Рыбачёнок И. С.* Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX—XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
- Ефимов Б. Е.* Основы понимания карикатуры. М., 1961.
- Радаков А.* Карикатура. Л., 1926.
- Рыбачёнок И. С.* Политическая карикатура на рубеже XIX—XX веков. Коллекция французского журналиста Дж. Гран-Картере // Новая и новейшая история. 2011. № 2.
- Стернин Г. Ю.* Очерки русской сатирической графики. М., 1964.
- Финягина Н. П.* Сатирическая графика как исторический источник // Труды НИИ культуры. Т. 11. М., 1974.
- Швыров А. В.* Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб., 1904.

Предисловие	3
РАЗДЕЛ I. ИСТОЧНИКИ X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	
Глава 1. Летописи	4
1.1. Общая характеристика	4
1.2. Методика изучения	7
Глава 2. Законодательные источники	24
2.1. Общая характеристика	24
2.2. Методика изучения	27
Глава 3. Акты	42
3.1. Общая характеристика	42
3.2. Методика изучения	43
3.2.1. Датирование	43
3.2.2. Дипломатический анализ	49
Глава 4. Делопроизводственная документация	62
4.1. Общая характеристика	62
4.2. Методика изучения	68
Глава 5. Источники личного происхождения	79
5.1. Общая характеристика	79
5.2. Методика изучения	84
5.2.1. Использование биографических данных	84
5.2.2. Почерковедческий анализ	89
Глава 6. Периодическая печать	97
6.1. Общая характеристика	97
6.2. Методика изучения	100
РАЗДЕЛ II. ИСТОЧНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XXI в.	
Глава 7. Законодательные акты	110
7.1. Общая характеристика	110
7.2. Методика изучения	116

Глава 8. Делопроизводственная документация	127
8.1. Общая характеристика.....	127
8.2. Методика изучения.....	132
Глава 9. Статистические источники	145
9.1. Общая характеристика.....	145
9.2. Методика изучения.....	149
Глава 10. Документы личного происхождения	169
10.1. Общая характеристика	169
10.2. Методика изучения.....	177
Глава 11. Периодическая печать	189
11.1. Общая характеристика.....	189
11.2. Методика изучения.....	193
Глава 12. Политическая карикатура	206
12.1. Общая характеристика	206
12.2. Методика изучения	214

Учебное издание

**Голиков Андрей Георгиевич,
Круглова Татьяна Александровна**

Методика работы с историческими источниками

Учебное пособие

Под редакцией А. Г. Голикова

Редактор *А. В. Медведева*

Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*

Компьютерная верстка: *Л. М. Беляева*

Корректор *А. П. Сизова*

Изд. № 101114625. Подписано в печать 26.08.2013. Формат 60 × 90/16.

Гарнитура «Ньютон». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 34926.

ООО «Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru

129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1.

Тел./факс: (495) 648-0507, 616-00-29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 16476 от 05.04.2013.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru